

Город с оружием в руках

Горожане всегда любили оружие. В смысле, любил, чтобы дома оно было «под рукой». Тем более — до октября 1917 года, когда на приобретение оружия не требовалось никаких дополнительных разрешений, кроме паспорта. Последующие попытки разоружить горожан имели очень слабый результат — у красных, у сибирцев, у колчаковцев и снова у красных. Несмотря на разницу в «цвете», власть с редкостным упорством пыталась заставить новониколаевцев оружие сдать. А горожане, как могли, сопротивлялись.

Как это ни смешно, но самые большие проблемы с приобретением оружия были у городской полиции. Им-то как раз требовалось специальное разрешение. Так, в феврале 1909 года газеты с восторгом сообщали, что местным городским управлением наконец-то получено «свидетельство на приобретение 10 берданок кавалерийского образца и 1000 патронов к ним для вооружения полицейской стражи».

Требовалось дополнительное разрешение на приобретение «дополнительного» личного оружия и офицерам. Согласно правилам, «в строю» (то есть на службе) им разрешалось иметь приобретенные на собственные средства пистолеты «Браунинг», пистолеты «Борхард-Люгер» (более известные как «Парабеллум»), автоматический пистолет «Саваж», револьвер «Смит и Вессон русский».

«Вне строя» (то есть для домашнего баловства) офицерам дозволялось иметь дополнительно еще и пистолеты

Здание было построено для Сибревкома, но в нем разместился крайком ВКП(б), а позднее — обком КПСС (ныне — Художественный музей). Надпись над входом гласила: «Сибирский краевой исполнительный комитет Советов»

«Маузер» и «Штейер». При чем на приобретение собственного оружия необходимо было разрешение командира части.

А вот отпускали господам офицерам казенные патроны для практических стрельб — только для штатных револьверов «Наган». Патроны для своих домашних «игрушек» офицеры должны были покупать дополнительно и за собственные деньги, а не за казенный счет. Всем остальным горожанам для приобретения оружия (охотничьего, а также пистолетов и револьверов) не требовалось ни разрешения губернатора, ни даже командира части.

И, в случае необходимости, горожане «своим» оружием охотно и умело пользовались. Мы уже рассказывали, как, к примеру, жена доверенного пивным складом Крюгера госпожа Крейчик с револьвером в руках отбила в июне 1906 года попытку ночного грабежа. Причем, когда полиция явилась, налетчики-неудачники уже ретировались. Вероятно, здраво рассудив, что лучше наткнуться на полицию, чем пытаться и дальше тревожить ночной покой простой горожанки. Госпожа Крейчик с помощью револьвера «Смит и Вессон» объяснила это более чем доходчиво.

Ассортимент имевшегося в продаже оружия был велик и разнообразен. Его, собственно, хватило бы с лихвой для вооружения полноценного стрелкового полка.

21 июля 1914 года, в день вступления России в Первую мировую войну, в городе разыгралось сражение не хуже, чем на фронте.

Узнав о начале войны, находившиеся на вокзале около четырех тысяч мобилизованных на «настоящую» войну ехать наотрез отказались и пошли в город, громко по пути лавки.

«В ответ на выстрелы полицейских мобилизован-

Сотрудники городской милиции, 1930-е годы

ные, разбив оружейный магазин, вступили с ними в перестрелку. Солдат, прибывших на помощь полиции, встретили оружейным огнем и камнями.

В столкновении ранено около 20 полицейских и военных, убито двое мобилизованных и столько же ранено» («Новосибирск. 100 лет». Н., 1993 год).

Так что мобилизованные достаточно успешно вели огонь на поражение. Впрочем, буянов достаточно быстро усмирили, разоружили и заставили вновь погрузиться в вагоны, чтобы все-таки ехать на войну, где можно вволю было пострелять с пользой для Отечества. Февральская революция 1917 года мало что изменила в деле снабжения оружием органов правопорядка.

В сентябре 1917 года депутаты Городского народного собрания вынуждены были констатировать, что милиция находится «в плачевном состоянии»: «Некоторые пользуются старыми револьверами, которые уже давно следовало бы сдать в архив... Обращения начальника милиции в разные учреждения по поводу оружия не увенчались успехом. Одно учреждение посылает к другому, другое — к третьему и т. д.»

По сравнению с милицией горожане были очень не-

плохо вооружены. Причем их-то оружие никакой регистрации не требовало.

Впрочем, это не помешало только что появившейся Красной Гвардии значительную часть оружия у населения изъять.

Все оказалось до смешного просто. Сначала провели обыск у членов правления местного Общества любителей правильной охоты — изъяли списки членов. Ну а потом прямо по этим спискам и пошли.

Улов был велик — естественно, что у каждого любителя правильной охоты в собственности имелось по нескольку стволов «игрушек для взрослых мальчиков».

Все, что смогло Общество, — выразить свой протест. К нему присоединилось и местное отделение партии социалистов-революционеров — выпустило истеричное заявление с призывом оружие не сдавать. Но это было не более чем бессильное и запоздалое «сотрясение воздуха». В мае 1918 года у всех антисовдеповских подпольщиков оказалось «на руках» всего-то менее 20 ружей.

Второй раз свой вялый протест по поводу изъятия ружей любителям «правильной охоты» пришлось выражать уже не Совдепу, а «сибирцам» — в сентябре 1918 года. «Сибирцев» сменил адмирал Колчак, — а оружие у населения все равно оставалось.

16 ноября 1918 года начальник гарнизона полковник Степанов публикует грозный приказ о том, что все жители г. Новониколаевска в трехдневный срок должны сдать имеющееся у них оружие. Чуть ли не рядом с приказом газеты печатали и частные объявления — например, о продаже патронов к револьверам. В очередном приказе (ровно через трое суток, 20 ноября) Степанов констатировал невыполнение предыдущего приказа.

И — объявил порядок получения горожанами разрешений на оружие. Власть расписалась в собственном бессилии и пыталась делать «хорошую мину при плохой игре» — хотя бы через выдачу удостоверений зарегистрировать вооруженных горожан.

То, что и это распоряжение оказалось «гласом вопиющего в пустыне», годы спустя подтвердила уже новая власть.

4 июля 1933 года, выступая в Новосибирске перед краевым активом, полпред ОГПУ по ЗапСибкраю Алексеев признавал: «Опыт наших сибирских восстаний говорит за то, что народ здесь повстанческую тактику

знает, имеет практику исключительно большую. Здесь умудрялись, начав с трех винтовок и десятка охотничьих ружей, в период «колчаковщины» находить пулемет.

Так что народ здесь прошел хорошую школу гражданской войны. Да и кулачество, которое принимало в известной части участие в партизанском движении, тоже эту школу прошло».

Так что новониколаевцы, а потом и новосибирцы, оружие охотно приобретали и очень неохотно с ним расставались. И, естественно, пытались всячески избежать хоть какой-то регистрации.

Так, уже в начале 1990-х годов первые газовые «импортные» пистолеты и револьверы появились в Новосибирске еще до появления Закона «Об оружии». А нет закона — нет и регистрации. «Газовики» быстро вошли в моду у горожан. У тех, естественно, кто имел средства их купить. Впрочем, мода эта быстро прошла. И появление соответствующего закона никакого отношения к этим процессам не имело. Просто люди достаточно быстро раскусили, что никакого отношения к оружию «газовики» не имеют.

В лучшем случае они могли «испортить воздух», да и то на недолгое время. Единственное, на что они годились, — на переделку под малокалиберный патрон. А это уже было и остается самым банальным уголовным преступлением.

Не советую никому из владельцев даже и зарегистрированных охотничьих ружей пытаться отпилить у своей собственности часть ствола или приклада. Это уже переделка, и владелец подобного обреза автоматически попадает в совсем иные регистрационные списки — подследственных в СИЗО.

А «взрослые мальчики», желающие потешить себя каким-нибудь оружейным раритетом, вполне могут приобрести в городских оружейных магазинах копии и автоматов ППШ, и винтовок Мосина, и даже пулеметов «Максим».

Правда, у меня всегда оставался вопрос: насколько далеко удастся укатить владельцу «максимки» свое приобретение по городским улицам от дверей магазина?

Боюсь, реакция первого же милицейского патруля будет скорой и неадекватной.

Гражданин, пройдемте!

Полицию, как и милицию, не любит никто, и так же никто не сомневается в их необходимости. Особенно необходимость в них начинает остро ощущаться, когда никого из стражей порядка под рукой нет. И это, похоже, не самая лучшая из городских традиций.

Полиция в городе появилась далеко не сразу. И при обстоятельствах, которые сегодня кажутся, скорее, юмористическими. Собственно, горожане никогда не были против порядка — с шумом и скандалами выбрали старосту Илью Титлянова, причем томское полицейское управление (мы тогда относились к Томской губернии) это избрание утвердило.

Правда, старостой он оставался всего четыре месяца. Избрали его «за порядком следить» вскоре после празднеств по случаю коронации Николая II. Тогда праздничные мероприятия закончились пьяным дебошем, в результате которого 2 человека погибли и 8 сильно пострадало. С буйными разбирались сами горожане. Железнодорожная полиция обеспечивала охрану моста и станции, и в жизнь мирных обывателей не вмешивалась. Действовали по принципу: «У вас — бардак, у нас — работа». Титлянов настолько рьяно взялся за обустройство общественных дел, что сейчас уже трудно сказать — была это наивность, безысходность или обычная человеческая глупость. Когда староста обло-

жил поселян новым налогом, люди возмутились. Вместо порядка получалась «обираловка». Как сообщает «Справочник по городу Ново-Николаевску» (1912 г.) в кратком историческом очерке, «12 декабря (1896 г. — А. К.) в №265 «Томского листка» появилось следующее сообщение: «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет, староста не признает выборных, собирает сходы из разного сброда и творит что ему вздумается». Вслед за этим должность старосты упразднена».

Для наведения порядка и управления будущим городом из Томска был прислан полицейский чиновник Ржевский. Собственно, это и можно считать началом появления в городе полиции, ее столкновений с «бунтовщиками», а также в причастности массе исторических анекдотов.

Отставленный староста не смирился — попытался для начала собрать сход, после чего господин Ржевский объяснил ему, что сходы запрещены, а если он на чем-то будет настаивать, с ним поступят «как с бунтовщиком и подстрекателем». Титлянов, что называется, «не внял».

Когда во время проезда через город императора полицейский Ржевский засадил под арест несколько местных буйных (засадил на всякий случай — к политике они отношения никакого не имели), Титлянов замок с сарая сорвал и арестованных выпустил. После чего сильно по-

Николаевский проспект, 1910 г.

страдал, когда его выбросили ночью с моста. В советские времена писали, что, дескать, это месть была от полиции бывшему старосте и что в результате этих событий его «искалечили».

Насчет «искалеченности» сам Титлянов признавался, что заболел «от огорчения». Да и вся эта история с ночными прогулками по мосту... Вы не пробовали зайти ночью на железнодорожный мост? Немного пройдете — охрана есть, и она для таких объектов необходима. Да и зачем туда идти?

Так что, собственно, неудивительно, что охранявшие мост стражники железнодорожной полиции предъявили к внезапно возникшему прохожему свои претензии. Сто раз прав и сто раз гениален Михаил Булгаков: «Как причудливо тасуется колода!»

Вам ничего не напоминает история нашего первого старосты? Всенародно избранный, начальством изгнанный и полицией с моста сброшенный. У меня такое ощущение, что я читаю биографию первого президента России Бориса Ельцина. Который, кстати, так и не смог внятно объяснить, как он оказался на «своем» мосту, с которого его «уронили». Оправдываться перед всей страной пришлось МВД. Борис Николаевич в это время в очередной раз болел «от огорчения».

Неблагонадежные личности около кабака

После того, как за городом наконец-то признали городской статус, выделили и средства на содержание полиции. Собственно, еще с 1897 г. в Новониколаевске обретались полицейский пристав, его помощник и 10 стражников. Что очень немного на 10 тысяч душ населения обоего пола.

Население с развитием города росло, и полиция, естественно, требовала выделить для себя дополнительные штаты. С переходом города в статус города (простите за тавтологию!) чины полиции получили право ношения пресловутой полицейской шашки, которую в просторечии называли «селедкой». Название далеко не случайно. Сама по себе полицейская шашка заточки не имела. Зато вложенная в ножны, она очень помогала разгонять хулиганов, когда полиция действовала шашкой строго по инструкции — «По шеям!». «Селедка» — это потому, что шашка «отбивала» по спинам необходимость в буйстве так же, как о край стола оббивают сушеную рыбку. Эдакая «резинка дубиновая», и назначение ее, собственно, то же самое было.

Город рос, и количество требуемых городу полицейских возрастало. Только людям, которые на «государевой службе» находятся, государство, вроде бы, платить и должно. В архивах остались десятки писем от властей Новониколаевска с просьбой увеличить в городе полицейские штаты. Несмотря на то, что, скажем, глава городской Думы господин Жернаков имел все основания на полицию обижаться.

Проезжая мимо городской тюрьмы, «главный по городу» заметил проходящего знакомого и остановил пролетку. Видимо, г-н Жернаков был очень эмоциональным человеком и очень сильно «разговаривал» руками. В результате чего полицейскими и был арестован. После чего, гордому, естественно, заинтересовалась: а как вообще в центре города очутилось тюремное здание? После — а не до этого... Попробовал бы кто-нибудь сегодня арестовать мэра Владимира Городецкого перед зданием городского УВД — думаю, такое в голову бы даже не пришло.

Интересная вещь — все захватывающие дух (для тех, кто в них не участвует) преступления как-то приписались в нашем городе на годы Советской власти. А поли-

ция справлялась в Новониколаевске с преступностью вполне успешно. Судите сами: на три десятка городских в 1910 число раскрытых преступлений составило 1170, в 1913 г. — 1501, в 1917 г. — 2414. И это при том, что население города выросло с 12 до 60 тысяч, а вот дополнительных полицейских кадров и денег на них так и не дали.

В общем, видимо не случайно, что во время Февральской революции 1917 г. новониколаевская полиция оказалась, как говорится, «вместе с народом» — полицмейстер пришел в городскую Думу и в буквальном смысле слова положил всю полицейскую власть к думским ногам. Отстегнул и отдал ту самую пресловутую «селедку». Полицмейстера сначала «облобызали», затем арестовали и посадили, затем — отправили рядовым на фронт, несмотря на то что Первая мировая уже кончалась.

...Куда «уплыла» историческая в своем роде последняя «селедка» последнего новониколаевского полицейского — неизвестно. Следить за порядком по случаю революции стало некому.

Новониколаевская полиция, несмотря на свою малочисленность, «курировала» широкий спектр вопросов — от правильности содержания публичных домов и торговли спиртным до участия в политическом сыске. Так же, как сейчас, полиция жаловалась на «недофинансирование» и так же, как сейчас, у общества постоянно возникали «вопросы» к тем, кто порядок должен охранять.

Несмотря на то, что сегодня старая Россия представляется в массовом сознании чуть ли не тотально полицейским государством, действительность была несколько иной.

Еще в 1907 г. томский губернатор обратился со специальной докладной в Министерство внутренних дел по поводу штатов новониколаевской полиции. Сообщив о количестве полицейских к этому времени (полицейстер, пристав, два его помощника и 26 стражников), губернатор назвал этот штат «совершенно несостоятельным в деле «поддержания порядка». Особенно — во время массового прохождения через город воинских эшелонов. Фактически невозможно было организовать сколь-нибудь нормальные полицейские ночные обходы (конные и пешие) где-нибудь, кроме центральной части города.

В связи с чем губернатор просил увеличить штаты полиции. В просьбе, однако, было отказано: дополнительные штаты — дополнительные расходы. А деньги федеральный центр регионам всегда выделял со скрипом — что сегодня, что 100 лет назад.

**Околоточный надзиратель,
1910-е годы**

Кстати, служба в полиции считалась довольно высокооплачиваемой. В начале XX века полицейский пристав получал денежное содержание в размере 1500 рублей (500 — жалование, 500 — столовых, 300 — квартирных, 200 — разъездных); помощники пристава — по 1000 рублей; стражникам платили по 300—400 руб. в год. Для сравнения: пуд ржаной муки стоил 25 копеек, пшеничной — 35.

Основные претензии обывателей в адрес полицейских поразительно напоминают сегодняшний день, как будто и 100 лет не прошло. Вот характерный приказ сен-

тября 1913 г. по московской полиции, который был циркулярно, для сведения разослан во все полицейские управления Российской Империи — проблема, видать, была актуальна что для Москвы, что для Новониколаевска.

«Объявляю при сем ведомость о числе околоточных надзирателей и городских, привлеченных в 1912 г. к уголовной ответственности по 346 и 347 статьям Уложения о наказаниях за оскорбление ими при исполнении служебных обязанностей обывателей на словах и действием...

Из этой ведомости видно, что околоточных надзирателей привлечено 7 человек, из них оправданы 3 и признаны виновными 4 человека; городских — 30 человек, из них оправдано 3 и признано виновными 27. Эти цифры показывают, что, несмотря на неоднократные разъясне-

ния в приказах по полиции и беседах с чинами полиции, низшие полицейские чины не умеют быть сдержанными и позволяют себе на словах оскорблять обывателей, и даже допускают кулачную расправу.

Вместе с тем эти же цифры свидетельствуют, что ближайшими начальниками околоточных надзирателей и городских — господа приставы — не внушают и не разъясняют им, что оскорбление обывателей словами и действиями составляет уголовно-наказуемый проступок, роняет достоинство чина полиции и бросает скверную тень на всю полицию. Пора от подобного способа воздействия отказаться».

Золотые слова! Не правда ли, как будто сегодня написано?

Помимо патрулирования на улицах, полицейские принимали участие в политических арестах и обысках, изъятии нелегальной литературы. Под их надзором было и проживание в Новониколаевске политических административно-ссылных, которых к 1916 году насчитывалось около 70 человек (в основном — меньшевиков и эсеров). Причем тут полиция действовала достаточно эффективно и быстро.

Так, в конце 1911 г. в Новониколаевске поселился Александр Скворцов, член Сибирской автономной группы партии эсеров. Прибыл он в город, естественно, для агитации, на жизнь зарабатывал частными уроками и консультациями. А уже 15 декабря того же года Томское губернское жандармское управление сообщило в МВД о проведении у Скворцова обыска, причем особо отмечалось, что «у него обнаружены письма, указывающие на его знакомство с лицами политически неблагонадежными».

Помимо политических ссыльных, полиция обязана была контролировать и легальную проституцию. Газета «Сибирская жизнь» в августе 1906 г. писала, что «в городе Ново-Николаевске множество номеров, меблированных комнат, частных трактиров, многие из которых больше похожи на публичные дома, надзор бессилен, сифилис процветает».

В конце 1910 г. жители улицы Инской обратились со слезным прошением к томскому губернатору — перевести дома терпимости с их улицы в другое место. Однако губернатор, ссылаясь на мнение полиции, в просьбе отказал на том основании, что на окраинах для публичных домов нет помещений, перевод их туда облегчит де-

ятельность преступных элементов и отрицательно скажется на военнослужащих, строивших казармы в Закаменском районе.

Позднее выяснилось, что у полиции была и еще одна причина держать дома терпимости именно в центре города, «под рукой», и что «надзор» отнюдь не был так «бессилен», как писали газетчики.

В апреле 1914 г. в Новониколаевске прошла выездная сессия Омской судебной палаты. Процесс был громкий — на скамье подсудимых оказались городской полицмейстер Висман и 7 его подчиненных-полицейских. Выяснилось, что вместо 7 официально разрешенных домов терпимости полицейское управление допустило существование в городе 113 (!).

Но «пустило» — не значит «упустило». Все шло под бдительным полицейским контролем — содержатели публичных домов платили полиции до 300 руб. в месяц, причем девиц они были обязаны отпускать только в трактир Чиндорины. Совладельцем которого, по странному совпадению, и был полицмейстер Висман.

В итоге на банковском счету у полицмейстера скопилось на момент ареста около 120 тысяч руб. Возможно, раскрытие группы Висмана было первой успешной полицейской операцией из тех, которые в наши дни гордо называются «Чистые руки» и регулярно проводятся в правоохранительных органах.

А вот с порядком на улицах становилось все хуже и хуже. С началом войны город наводнили беженцы, выросла безработица. 9 ноября 1916 г. возмущенные ростом цен на продукты и очередным сокращением норм выдачи сахара по карточкам сотни горожан разгромили продовольственную лавку и мануфактурный магазин «Сибирского товарищества».

Вызванный для умирения воинский патруль присоединился к толпе, так же, как и солдаты-фронтовики с ратниками-ополченцами. От полицейских долго и успешно отбивались камнями, бунт подавили только дополнительные воинские части. В результате — 2 женщины убиты, несколько человек ранено, десятки — арестованы. Меньше чем через месяц, в декабре, паек был снова сокращен, и бунт повторился. И снова в полицию летели камни и палки, и снова в результате — несколько убитых, 23 подвергнутых тюремному заключению.

В такой ситуации говорить о том, что полиция охраняет порядок на улицах и покой горожан, было уже как-

то странно. Полицию распустили сразу после получения известий о Февральской революции 1917 г. из Петрограда. Наспех созданная добровольческая милиция порядок поддерживать не умела, да и не того уже было — дело катилось к Гражданской войне.

...На память о новониколаевской полиции осталось, собственно, немного. Здание арестного дома на Барнаульской (ныне — ул. Щетинкина) да еще, похоже, традиционно своеобразное представление людей в погонах о том, что такое «общественный порядок».

И почему по наследству всегда передаются не самые лучшие качества?

Такие странные забастовки

При слове «забастовка» у людей возникают стойкие ассоциации: «Ура!», «Долой!..», как минимум — «Вся власть Советам!». Однако история и привычные представления о ней — разные вещи.

В Новониколаевске бастовали порой по таким поводам и с такими требованиями, которые сегодня выглядят то ли странно, то ли забавно.

По крайней мере — непривычно...

Бастовать новониколаевцы начали чуть ли не со дня начала строительства моста. Постепенно, с ростом города и формированием его социального состава, забастовки стали «отраслевыми» — по профессиональному признаку.

Одной из первых общегородских «отраслевых» забастовок стала забастовка, которую ровно сто лет назад в конце июля 1906 года провели приказчики торговых заведений города (по-сегодняшнему — продавцы). Забастовка

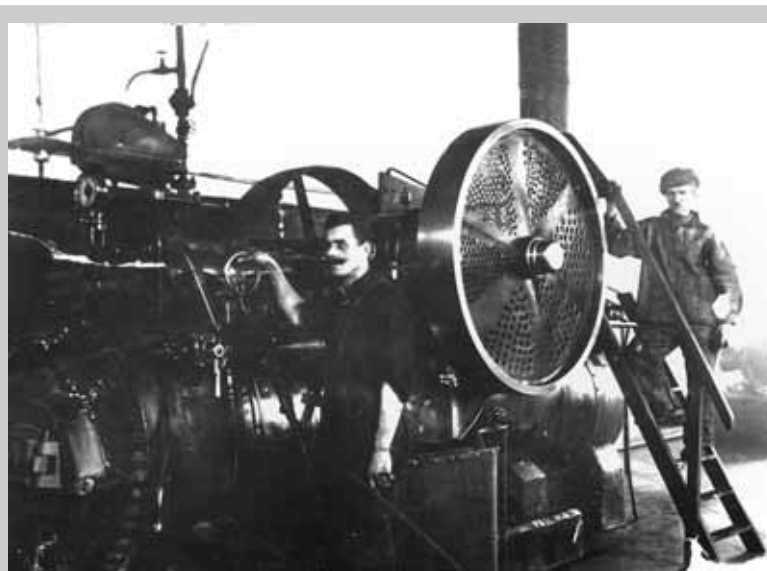
была однодневной, и требование — тоже единственное. Сделать выходным днем день православного праздника Ильи Пророка. Собственно, в этот день — 20 июля — забастовка и была проведена.

В следующем году на Илью Пророка у новониколаевских приказчиков уже был официальный выходной день.

В сентябре 1910 года эстафету «православных забастовок» подхватили рабочие военно-сухарного завода. Чтобы не разминаться, они провели забастовку накануне дня Воздвижения Креста Господня (14 сентября), потребовав от дирекции завода все православные праздники объявить выходными днями.

Количество «отраслей», включившихся в забастовочную борьбу за право отмечать православные праздники в качестве выходных дней, росло и ширилось. И, что примечательно, практически все они завершились успехом. Право не работать в праздничные дни закреплялось в соглашениях с владельцами и дирекцией предприятий и фирм.

К чему это приводило в итоге, видно на примере «Табеля праздничных дней» для работников типографии Николая Литвинова. Итак, выходными были: Обрезание Господне (Новый год), Богоявление (Крещение Господне), Сретение, пятница и суббота Масляной недели, Благовещение

Печатники бывшей типографии Литвинова, 1920-е годы

Пресвятой Богородицы, пятница и суббота Страстной недели, первые четыре дня Св. Пасхи, день Николая Чудотворца, Вознесение Господне, два дня Св. Троицы, день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, день Пророка Ильи (с которого все и началось)... И так далее, и так далее — список будет длинным.

Всего выходных дней, связанных с православными праздниками, набиралось аккурат на целый месяц. И это — не считая обычных, непраздничных выходных. И перед «праздничными» выходными, и перед обычными работа заканчивалась в два часа дня.

Вот такие вот результаты принесло рабочим и служащим Новониколаевска «православное» забастовочное движение. Неудивительно поэтому, что на попытки бастовать с требованиями еще чего-нибудь владельцы предприятий реагировали жестко и однозначно.

Вот только один пример.

20 июля 1911 года, в Ильин день, забастовали рабочие, занятые на погрузке балласта на станции Кривошеково. Требование то же — объявить этот православный праздник выходным. Подрядчики согласились. Однако когда те же рабочие, ободренные успехом, в начале августа провели еще и двухдневную забастовку с требованием повышения зарплат, то им предложили на выбор: или — прежние

расценки, или — увольнение. Забастовка почему-то уяла сама собой...

Сегодня много нареканий вызывает работа дорожно-ремонтных служб. Похожая ситуация была и в Новониколаевске.

В 1910 году рабочие, занятые мощением улиц города, попытались забастовать, потребовав прибавки жалования. Стоило полиции арестовать организатора забастовки на несколько суток — конфликт разрешился сам собой и мощение продолжилось. Но обида осталась. И в июне 1914 года забастовка дорожников повторилась.

На этот раз дорожники протестовали против «сильно высоких» требований, предъявляемых городской управой при сдаче работ.

Ларчик открывался просто. Как и сейчас зачастую бывает при мощении тротуаров плиткой, песчаную подушку положили недостаточного объема, и мощенное булыжником полотно дороги пошло «волной». Естественно, такую работу представители управы принимать отказались, предложив переделать брак.

Вместо того чтобы заняться делом, дорожники 10 дней бастовали против «сильно высоких» требований. И только когда им намекнули, что подобную «работу» город оплачивать вообще не собирается, разговор пошел другой.

Брак ликвидировали, с дорожниками расплатились — оштрафовав за срыв сроков.

Были и более экзотические забастовки.

10 ноября 1915 года забастовали рабочие колбасного завода Черноярского и Верблюдова. Требовали ввести дополнительный полчасовой перерыв для чая, в дополнение к полутора-часовому обеденному. «Чаелюбов» набралось 15 человек из общего количества в 49 работников. Вероятно, остальные успевали попить чай в обеденный перерыв.

Семерых «чаелюбов»

Выемка Алтайской железной дороги в окрестностях Новониколаевска

увольнили, остальные от своего требования отказались.

Тогда же, осенью 1915 года, бастовали извозчики, требуя от управы повышения платы за проезд в связи с подорожанием фуража («А овес-то нынче почему!»).

Организаторы забастовки пару суток отсидели в участке, но управа с требованиями согласилась — фураж, действительно, подорожал. Сегодня «минималка» на такси плавно растет вслед за ростом цен на бензин — безо всяких забастовок.

Были требования, которые даже сегодня выглядят как-то странно и вряд ли относятся к «классовой борьбе».

В мае 1916 года работники новониколаевского филиала торгового дома Второва бастовали, требуя, в частности, чтобы хозяева выплачивали им проценты от прибыли. Нетрудно догадаться, что забастовка закончилась ничем.

Неудивительно, что после Февральской революции 1917 года новосозданный Совдеп первым делом договорился с новыми властными структурами города о том, что все трудовые споры должны решаться только через исполком Совдепа.

Без разрешения Совдепа ни один профсоюз забастовку объявлять не имел права.

С одной стороны, это была монополизация «забастовочной угрозы» в одних руках, с другой — позволяло «отсекать» явно завышенные требования. В Совдепе прекрасно понимали, что забастовки — вещь заразная. Забастовали одни — забастуют и другие. А для города с расшатанной военно-революционной неразберихой экономикой это могло быть просто смертельно.

Большинство возникающих конфликтов, действительно, удавалось решать «миром» через Совдеп. Под угрозой забастовки (да еще и поддержанной «новой властью») предприниматели шли на значительные уступки. Надо отдать должное Совдепу — явно завышенные требования он отвергал, запрещая забастовку. То есть — угрожая потенциальным забастовщикам лишить их своего покровительства и отдать их на волю хозяев.

Так, в частности, в июне 1917 года Совдеп таким образом ликвидировал «в зародыше» забастовку работников игорных заведений, намеревавшихся потребовать у хозяев выплаты процентов от прибылей (вероятно, маркерам вспомнилась вышеупомянутая забастовка 1916 года в торговом доме Второва, да забылись ее результаты).

Совдеп сказал «нет!», и забастовка не состоялась. Зато

поддержал Совдеп забастовку членов профсоюза работников ресторанов и кафе в «Кафе де Пари», принадлежавшем Ежову.

Поддержал, скорее всего, «от обиды» — «черносотенец» Ежов публично заявил, что ни с каким Совдепом договариваться не собирается. Через десяток дней предприниматель опомнился, требования бастующих (довольно умеренные) принял. И в скором времени, спешно свернув дела, отбыл из города восвояси.

А вот каким был результат забастовок, так сказать, для «рядового потребителя», очень интересно.

После установления владельцами ресторанов, кафе и пр. твердых зарплат для работников резко взлетели цены.

Газета «Голос Сибири» с возмущением писала: «Отбивная котлета, стоившая до этого нововведения 90 к., повысилась в цене и стала стоить 1 р. 55 к.».

Хотя чем, собственно, было возмущаться? «Ежели в одном месте убудет — в другом непременно прибудет».

Цирк, да и только!

«Пока народ безграмотен, из всех искусств для нас важнейшими являются кино и цирк»

В. И. Ленин в беседе с А. В. Луначарским, ПСС, т. 44

Как и положено самому яркому и веселому из искусств, вокруг новосибирского цирка вечно происходили почти цирковые истории.

В 1927 году в городе появилось первое стационарное здание цирка. За 10 лет до этого, в 1917 году, труппа ново-николаевского цирка умудрилась впервые «прогнать» — да еще и во время выборов. А в 1912 году, «артистка» гастролирующей цирковой труппы свела с ума весь городской транспорт Новониколаевска.

Ни здания, ни собственной цирковой труппы в городе долгое время не было. Зато с открытием Транссиба по Сибири и Дальнему Востоку отправлялись гастролить очень известные театральные труппы. Они давали представления во временных брезентовых «шатрах» — что, собственно, не мешало ни артистам, ни почтеннейшей публике.

В газетах печатали заманчивые объявления: «Сегодня большое, невиданное в Сибири зрелище! Третья гастроль знаменитого воздухоплавателя — человек-аэроплан Фред-де Цирль! Сегодня Фред-де Цирль совершит полет В МЕШКЕ с высоты 22 аршин в ОГНЕННЫЙ БАССЕЙН! Невиданно еще в Новониколаевске! Всюду фурор и успех. Участвуют лучшие первоклассные артисты, комик-шут Яцуг-Гарри, экцентрики мадемуазель Августина и Лакендрочки. А. Г. Коромыслов выведет прекрасно дрессированных лошадей на свободу. Участвует известная элегантная певица мадемуазель Клара — всюду успех!.. В заключение поставлена комическая пантомима «Сумасшедший в бочке», в антрактах — катание детей на маленьких лошадах. Цены — умеренные».

В 1910 году в городе гастролитовал «Театр зверей Дурова». Изрядно постаревшая труппа вернется в город во время Великой Отечественной войны — в эвакуацию.

Основатель дуэта Бим-Бом Н. Радунский (слева) с партнером М. Станевским, — «те самые», вернувшиеся из эмиграции

Безбилетники подсматривают за представлением под полог циркашанито

Они «работали» свои представления и для раненых бойцов, и для рабочих «оборонки», и для шахтеров соседнего Кузбасса. После всех своих многочисленных гастролей «Театр Дурова» ничего, кроме массы положительных эмоций, в памяти горожан и в истории города не оставил.

Зато оставила свой след другая труппа, название которой в истории не сохранилось. В 1912 году у очередной гастролитующей в Новониколаевске цирковой труппы сбежала «актриса» — молоденькая дрессированная тигрица-двухлетка. И не то чтобы сбежала — ушла погулять.

Прогулка парализовала все движение по проспекту. Извозчицы лошади, основное средство городского транспорта, буквально взбесились и начали в панике носиться не разбирая дороги. Ломая и коляски, и грузовые повозки. Они просто никогда в жизни не видели таких больших кошек, да еще от которых шел бы запах дикого зверя.

Сама «кошка» тоже перепугалась не на шутку. Вместе с ней в «номере» работали пони — и она в жизни никогда не видела таких больших лошадей, да еще и в таком количестве...

Ее поймали сетями у пристанских складов — тигрица дрожала и не сопротивлялась. Вернули хозяевам, но гастролить пришлось свернуть. Пережив стресс, «актриса» шарахалась даже от старых знакомых

— пони. Ни о каких выступлениях речи больше быть не могло.

В 1917 году «цирк с цирком» случился в городе в очередной раз. Аккурат после первых свободных выборов в Городское народное собрание. Газеты печатали слезные объявления от Совдепа. Дескать, проявите, граждане, сознательность — ходите в цирк!

А то за март-апрель помещение все было под митинги и собрания занято, и артисты не заработали ни копейки... Кто ж тогда знал, что пройдут годы — и на любых выборах артисты будут только зарабатывать. Достаточно вспомнить «Голосуй или проиграешь!», где «засветились» все — от Бориса Моисеева до бывшего мужа Аллы Пугачевой.

В 1927 году в городе наконец-то построили первый в его истории стационарный цирк. На площадке за клубом имени Сталина (клуб имени Октябрьской революции, всем известная «Кобра»). Но и до его постройки в город приезжали очень известные цирковые артисты. В 1925 году гастролировал в городе дуэт Бим-Бом. Тот самый, «настоящий», вернувшийся из эмиграции. Бим — Иван Радунский и Бом — Мечислав Станевский, сменивший утонувшего еще в 1916 году первого Бомы — обрусевшего итальянца Филиппа Кортезе.

Их современник, Николай Окунев, в «Дневнике москвича» впоследствии писал: «Передаются из уст в уста остроты популярных клоунов Бима и Бомы, которые то портрет Троцкого «повесят», то изображение Ленина «поставят к стенке» (М, 1997, т. 2).

В 1924 году артисты вернулись из эмиграции, и им дали возможность организовать турне по стране. «Советская Сибирь» писала в 1926 году: «Бим-Бомов много, но подлинный Бим-Бом, родоначальник этого псевдонима И. Радунский, находился последние годы за границей.

Цирк-шапито до начала 70-х годов прошлого века регулярно открывался неподалеку от Клуба советских торговых служащих (позднее — клуб Октябрьской революции)

В прошлом году Радунский вернулся в СССР.. Постановлением центрального комитета союза работников искусств право пользования псевдонимом Бим-Бом признано только за Радунским».

Это, пожалуй, был первый случай в истории страны, когда сценический псевдоним стал зарегистрированной «торговой маркой» — да еще и во владении частного лица.

Та же «Советская Сибирь» сообщала впечатления от выступлений: «Моральный успех тоже несомненный — по крайней мере у большинства публики. Шумные аплодисменты, единодушные вызовы. Правда, состав публики разношерстный, ее требования и критерии трудно определить. Бим-Бом... актеры в своем жанре значительные.

Они грамотны, нередко остроумны, у них есть чутье и такт, а главное — они весьма изобретательны в музыкальном использовании разных немзыкальных

вещей, нестоимы в музыкальных шутках. Не только гармошка, барабан, колокольчики, рожок, труба, но и автомобильная сирена, и металлические пластинки, и метла с натянутой на нее струной, и даже самая обыкновенная ручная пила — звучат в руках Бим-Бом музыкально и во всяком случае весьма занимательно. Музыкальные номера чередуются с юмористическим диалогом.

Здесь изобретательности меньше, а остроумие примерно таково: «Человек предполагает, а финотдел облагает»; «Посади Гинденбурга за стол, он и Вильгельма на престол». Сатирические куплеты на политические и общие темы — не выше среднего газетного фельетона в стихах, но выше подобных выступлений других клоунов...

В концерте выступают, кроме Бим-Бом, певица Людмила Зорка, не без успеха исполняющая преимущественно цыганские романсы, и пианист Ганс Шток».

...Первый постоянный цирк построили в городе в

Новосибирский цирк, 1970-е годы

1927 году. Цирк-шапито работал только в летнее время и не отапливался, но тем не менее горел не один раз. И каждый раз — восстанавливался.

В нем гастролировали и Юрий Никулин (это были вообще первые в его творческой биографии гастроли — в 1948 году), и Ирина Бугримова, и Борис Эдер, и Эмиль Кио (у которого, кстати, в нашем городе живут родственники — и это уже «без фокусов»).

Ну а нынешний цирк «строили-строили и, наконец, построили!» в 1971 году. Говорят, что тигры больше из цирка не убегали.

И будем надеяться, что сегодняшний городской цирк войдет в историю города чем-то более существенным, чем «украденные часы Киркорова», врезавшийся когда-то в стеклянный фасад «пьяный» грузовик и обваливающаяся крыша. Город «выстрадал» цирк и имеет на него полное право.

Несмотря на время, когда основные «клоуны» находятся за его стенами.

Первоначальный проект циркового комплекса (макет)

Жить было где

«Жилищная проблема», о необходимости решения которой так много сегодня говорят, существовала в городе всегда — в том числе и сто лет назад.

Однако как сегодня, так и в старом Новониколаевске те, кто для себя хотел решить эту проблему, возможности находили. Хотя и разными путями.

Илья Эренбург в книге «День второй» оставил художественное описание города. «Был уездный городок Новониколаевск. Люди в нем жили тихо и нехотя... На главной улице чесались свиньи. Дома были низенькие и все деревянные. Сапожники в праздники буянили. Чиновники играли в преферанс... Это был город, как тысячи других». О соответствии этого описания (вернее будет перенести ударение в этом слове на букву «и») реальности

можно забыть. Писатель изображал абсолютно выдуманый город, присвоив ему название нашего.

Не был дореволюционный Новониколаевск уездным городом, да и «тысяч других» городов в ту пору в России не существовало. И про дома городские как-то обидно сказано, и про людей, которые в них жили.

Оставим эту фантазию на совести давно покойного классика, да и «таким же», как остальные города Российской Империи Новониколаевск (независимо от своего статуса — поселка или города) не был. Он был уникальным — рос как «на дрожжах», чего абсолютно никто не предполагал при его случайном основании. Город никто не закладывал — «всего лишь» построили мост, а город при нем вырос как-то сам по себе.

А где город — там и люди, которым надо где-то жить.

Как писал первый староста поселка Илья Титлянов, «строились бесконтрольно, кто где вздумает». Неудивительно — рабочие, приезжавшие на строительство железной дороги и моста, заключали контракты на 3 года и чувствовали себя временными поселенцами. Хотя в итоге большинство из них осело в будущем городе.

Пересечение Николаевского проспекта и улицы Тобизеновской, в кадре — нынешний Красный проспект, 19. Начало XX века

Основная проблема была в том, что, не имея городского статуса, город и земли своей не имел. Земля находилась в ведении Кабинета Его Величества (то есть — в личной собственности императора). Селиться было нелегко. Впрочем, будущим новониколаевцам на это было по большому счету глубоко наплевать. Приехавший в конце 1893 года старший лесничий из Барнаула (места относились к ведению и наблюдению Алтайского горного округа) на предмет инспекции правобережного соснового бора в районе моста бора-то и не нашел.

Лес остался на месте практически весь — правда, уже в качестве строительного материала для домов. На месте бора вырос поселок. Как позднее простодушно описывал визит лесничего староста Титлянов, «первоначально было решено или выдворить всех из бора, или основать поселок, но выдворить было уже невозможно, так как настроено было более 500 домов». Можно представить, как прореагировали владельцы новопостроенных домов на первую идею лесничего.

Вероятно, не очень хорошо и, вероятно, вполне явно дали понять, что обратная дорога в Барнаул для лесничего может вообще не состояться — бор-то еще далеко не весь на строительные нужды ушел. По русской поговорке, и в трех соснах заблудиться можно, а уж в сосновом бору без следа потеряться... Чиновник ситуацию прочувствовал, судя по всему, очень хорошо.

И принял вполне разумное решение, установив чисто символическую арендную плату за каждый участок в 250 кв. саженей (кв. сажень — 4, 55 кв. м) в количестве 1 рубля в год. Потом, после его отъезда, она, конечно, неоднократно повышалась — до 2,5, до 10 рублей, а потом и выше. Но главное, что чиновник уехал вполне здоровым, а в будущем городе теперь уже официально началось жилищное строительство.

С землей проблемы были, а вот собственно со строительством жилья — практически никаких. Кто хотел — отстраивался, соображаясь, естественно, с собственными возможностями. Список «самовольных заселенцев», составленный чиновником все того же Алтайского округа 6 июля 1894 года, указывал, что большинство строений будущего города составляли дома из сосны и осины, было чуть больше 60 землянок (укрепленных тесом), три десятка бараков и даже один шалаш. Причем большинство построек были старыми, купленными владельцами в ближайших поселениях (в том числе — в Колывани) и дос-

тавленными в разобранном виде на новое место. Стоит подчеркнуть, что речь идет о жилье простых горожан.

Чтобы оценить доступность приобретения собственного жилья в Новониколаевске, можно, к примеру, посмотреть на «жилищную историю» известной семьи Шамшиных. Иван Дмитриевич Шамшин, глава семьи, плотник с «золотыми руками», был одним из «контрактников», приехавших в город на строительство моста, и одним из первых домовладельцев в городе.

Первый дом Шамшин срубил собственными руками на правом берегу, недалеко от моста, на честно арендованном участке в 1893 году. Однако, ввиду отвода земли под железнодорожное строительство, Шамшину (вместе со многими соседями) пришлось переселиться на левый берег, в район села Бугры. Здесь строится второй дом — и тоже собственноручно. В 1903 году новый переезд — снова на правый берег. Был арендован участок под дом и усадьбу практически в самом центре города — на ул. Тобизеновской, 14 (сегодня Горького), в районе перекрестка с нынешней ул. Революции (тогда — Дворцовой), и выстроен очередной, третий дом.

Заметим — в центре города обзаводился собственным коттеджем (как сейчас бы сказали) не купец и не промышленник, а простой плотник. Хотя, бесспорно, высочайшей квалификации. По данным томского губернатора, на август 1898 г. на 14 тыс. населения в городе насчитывалось 416 плотников, 20 столяров, 32 кровельщика, 104 пильщика (слесарей, к примеру, было всего 12).

Однако при такой поистине бешеной конкуренции никаких проблем с трудоустройством и заработками у плотника Шамшина никогда не было. Не он искал работу — работа искала и находила его. Так что собственный особняк в центре города был ему вполне по средствам — совсем недалеко от особняков купцов Маштакова, Рунина, Бузолина... А вот, скажем, одному из учредителей Новониколаевской товарной биржи и руководителю местного отделения Русско-Азиатского банка Туркину строиться и селиться пришлось в отдалении от центра, на Фабричной. Его замечательный особняк с мезонином сохранился (Фабричная, 19).

В 1907 году Шамшин вновь переезжает — закладывает дом с усадьбой и на вырученные деньги приобретает усадьбу и дом на Логовской (ныне — ул. Семьи Шамшиных). Два квартала от центрального Николаевского проспекта, дом-«пятистенок» (в «пятистенке» пятая, внутренняя стена делила дом на собственно жилые помещения и просторную гостиную-кухню).

Александровский проспект, 1910-е годы

Денег вполне хватило и на покупку дома с усадьбой... и на оборудование подпольной типографии Обской группы РСДРП, которую, правда, практически сразу «накрыла» полиция. Про деньги неудивительно — по статистике 1906 года средняя стоимость дома в центральной части города (к которой относилась Логовская) составляла 635 рублей (в Закаменке, к примеру, — 573 руб.).

Плотник Шамшин просто переехал практически из самого центра города на окраину центра города (не путать с городской окраиной). А разница оказалась вполне приличной. Для того, чтобы представить уровень цен, можно сказать, что, мясная вырезка стоила тогда 18 коп. за фунт (чуть больше 400 грамм), пуд пшена — 2, 45 рубля за пуд (больше 16 кило), топленое масло — 85 копеек фунт.

Женщины-чернорабочие на железной дороге получали 1,3 рубля в день, а вот бухгалтер (и по совместительству социал-демократ-подпольщик) Федор Серебренников в день зарабатывал аж шесть рублей с полтиной.

Однако значительную часть городской застройки составляли «доходные дома». Те, которые их собственниками и застройщиками заранее планировались не под собственное жилье, а для сдачи внаем под квартиры и конторы.

Двухэтажные, деревянные, часто — с каменным первым этажом. Их сохранилось в центральной части города достаточно много — и на Чаплыгина, и на Коммунистической... Квартиры делились на три категории — «большие» (больше 6 комнат, плата 900 руб. в год), «средние» (4-6 комнат, 800 руб.) и «малые» (до 4 комнат, 735 руб.).

Кстати, в Москве плата за аналогичное жилье в тот период была ниже — «малые» квартиры в «первопрестольной» обходились жильцам где-то в 238 руб. в год. У нас в городе их снимал не то что «средний класс», а «ниже среднего» по уровню заработков. Однако съемного жилья хватало — даже для беженцев (и от Мировой войны, и потом от Гражданской).

И только в конце 1918 года в газетах впервые стали писать о тотальной нехватке жилья — сдавались внаем уже не квартиры, а отдельные «углы» в них. Тогда-то, собственно, и появилось в городе само понятие «угловой жилец».

Я одного не понимаю — почему новониколаевец, способный выложить за аренду 6-комнатной квартиры 900 руб. в год, упорно не желал построить собственный дом, который обошелся бы ему в гораздо меньшую сумму?

Загадка, правда?

«Птички» над городом

— Трудно ли фотографировать вокзалы?
— Легче, чем что другое, — ответил Швейк.
— Во-первых, вокзал не двигается, а стоит на одном месте, а во-вторых, ему не нужно говорить «Сделайте приятную улыбку!»

Ярослав Гашек.

«Похождения бравого солдата Швейка...»

«Внимание! Сейчас отсюда вылетит «птичка»!» Эта вечная присказка фотографов зазвучала над Обью, над будущим городом чуть ли не с первых дней строительства Транссибовского моста. Хрупкие фотографические пластины донесли до нас этапы развития города, портреты его строителей и жителей. Фамилий самих фотографов торопливая История, как водится, почти не сохранила.

Официально первые сведения о фотографии в Новониколаевске датированы 7 марта 1898 года. В этот день томский губернатор разрешил барнаульскому мещанину Новоселову открыть в будущем городе «заведение по производству фотографических работ». Однако «фотоптички» привольно летали в воздухе и до этого дня, безо всяких разрешений. По крайней мере, этапы строительства моста, начиная уже с 1894 года, остались в фотографиях. Причем, судя по манере съемок, авторов-фотографов было несколько.

Снимали строителей — на

снимке 1896 года группа уральских рабочих, приехавших на великую стройку. И есть два абсолютно потрясающих снимка. Первый — ориентировочно 1895 года. Группа инженеров-путейцев, среди которых — Николай Тимохиров (строитель моста и храма Александра Невского). Снимок постановочный, фон заменила стена конторского здания, персонажи (несмотря на молодость) демонстрируют степенность и серьезность.

А вот и другая «птичка», день вылета ее известен — 28 марта 1897 года. Только что состоялись испытания моста, четыре паровоза «в связке» прошли весь путь без замечаний, то есть мост построен! Действует! И на ступеньках первого «испытательного» паровоза (вместе с автором проекта моста профессором Белелюбским) — многие из персонажей предыдущего снимка. Фотография наполнена потрясающей энергией. Им сказали про «птичку», и они честно пытались замереть, но — невозможно! И на снимке остались внезапно-мальчишеские лица «бородачей»-инженеров с абсолютно шальными от счастья глазами.

Строительство Транссиба пользовалось огромным интересом в стране. Рынок, естественно, не мог не откликнуться на спрос. Уже с 1902 года почтовые карточки (открытки) с фотографическими видами Новониколаевска стали издаваться большими сериями в центральных и местных издательствах.

Самыми популярными сюжетами были, конечно,

Рабочие завода «Труд», 1933 год

мост, храм Александра Невского, городской вокзал. Но и здесь возникали курьезы.

Так, центральные издательства с редкостным упорством тиражировали (особенно — в 1905–06 годах) на открытках фотоснимок «Вид Ново-Николаевского поселка», сделанный еще в 1898 году! На фоне постоянных требований новониколаевцев о повышении городского статуса очень контрастно и неожиданно выглядел унылого вида снимок, запечатлевший кучу землянок и кое-как наспех слепленные дома-«временки». Объяснять, что «город уже давно не такой!», было чрезвычайно затруднительно — лучше один раз увидеть...

Собственно, новониколаевцы поняли, что «открыточное дело» с фотографическими видами города надо брать в свои руки. В 1902 году первую «местную» серию городских открыток выпустил в собственной типографии новониколаевский редактор и издатель Николай Литвинов. Всего Литвиновым было издано 8 серий открыток с видами города.

Четыре больших серии выпустил книжный магазин Ляликова, в том числе — и в цвете. Именно в одной из этих серий вышла знаменитая (из четырех открыток) городская панорама с изображением аэроплана над городом. Панорама отражала реальные события — полеты летчика Якова Седова над городом в августе 1911 года. Качество открыток было просто потрясающим.

Совсем недавно в Новосибирске выпустили-таки увеличенную «четырёхоткрыточную» панораму города в «настенном» варианте — можно убедиться, что увеличение нисколько не «размыло» работу фотографов и издателей столетней давности.

Весь город попал в объектив фотографов! И вокзал (в нескольких ракурсах, сначала — ст. «Обь», затем — «Новониколаевск»), и Городской корпус (краеведческий музей), и Коммерческий клуб (театр «Красный факел»), и здания школ и гимназий, и пристань на Оби (и грузо-

Оркестр русских народных инструментов рабочих и служащих железной дороги (фото 1900-х гг.)

вая, и пассажирская), и виды Николаевского (Красного) проспекта — также во многих ракурсах. И, конечно, красавец-мост в разных видах.

Особенно хороша панорама из двух открыток, изображающая поезд на мосту (автор — курганский фотограф Кочешев). Не забыли и городскую промышленность — военно-сухарный завод и завод «Труд». Интересно, что при подготовке негативов к печати «движущиеся объекты» не ретушировались.

Так, на открытках с городскими видами остались и городские извозчики, и пешеходы. Всего до 1917 года на открытках различных издательств появилось около 350 (!) видов города, а считая с повторами снимков в разных сериях разных издательств — общее количество опубликованных видов Новониколаевска достигло 600.

И это при том, что город не имел даже уездного статуса. Для сравнения — уездный и гораздо более «старый» по истории Барнаул удостоился лишь около 200 фотографических открыток. Имена новониколаевских фотографов — авторов открыток — пока установить не удалось.

Известно лишь, что одна из местных серий открыток была сделана с негативов фотографа Овчина. Он был вла-

дельцем фотомастерской на ул. Дворцовой (Революции). Вторая фотомастерская, принадлежавшая Пожидаеву, находилась на ул. Гудимовской (Коммунистической). Обе они указаны в «Справочнике по городу Ново-Николаевску 1912 г.». Фотомастерские пользовались большой популярностью.

Горожане, невзирая на чины и звания, приходили запечатлеться «на память» целыми семьями. «Птички» не успевали вылетать... Впрочем, приходили не только семьи, но и «общества по занятиям». Так, на фотографиях остались и оркестр народных инструментов рабочих и служащих железной дороги, и слушатели курсов бухгалтерии Карукеса, и члены Общества попечения о народном образовании.

В исключительных случаях работали фотографы и «на выезде». Так, большую группу рабочих и служащих вагонного цеха станции Новониколаевск и службы движения Сибирской железной дороги снимали непосредственно на рабочем месте — у внешней стены вагонного депо станции.

Естественно, что ни в какой павильон фотомастерской 70 с лишним человек втиснуться не смогли бы. Также «на выезде», в актовом зале Городского училища им. 300-летия дома Романовых, пришлось снимать большой групповой портрет выпускников, преподавателей и членов Попечительского совета училища.

Большие или стандартные, групповые или индивидуальные, фотографии перед выдачей заказчику наклеивались на паспарту из плотного картона с фирменным тиснением фотомастерской. Это одновременно была и реклама.

Но кое для кого фотография была не в радость. «Птичка» вылетала и по приказу. Крайне энергичный городской полицмейстер Висман в апреле 1909 года распорядился «снимать всех задержанных за преступления, празднующихся, а также не имеющих определенных занятий». Жаль, что прахом пошел полицейский архив в веселые дни 1917 года. А какие на тех карточках были человеческие типы!

Люди с громоздкими фотоаппаратами на треногах оставили удивительную фотолетопись жизни молодого Новониколаевска и его горожан.

А вот сами именами в памяти городской, увы, не остались.

Обидно и несправедливо, но История иногда впадает в амнезию по поводу конкретных своих персонажей. И от этого уже никуда не деться.

Совден из фонтана

Смены властей и их органов в Новониколаевске в 1917 году происходили настолько публично, что дальше, пожалуй, некуда. А вот Советская власть, которой в городе и завершился всеобщий «праздник народного непослушания», была провозглашена неизвестно когда и непонятно где. Несмотря на то, что продержалась она более 70 лет.

Ирония истории — но несовременность, отжившесть старых форм власти всегда особенно карикатурно проявляется не на центральном, а на местном, низовом уровне. Городская Дума Новониколаевска не стала исключением.

Цензовый принцип избрания в нее разрешал участие в выборах жителей не младше 25 лет, обладающих недвижимым имуществом на сумму не менее 300 руб. (средний ежегодный доход жителя России составлял порядка 60 руб.), ограничивал в избирательных правах женщин и полностью лишал таких прав, в частности, лиц иудейского вероисповедания. Список ограничений далеко не полон.

В результате в Новониколаевске с населением более 60 тыс. человек в последних «предреволюционных» выборах Гордумы в феврале 1913 года приняло участие 418 избирателей из 828 имеющих на это право. Они и избрали Думу в количестве 40 гласных членов и 12 кандидатов.

Уже через год, в феврале 1914 г., Дума «споткнулась» о цензовые ограничения и лишила избранного гласного Черникова его выборной должности на том основании, что г-н Черников принадлежит к секте субботников, признающих лишь Священное писание Ветхого Завета, которая «не может быть рассматриваемой иначе, как секта иудейского вероисповедования», а потому вообще не имел права на участие в выборах.

Ситуация получилась глупая. Год в Думе заседал гласный, не имеющий права не только быть избранным, но и

вообще избирать. Кстати, на достаточно продуктивной работе Думы его присутствие никак отрицательно не отразилось.

Еще большую нелепость существовавших избирательных цензов показала подготовка к следующим выборам в Думу 1917 г., которые должны были проходить не по участкам, а на едином общегородском собрании.

В результате жители Закаменки резонно возмутились, что в их небогатом районе владельцев крупной недвижимости практически нет и их судьбу в будущей Думе будут решать домовладельцы зажиточной центральной части города. В общем, все в чисто российских традициях — «без меня меня женили». Дело чуть не дошло до открытых волнений, но...

Собственно, мартовские 1917 г. выборы в Думу закончились не начавшись — публикациями в газетах города за подписью городского головы г-на Беседина объявлений о том, что в выборах смогут принять участие «лишь лица, уплатившие числящиеся за ними недоимки по городским сборам».

После получения в городе известий о Февральской революции о местных думских выборах уже никто не вспоминал. Царила всеобщая растерянность и вместе с ней — желание как официальных лиц, так и общественных деятелей не дай Бог не сделать рокового, неправильного шага.

Газета местных эсдеков (не делившихся тогда на большевиков и меньшевиков) в передовой статье под названи-

Новониколаевский (Красный) проспект, 1910-е годы

ем «Поворот» («Голос Сибири», № 48, 3 марта 1917 г.) призывала избегать «всего стихийного».

В результате не то что стихийных, а, скорее, хаотичных действий всех более-менее общественно активных персон города (членов старой Думы и управы, представителей общественных и кооперативных организаций (как легальных, так и нет), а также представителей до той поры нелегальных партийных организаций (в основном эсдеков и эсеров) стали формироваться новые органы власти и влияния при фактическом сохранении «старых» властных структур.

2 марта 1917 года, по получении известий из Петрограда о перевороте, в большом зале заседаний городского торгового корпуса (ныне — краеведческий музей) состоялось публичное заседание Думы, плавно переросшее в собрание граждан города.

Собрание, заявив о поддержке Временного правительства, заявило и о создании в городе Комитета общественного порядка и безопасности (КОБ) из представителей общественных организаций, городского самоуправления, офицеров и солдат.

Присутствовавший на собрании полицмейстер Бухартовский довольно оригинально заявил, что «будет служить и подчиняться новой власти, как подчинялся старой», что вызвало бурю восторгов.

Впрочем, заявление не спасло бывшего полицмейстера от ареста и отправки на фронт уже в середине марта. 3 марта Комитет в спешном порядке избрал исполком во главе с председателем, заведующим местным отделением Русско-Азиатского банка эсером Жернаковым, и двумя его заместителями — эсдеком Рожковым и эсером Дрониным, и объявил себя высшим органом

Гудимовская улица, 1910-е годы

власти в городе, представляющим «революционное Временное правительство».

Городской голова Беседин вполне логично подал в Думу 6 марта прошение об отставке, подчеркнув, что «за свои распоряжения, действия и поступки всегда готов ответить и нести ответственность». КОБ на радостях отставки утвердил, лишний раз продемонстрировав тем самым, кто в городе власть.

Однако «комитетчики» достаточно быстро сообразили, что, помимо организации митингов, торжественных заседаний по случаю свободы и т. д., кому-то надо заниматься и повседневными городскими делами.

Уже 22 марта КОБ свое решение отменил, попросив Беседина исполнять свои обязанности до выбора нового общественного самоуправления. До той поры сохранялась и Дума, заявившая 29 марта о своем соподчинении КОБу.

Чем занималась «старая» и «новая» власть, можно судить по газетам того времени, где практически рядом публиковались отчеты о бурных дебатах в КОБе «по вопросу об отношении к войне и миру» и обращения к горожанам за подписью городского головы Беседина с «покорнейшей просьбой приступить немедленно к очистке улиц от имеющегося на них навоза и других отбросов»: «Заботьтесь о чистоте улиц и дворов, этим вы со-

храните здоровье многих горожан!» Как говорится, «у кого что болит...»

«Собачье сердце» Булгакова с пассажирами о том, что невозможно одновременно заниматься очисткой сараев и устройством судебных иностранных голодранцев, выглядит после чтения новониколаевских газет 1917 г. как «зарисовка с натуры».

Появился в городе и Совет рабочих депутатов (впоследствии — Совет рабочих и военных депутатов). Но если КОБ все-таки возник на общегородском собрании, то рождение Совдепа (сразу заявившего о соподчинении КОБу) было каким-то «кулуарным». В обращении Совдепа к рабочим города 4 марта 1917 г. сообщалось, что «рабочая группа (городского военно-промышленного комитета. — А. К.) с представителями рабочих многих профессий в составе 25 человек объявила себя временным Новониколаевским Совдепом».

Эсдековская газета «Голос Сибири» сообщала об этом событии гораздо более аккуратно и более чем двусмысленно: «4 марта окончательно сконструировался Новониколаевский Совет Рабочих депутатов, который выделил из себя исполком, состоящий из 11 человек». Учитывая то, что «представителями рабочих многих профессий» абсолютно случайно оказались сплошь представители эсдеков и эсеров (ни те, ни другие к этому времени даже не успели провести ни единого легального собрания своих организаций), определение «skonструировался» выглядит наиболее подходящим для появления Совдепа. Председателем Совдепа был избран эсдек Герман-Каменский (под этой двойной фамилией меньшевик Владислав Исаевич Каменский, проживавший в городе по подложным документам на имя «М. М. Герман», и вошел в историю города).

Тут же было объявлено, что в Совдеп будут выбираться представители — от предприятий по одному от каждых 50 рабочих, от мелких предприятий — один «объединенный» депутат от 25 рабочих, от солдат — по 4 от полка. От политических организаций — по 2 депутата от каждой. Поскольку формирование Совдепа шло по мере появления новых депутатов, его состав был нефиксированным, плавающим. Да и общее количество тех, кого эти депутаты представляли, так и не удалось точно определить.

Так, 9 марта 1917 г. эсдековская газета «Голос Сибири» со ссылкой на Совдеп сообщала, что в нем около 80 депутатов, представляющих 30 тыс. солдат гарнизо-

на и 3 тыс. рабочих. 8 сентября на губернской конференции эсдеков в Томске новониколаевский делегат Се-ребренников рапортовал уже о 8 тыс. рабочих, а буквально через 3 дня в письме в ЦК новониколаевские большевики рапортовали уже о 15 тыс. рабочих, одновременно сообщая, что «солдаты находятся почти без влияния» («Хроника Новосибирской организации КПСС», Н., 1988 г., т. 1, с. 58).

В результате всех подсчетов в историографии Советского периода устоялась формулировка о том, что Совдеп представлял «8 тыс. рабочих и 40 (иногда — даже 45. — А. К.) тыс. солдат гарнизона».

Как умудрились насчитать 8 тыс. рабочих (не говоря уже о 15 тыс.) в преимущественно торговом городе с населением в 60 с небольшим тыс. чел. — загадка. Для справки — в 1910 г. городской управой было выдано 1375 регистрационных знаков для извозчиков (которых к «рабочим» вряд ли можно причислить).

А вот некоторые данные по предприятиям: колбасный завод (1915 г.) — 49 рабочих, мыловаренный завод Шеиных (1916 г.) — 15 рабочих, типографии Касьянова и Литвинова (1913 г.) — 56 и 40 рабочих соответственно.

И тем не менее Совдеп существовал и признавался КОБом за реальную силу. Это проявлялось даже внешне.

Так, на праздновании «дня Свободы» 27 марта 1917 г. парад и демонстрацию принимали (а затем и шли бок о бок в рядах демонстрантов) и предисполкома КОБ Жернаков, и начальник гарнизона генерал Коцурик, и председатель исполкома Совдепа Герман-Каменский. А на общем заседании Совдепа 13 марта Совдеп принял специальную резолюцию о том, что «доверяя Комитету, собрание предлагает представителям Совета остаться в комитете».

Присутствовавший на собрании председатель КОБ Жернаков, в свою очередь, «приветствовал Совдеп и заявил о солидарной работе Комитета и Совета в борьбе за демократическую республику» («Голос Сибири», 14, 15 марта 1917 г.).

Специальным постановлением КОБ поручил Совдепу единолично решать все возникающие конфликты рабочих с предпринимателями, а Совдеп, в свою очередь, специальным циркуляром своего исполкома известил рабочих, что «воспрещает предъявление каких бы то ни было к предприятию требований без предварительного разрешения Совета» («Голос Сибири», 15 марта 1917 г.). Как говорится, «без комментариев».

Ну, а на совместном заседании исполкомов КОБа и Совдепа 17 марта Жернаков, подчеркнув, что КОБ является верховным органом власти в городе, особо выделил, что опирается Комитет «на реальную силу», организованную Совдепом: «Такое единение... гарантирует общественный порядок и безопасность».

Герман-Каменский, в свою очередь, от имени Совдепа всячески заверял в отсутствии претензий на власть. Дескать, Совдеп «определяет себя не как законодательный орган, а как орган, резюмирующий положение вещей» и находящийся в соподчинении КОБу. Более того — «даже в единении с армией не считает возможным взять власть в свои руки» («Голос Сибири», 19 марта 1917 г.)...

Прошло совсем немного времени и много событий. Было избрано городское народное собрание, которому КОБ передал свои полномочия, затем — новая городская Дума (в выборах которой участвовало все население города).

Эсдеки-большевики раскололись с эсдеками-меньшевиками, на «правых» и «левых» раскололись эсеры, 25 октября (7 ноября) в Петрограде произошло то, что Ленин называл «Октябрьским переворотом». И, наконец, очистившийся от «правых» эсеров Совдеп провозгласил в Новониколаевске Советскую власть. Как и рож-

дение Совдепа, этот факт не обошелся без странностей.

Простой вопрос — «КОГДА и ГДЕ, собственно, эта власть у нас в городе была провозглашена?»

Вот тут — непонятно. Путеводитель «Новосибирск. Памятные места и достопримечательности» (Н., 1961 г., с. 38): «В ночь с 14 на 15 декабря в доме № 21 по Красному проспекту на первом своем заседании члены горсовета приняли историческое решение о переходе всей власти в городе и уезде к Советам». Путеводитель «Новосибирск. Памятные места. Достопримечательности» (Н., 1967 г., издан к 50-летию «великого Октября», с. 38.): «Тысячи новосибирцев проходят ежедневно мимо здания, на стене которого прикреплен мемориальная доска: «В этом доме в ночь на 14 декабря 1917 года Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение о взятии власти в Новониколаевске...».

«Краткая историческая энциклопедия Новосибирска» (Н., 1997 г., с. 76): «1917 год. 13-14 декабря. В городе установлена власть Советов...». Мемориальная доска (размером с хороший рекламный щит) на здании краеведческого музея (бывш. Городской торговый корпус): «14 декабря 1917 года в этом здании была провозглашена Советская власть...» Обратите внимание на разницу в определениях: то «приняли решение о переходе вла-

сти», то «решение о взятии власти», то она «установилась», то «провозглашена». Нюансы очень интересные.

Настолько интересные, что просто беда ужасная! И не только с нюансами и датами. Дело в том, что краеведческий музей, в котором Советскую власть провозгласили 14 декабря, имеет адрес Красный проспект, 23.

А здание по адресу Красный проспект, 21, на котором висела соответствующая мемориальная доска, текст которой изложен выше, сегодня не существует. Это здание снесено вместе с кварталом дореволюционной застройки по Красному проспекту

Николаевский проспект, начало XX века

между ул. Чаплыгина и ул. Горького в начале 1970-х годов. На его месте — административное здание с кучей магазинов на первом этаже и «свечка» — один из корпусов НИИ измерительных приборов, практически полностью распроданный под офисы. От здания осталась только фотография в том самом путеводителе 1961 г. выпуска.

Кстати, до революций 1917 г. на втором этаже здания располагались меблированные номера, сдававшиеся как посуточно, так и почасово.

Вот такие вот дела с Советской властью. Продержалась она в нашем городе больше 70 лет, а вот появилась (простите за неуклюжую попытку подобрать очередное определение) ночью (в этом все сходятся) среднеарифметически между 13 и 15 декабря 1917 г. Ну, а территориально — где-то между нынешним краеведческим музеем и нынешним рестораном «Сибирская тройка».

Среднеарифметически — где-то в районе фонтана в Первомайском сквере.

Беспокойные «места упокоения»

Странные, почти мистические истории происходили и происходят с местами «последнего приюта» тех, кто оставил след в истории города. Их захоронения исчезали, появлялись снова и даже менялись местами между собой.

Только у нас в городе существует единственное в России «режимное» захоронение под соответствующей охраной. Если не считать, конечно, Мавзолея Ленина в Москве.

И только у нас — памятник бывшей могиле.

Могила одного из тех, кого бесспорно можно считать одним из основателей города, — инженера Николая Тихомирова — была в прямом смысле «закатана под асфальт».

Он был одним из строителей моста, с которого начался город как торгово-промышленный центр, и храма Александра Невского, с которого город начался именно как город.

Рядом с храмом Тихомиров и был похоронен — в знак особого признания его заслуг.

В 1920-е годы надмогильную памятную доску «строителя храма сего» (как значилось на ней) залили асфальтом.

В 1971 году, при очередном «окультуривании городского центра», захоронение вскрыли экскаватором. Останки «для установления личности» перенесли в подвал краеведческого музея. Основатель города на некоторое время превратился в «бомжа». С мощей (останки строителя храма оказались действительно нетленными) сняли все, что можно, включая нателный крест, — с целью сохранения для потомков исторической памяти...

В конце концов похоронили на Заельцовском кладбище. Город «расщедрился» на памятную надпись на могиле «дважды похороненного» своего основателя — «инженер-путеец».

В этом, 2007 году, Тихомирову, единственному из первостроителей города здесь и похороненному (пусть — дважды), исполнилось бы 150 лет. Юбилейных торжеств не было, как и букетов на могиле «от благодарных потомков».

Новосибирским тележурналистам совсем недавно, по итогам почти детективного расследования, удалось установить примерное место захоронения почетного гражданина города, городского главы Новониколаевска (с 1909 по 1914 годы) Владимира Жернакова. Город и его «отблагодарил» — и сроком за «контрреволюционную деятельность» в 1930-е годы, и полным забвением.

Так, между прочим, — это при нем Новониколаевск стал третьим городом в Российской империи со всеобщим начальным образованием (после Санкт-Петербурга и Москвы), при нем строился и весь исторический центр города (включая Городской торговый корпус, нынешний Краеведческий музей), и первые в городе 12 кирпичных школ архитектора Андрея Крячкова, при нем и благодаря ему здесь прошла Алтайская железная дорога (со всей ее, как сегодня принято говорить, «инфраструктурой»)...

Оказалось, что был он похоронен на одном из кладбищ Томска — правда, крест деревянный с его могилы пропал, и точное место захоронения его официально считается неизвестным. Могилы у новониколаевского мэра нет. А вот его портрет, почетного гражданина города, висит в здании мэрии. Нынешние власти города память об их предшественнике, судя по всему, интересуют мало.

О могиле Героя Социалистического Труда академика Сергея Чаплыгина городу беспокоиться не надо. Она — под надежной охраной и с ней ничего не случится. Это сейчас «никак не звучит» его звание и статус. Надо знать контекст.

До начала Великой Отечественной войны Героями Социалистического Труда в стране стали всего 11 человек. Первым это звание было присвоено Иосифу Сталину 20 декабря 1939 года. Медаль Героя Соцтруда — единственная награда, которую он носил всегда и которая известна по его бесчисленным портретам.

Первым в военное время 1 августа 1941 года это звание получил именно Чаплыгин (и, соответственно, двенадцатым в стране). «Персональным», как и Сталин, указом. Он, пожилой и поживший человек, был эвакуирован в Новосибирск. Не как «академик» и «заслуженный пенсионер» — хотя и исполнилось ему к моменту вынужденного переезда в наш город 72 года. Как организатор синтеза науки и обороны. «Его широкие взгляды и глубоко практический подход снискали ему у местных властей исключительный авторитет и признание» («Наши земляки», Н., 1979).

Формулировка несколько странная, но абсолютно верная. Чаплыгина счастливо для города и страны понял и поддержал уполномоченный Госкомитета обороны страны и секретарь обкома Михаил Кулагин. И не потому, что первый был уполномоченным председателем ГКО Сталина, а второй — одним из немногих в стране, носивших ту же, что у Сталина, награду.

Седой старик-академик предлагал готовые комплексные решения — те, которые решали и сегодняшние проблемы по обеспечению нужд фронта, и одновременно обеспечивали создание инфраструктуры города как оборонного центра страны, как ее научного центра. Старик-академик умер 8 октября 1942 года, похоронен на территории «режимного» СибНИА. Рассказывают, что

именно Кулагин сказал: «Хороните здесь, на городском кладбище сегодня неразбериха. А Сергея Александровича после войны надо будет у Кремлевской стены хоронить».

Территория «режимного» СибНИА и сегодня под охраной. Академик и при жизни был «режимным» человеком, и после смерти им остался. В России сейчас «режимным» объектом захоронений с соответствующей охраной является только Мавзолей Ленина с некрополем у Кремлевской стены в Москве. Герой Социалистического Труда №1 похоронен там же.

Памятный камень в честь Н.М. Тихомирова

Адриена Лежена, дезертировавшего из французской армии во время войны с Германией 1871 года и поучаствовавшего в городе Париже в беспорядках под названием «Парижская коммуна», тоже, как и Чаплыгина, очень пожилого человека, эвакуировали в годы Великой Отечественной в Новосибирск. И умер он, как и Чаплыгин, у нас же.

Но только вот в отличие от Чаплыгина ни для города, ни для страны он ничего не сделал. В Сквере Героев Революции абсолютно безо всякой охраны лежит мраморное «нечто». Что, дескать, похоронен был здесь герой Коммуны Адриен Лежен, а потом, в мае 1971 года, прах его перевезен в Париж. В официальных изданиях все «это» называется аккуратно — «место захоронения». В переводе на общедоступный — памятник тому, что здесь когда-то была могила...

Такого не удостоился даже Николай Тихомиров у храма Александра Невского.

Хотя, по-моему, оснований хоть на такую память от города у него больше, чем у какого-то парижского дезертира.

Героям «советского» периода в истории города повезло не больше. Если вообще применимо к истории захоронений слово «повезло»...

Сквер Героев Революции в самом центре города, казалось бы, должен быть самым «аккуратным» по своему, так сказать, «содержанию». Но — ладно бы только «интурист» Лежен, если бы только он...

В конце аллеи бюстов Героев (это не надгробные захоронения, а именно памятные бюсты) — могилы руководителей первого новониколаевского Совдепа, расстрелянных в 1918 году. Надписи на трех надгробиях (опуская инициалы): «Серебренников»; «Горбань, Полковников, Шмурыгин»; «Петухов».

У могил героев фотографировались при приеме в пионеры и комсомольцы, по другим торжественным событиям. У нас традиция почему-то такая сложилась — у «памятных» могил фотографироваться. Что самим, что детей в почетный караул выставлять.

На фотографиях начала-середины 1980-х годов «Серебренников» и «Петухов» лежат с точностью до наоборот. Точнее — надгробные плиты с их именами.

Мне уже сказали: «Какая разница?». Им — никакой...

Новониколаевские катастрофы

В последнее время много говорят об опасности роста волны техногенных катастроф. Однако то, что сегодня называется этим термином, происходило и в Новониколаевске сто лет назад. И, как и сегодня, основной причиной был «человеческий фактор». Хотя и природа вносила свой «посильный вклад».

Авиационного и автомобильного транспорта в городе еще не существовало, поэтому статистику катастроф на сто процентов поставляли речной транспорт и железная дорога.

...«Урожайным» выдался на железнодорожные катастрофы 1906 год. В 3 часа утра 3 апреля на перегоне Чебула-Ояш потерпел катастрофу воинский поезд №45, перевозивший штаб 87-го пехотного Нейшлотского полка.

На 1424 версте перегона поезд сошел с рельсов. В результате — 9 убитых, 28 тяжелораненых и 50 легкораненых «нижних воинских чинов». Погиб и неизвестный, ехавший «зайцем» без документов в одном из вагонов. Убито 23 лошади.

Картина крушения, по словам очевидцев, производила потрясающее впечатление. «Обломки вагонов перемешались с грудой трупов людей и лошадей. Паровоз сполз с насыпи и зарылся в глинистом грунте, за ним высоко нагромодились друг на друга 16 разбитых вагонов.

Сила напора задних груженых вагонов на передние, людские, была настолько громадна, что в один из конских вагонов вошли еще 4 позади находящиеся».

Раненым немедленно начали оказывать медицинскую помощь прибывший из Болотного фельдшер и находившийся в поезде военный врач.

Чуть позднее к ним присоединился спешно прибыв-

ший из Новониколаевска на вспомогательном поезде участковый железнодорожный врач Иван Абдрин. Сразу после перевязки раненых грузили в поезд и отправляли в Новониколаевск, в военный госпиталь. Сюда же, в город, отправили и тела погибших в катастрофе.

Панихиду по убиенным отслужили прямо на месте трагедии, а уже 6 апреля в городе состоялись похороны. Погибшие были похоронены рядом на «воинском» участке городского кладбища.

Тем же вспомогательным поездом из Новониколаевска пришло все железнодорожное начальство: начальник дороги с начальниками служб, начальник по передвижению войск, комендант станции «Обь». Прибыл и начальник жандармского отделения. Время было смутное, Первая русская революция еще полыхала, время от времени забастовками и «эксами». Так что среди версий происшедшего на первых порах не исключался и теракт (вспомните неизвестного без документов, непонятно как попавшего в поезд и в крушении погибшего).

Однако даже при поверхностном осмотре места происшествия выяснилось, что как минимум одной из причин такого гигантского крушения послужил именно тот самый «человеческий фактор».

Согласно существовавшим правилам, поезд должен был быть составлен следующим образом. За паровозом — фуражный и конский вагоны и только потом пассажирские и офицерский «вагон-микст». На деле же по чьей-то халатности вагоны для людей были прицеплены сразу за паровозом, и только потом — грузовые.

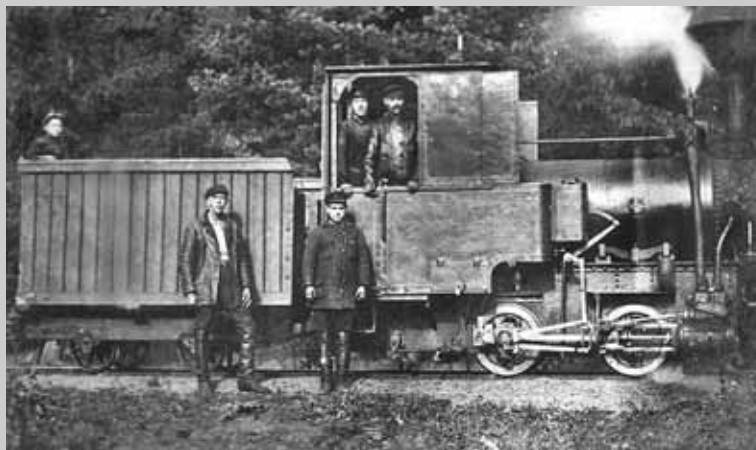
В результате, после схода паровоза с рельсов, грузовые вагоны про-

сто таранили пассажирские, калеча и убивая людей. От версии теракта после расследования отказались — не было никаких оснований.

Опасность «человеческого фактора» подтвердилась всего через несколько месяцев. В начале июля того же 1906 года на 1595 версте, за ст. Тайга, потерпел крушение идущий из Сибири поезд №5. На всех парах состав

Сходы с рельс на узкоколейной дороге были привычным делом

Бригада машинистов и кондукторов, 1900-е годы

врезался в вагоны балластного состава, остававшиеся на путях.

Итог — разбиты 20 товарных вагонов балластного состава, багажный вагон и вагон 3-го класса из поезда №5. 16 пассажиров погибли, 15 получили ранения разной степени тяжести. В результате на некоторое время движение по железной дороге с востока было просто парализовано.

А причина всего — проста и банальна. «Крушение произошло по небрежности дежурного агента движения, отправившего поезд №5, не дождавшись доклада главного кондуктора балластного поезда о благополучном прибытии». Все то же самое — «человеческий фактор».

Кстати, виновники крушения воинского эшелона №45 так и не были названы. Что неудивительно. Выяснилось, что паровоз слетел в кювет из-за просевшего и разошедшегося рельса.

Трагедия была заложена еще в самом начале строительства Транссиба, когда Комитет Сибирской железной дороги принял решение об «облегченных технических условиях» строительства. Это было разрешение на отход от строительных стандартов. Допускалась уменьшенная ширина земляного полотна в насыпях и выемках, вполнину уменьшили толщину балластного слоя, разрешалось использовать более легкие рельсы.

Благодаря этому Транссиб, построенный в кратчайшие сроки, впоследствии все время находился в состоянии перманентного ремонта. Председателем Комитета Транссиба был Николай II, так что тему некачественного полотна дороги аккуратно «замыли». Все свелось к неправильной комплектации злополучного поезда.

Однако отнюдь не все на Транссибе строилось по «облегченным нормам», и это подтверждали даже катастрофы. 5 августа 1900 года паром постоянно действовавшей в Новониколаевске переправы через Обь сорвало и отнесло к железнодорожному мосту. Паром боксом ударился об устои моста, однако уцелел. Мост же после этого столкновения, как выяснилось, не требовал даже косметического ремонта.

Впрочем, и в этом случае виновник нашелся быстро — содержатель парома Кравцов. При пароме у него не было ни лодок, ни весел, ни шестов, ни других противоаварийных средств.

Впрочем, «человеческий фактор» порой позволял

избежать еще большей беды. В июне 1906 года в крайне неприятную историю попал «ветеран» новониколаевского речфлота, один из первых пароходов в городе «Волшебник» (пароходство Мельниковой). На пути из Новониколаевска в Барнаул пароход попал в сильнейший шторм. При первых же ударах волн о борт у судна порвалась цепь руля — фактически, «Волшебник» остался без самостоятельного хода.

Очевидцы описывали жутковатую картину происходившего. «Волны вдоволь потешились над бедным пароходом; несколько раз казалось, что вот-вот он совсем опрокинется. Одна волна плеснула на нижнюю палубу, где почему-то не догадались сразу закрыть двери; скамейки, столики, ящики — все покатилося по палубе. Публика вся столпилась на нижней палубе около машины и на лестнице, держась друг за друга.

Слышались слова молитв, плач детей, а какая-то барынька спрашивала — нет ли у кого Николая Чудотворца, спустить бы в воду. А ветер и дождь с градом все продолжались. Но вот пароход прибило к берегу и начало выбрасывать прямо на берег. К счастью, на самом берегу оказалась большая ива.

Несколько человек мужчин-пассажиров бросились к борту и зацепились за ветки, а потом откуда-то появившейся веревкой привязали пароход к стволу ивы. Помощник капитана, перепугавшийся хуже пассажиров, бегал по палубе и охрипшим голосом кричал: «Держись за лесину, держись, привязывай!» А кому он отдавал распоряжение — неизвестно, матросов тут не видно было.

Но шторм уже проходил. Пассажиры помаленьку разошлись, пароход, простояв еще с полчаса, отправился и через 2 часа прибыл в Барнаул».

Так что «Волшебник» полностью оправдал свое название, да еще и с помощью так счастливо вмешавшегося «человеческого фактора».

Потом времена сменились, и об очередных катастрофах горожане узнавали уже не из газет, а только по слухам. И про врезавшийся в пятиэтажку самолет, и про взорвавшийся автобус маршрута №15...

К сожалению, со времен когда-то чудом избежавшего катастрофа «Волшебника» «человеческий фактор» в подобных ситуациях только вредил.

Коррупция как городская традиция

О коррупции сегодня много говорят. Однако в городе она появилась, согласно легенде, еще до его основания и первые несколько десятилетий развития города носила порой достаточно забавный характер.

Впрочем, «забавность» эта всего лишь точно отражала время. А к середине 80-х годов XX века модифицировавшаяся городская коррупция стала темой для детективных книг.

О том, что город чуть не начался с коррупции — и на ней мог бы закончиться, не родившись, — говорит городская легенда «о колыванских купцах». Дескать, когда выбрали место для строительства моста (и, соответственно, — для будущего города), колыванские купцы предлагали инженеру Гарину-Михайловскому в виде взятки мешок золота. Только чтобы он «протянул» Транссиб через Колывань и Томск. А он, честный, отстоял «кривошековский» вариант строительства моста и мешок не взял.

Легенда, кстати, имела вполне практическое значение. Она заставляла сомневаться в бескорыстности путейцев, отстаивавших «колыванский» вариант. «Запустил» легенду, как говорят, сам же Гарин-Михайловский, по совместительству бало-

вавшийся литературным ремеслом. Хотя стоит совсем немного поразмышлять, и «версия о мешке золота» оказывается полным бредом.

За каким чертом надо было таскать с места на место многокилограммовую звенящую взятку, когда можно было просто передать ту же сумму в «бумажных» рублях? В отличие от сегодняшнего, рубль тогдашний был очень даже «твердой» денежной единицей.

Но описание «пачку денег предлагали в два кирпича шириной» как-то не звучит, а вот «мешок золота» — звучит, да еще как. В самый раз для легенды.

Впрочем, кому и чем давать взятки, по-житейски хитрые сибиряки понимали и без заезжего литератора-путейца.

Поселок у моста в октябре 1895 года сход жителей решил назвать Александровским — в честь инициатора строительства Транссиба императора Александра III. Тут-то «сибирские хитрости» и начались. Поселок Александровским так никогда и не был назван, зато уже на сходе жителей 3 декабря того же года был переименован в Новониколаевский. Как подчеркивалось в документе, направленном по этому поводу томским губернатором в МВД империи, — «в честь Его Императорского Величества, благополучно ныне царствующего Государя императора» Николая II.

Память о почившем императоре — это хорошо, но

Стетные лавки в период русско-японской войны 1904 — 1905 годов

«ныне здравствующий» — гораздо надежнее. Собственно, «под название» поселок и выбил себе в рекордно короткие сроки статус города. Тоже своеобразная «взятка» была, но — с пользой для общества.

Хотя в большинстве случаев коррупция (то есть использование служебного положения в личных целях) носила вполне «адресный» характер и имела вполне конкретного «конечного потребителя».

Полицеймейстер Новониколаевска Висман, вместе с семьей полицейскими чинами города, взятки брал банальными бумажными «кредитками», скопив на банковском счету состояние в 200 тыс. рублей. В пересчете на сегодняшние деньги — миллионер. Висману — деньги, городу — 113 нелегальных публичных домов вместо официально разрешенных 7. Но справедливость восторжествовала, «коррупционеры» наказали, и в апреле 1914 года Висман сотоварищи пошел по этапу.

Полицейская коррупция, между прочим, очень способствовала подпольщикам, социал-демократам. Так, в числе прочих членов новониколаевского социал-демократического союза в 1912 году был арестован и преподаватель музыки городского реального училища Стефан Завадовский.

Арестованным грозила каторга на нешуточный срок, но... Завадовский происходил из богатой семьи нарымских и томских купцов. Денег — хватало, в том числе и на «общественную блажь» отпрыска. Вероятно, этот фактор стал не последней причиной того, что, как вспоминал эсдек Владимир Холкин, «все дела по союзу были потеряны жандармским ротмистром, производившим дознание» (!). Завадовского освободили «по отсутствию улик», остальные отделались административной ссылкой вместо каторги. Нетрудно предположить, кто проплатил своевременное «ротозейство» безвестного ротмистра. С полицией Новониколаевска у местных подпольщиков вообще установились взаимовыгодные отношения. «Паспортный стол»

Гостиница «Метрополитен», 1910-е годы

подпольщиков выкупал за взятки в управлении полиции бланки паспортов и иных документов, дававших право на отсрочку или освобождение от воинской службы. На документы у солдат гарнизона и проходящих частей выменивалось оружие и патроны для подпольных боевых групп.

Которое потом, на очередном обыске, благополучно изымалось все той же полицией.

Были в городе примеры коррупции, которые чем-то до боли напоминают сегодняшние дни. 13 сентября 1917 года городская газета «Голос Сибири» в заметке «Наш герой» описывала «семейный бизнес», организованный начальником станции Кривошеково г-ном Гронским: «Как-то недавно он решил оказать услугу своим служащим и приобрести для них обувь, мануфактуру и др. товары, каких нет на местном рынке. С этой целью он командировал в Манчжурию свою жену для покупки на 30 тысяч всякого товара... Служащие обрадовались и начали брать привезенный товар, памятуя, что Гронский обещал продавать по себестоимости. Но...

«Благодетель» Гронский отпустил товар по такой цене, что почти все они принуждены были вернуть его товар обратно».

Знакомая схема, не правда ли? Госучреждение отдает подряд на поставку необходимого товара «частной фирме», связанной с этим учреждением семейными узами. Все — в дом, все — в дом...

Время было смутное, власть — непонятно чья, так что на сообщения прессы о явных фактах коррупции на станции Кривошеково никто не отреагировал. Не до Гронского с его супругой было в тот момент всем одновременно существовавшим в городе и боровшимся друг с другом властям.

Гронскому повезло — на него ни одна из властей не обратила внимания. Меньше повезло «коррупционерам» начавшейся Гражданской войны — что «белым», что «красным». Военный министр «сибирцев» Степанов докладывал в апреле 1919 года правительству и Верховному правителю адмиралу Колчаку: «Мобилизация лиц, имеющих образование не ниже среднего, жестоко провалилась... Одна из причин — призывники скрывают свое образование».

Размер взятки, которые брались за зачисление студентов и выпускников реальных училищ по разряду «неграмотных» и призыву не подлежащих, остался секретом. А вот «размер» наказания для взяточников-коррупционеров, срывавших призыв у «белых», секретом не был — расстрел.

Таким же наказанием за коррупцию было и у «красных». Им тоже нужны были бойцы, и они тоже проводили мобилизацию. Даже в тылу у «сибирцев».

Сохранились и документы, в частности — протокол заседания Баевского «воен.-рев. штаба» о проведении дополнительной мобилизации. «По предложению командующего фронта Каменского и Новониколаевского уездов т. Громова (партизанский командир Игнат Громов — будущий «почетный гражданин Новосибирска». — А. К.) постановили увеличить партизанский отряд до 85 человек».

В одном из сел проводивший мобилизацию «громовец» не устоял — записал намеченного к призыву 20-летнего парня «больным тифом», а лошадь, подлежащую призыву вместе с парнем, — «обезноженной». Гонорар «коррупционера» составил два копченых поросенка. Товарищи, бывшие с ним на задании

по мобилизации, не дремали, поэтому партизанский отряд пополнился очередным призывником-верхоконным, «нестойкого» отвели за околицу, а «поросячий гонорар» поделили на всех.

...В самом конце 1970-х годов Новосибирск живо обсуждал «дело горторга». Руководители городского торгового управления создали схему взяточничества и хищений, ничем не уступавшую знаменитому «делу «Мосторга», по которому был расстрелян директор «главного гастронома страны» «Елисеевского». В городе «дело» спустили «на тормозах» — осудили «шестерок».

Хотя на основе материалов дела известный новосибирский писатель-фантаст и автор детективов Михаил Михеев опубликовал уже в начале 1981 года две «криминальные» повести — «Запах «Шипра» и «Сочинский вариант».

Фамилии, должности и даже пол главных действующих лиц были изменены, но характерные и узнаваемые описания — остались. «Дело «горторга» не любят вспоминать — по ряду вполне понятных причин.

Вот такая у нас городская коррупция. Началась с легенды, кончилась детективными повестями.

Возможно, о сегодняшних коррупционерах след останется в ином жанре. В виде мюзикла, например.

Городская мясохладобойня, фото 1920-х годов. В настоящее время на этом месте находится Новосибирский мясоконсервный комбинат

Николаевский проспект, начало XX века

«Россия не может без торговцев!»

Собственно, первой приметой постоянного населенного пункта является появление в нем торговли. Первыми приходят обживать новые места строители и проектировщики, за ними — мелкие торговцы. Которые их, собственно, кормят, поят и необходимым товаром снабжают.

Однако с торговлей мелкой и средней руки в нашем городе как не заладилось с самого начала, так и продолжается до сих пор. То власть к ним пристаёт, то покупатели.

По большому счету, Новониколаевск начался не как временное поселение строителей, а как будущий город с того момента, когда в нем появился постоянный рынок. Претензии колыванского купца Жернакова на то, что, дескать, дату рождения города надо считать с момента появления в устье Каменке его «универсального магазина» в 1894 году, можно считать изначально безосновательными.

Магазин тот был построен посреди торговых рядов и палаток Старобазарной площади (район нынешнего автовокзала), уже давно к тому времени существовавшей. Так что строителям моста и прибывающим поселенцам было где отовариваться — и съестным, и всем остальным, необходимым для насущной жизни. Первыми «освоили» новое место для своего «бизнеса» отнюдь не купцы, а крестьяне и мелкие торговцы. Уже в 1897 году в будущем городе было 17 магазинов и 80 лавок.

Будущий город рос, расширялся, и рынку пришлось «переехать» поближе к центру. Новобазарную площадь

(ныне — пл. Свердлова) буквально «вырубили» в сосновом бору, прокладывая будущую центральную городскую улицу — Николаевский проспект. Первые палатки и торговые ряды стояли между неубранных сосновых пней.

С ростом города рынок переехал и в третий раз, в самый его центр, рядом с Городским торговым корпусом (краеведческим музеем). Здесь располагалась Базарная площадь. Сегодняшний сквер перед Оперным театром многое помнит — на его месте стояли склады, торговые ряды, лабазы. «Торговая часть» города росла потрясающими темпами, вместе с ростом городского населения.

На октябрь 1905 года на Старо- и Новобазарной площадях только официально действовали 212 отдельных торговых помещений; 125 лавок, размещенных в жилых домах. К 1913 году в городе было уже 1268 торговых заведений. Понятно, что магазины не возникают при отсутствии покупателей — было кому покупать и были деньги, которые покупатели доставали из кармана, кошелька или портмоне.

А купить было что! Альфред Брем, тот самый всемирно известный автор «Жизни животных», проезжая Сибирь в окрестностях будущего Новониколаевска в конце XIX века, был поражен дешевизной продуктов.

«Пшеничная мука обычно продается по 30-40 коп (за пуд. — А. К.)... Низки и цены на мясо. Во всей Сибири господствует обычай закупать мясо осенью и замораживать его на всю зиму; эта говядина стоит тогда по 40-50 коп. за пуд... Пуд масла стоит 4-5 рублей... Овощи настолько дешевы, что не стоит и подсчитывать цены: пуд картофеля стоит редко более 15 коп.»

Путешественник отметил нали-

Продавец рыбы, 1910-е годы

Мясник, 1910-е годы

чие на рынках и лимонов, и апельсинов.

Естественно, что продавался чай. «Национальный напиток сибиряков» — как считали приезжие, видя, что во время застолья «хозяин» может выпить до 40 стаканов этого напитка. Чай продавался как дешевый, «кирпичный», так и самый дорогой, китайский, сортов «Средний Лянсин» и «Сребровидный аром».

Результат похода на рынок и в ближайшую лавку всегда становился праздником для семьи горожанина.

Исследователь сибирского городского быта Юрий Гончаров пишет так, что, честно говоря, слюнки текут: «Свинину чаще всего тушили с капустой, а говядину с картофелем. Готовили котлеты — из рубленого мяса или отбивные, к которым в качестве гарнира подавали картофельное пюре, маринованную тыкву или дикие яблочки. В мясной фарш иногда добавлялся снег — «для сочности». Из печени делали паштеты».

Исходные продукты для всей этой вкусности покупались у мелких торговцев — на рынке или с лотков. А покупали их простые новониколаевцы. И многое другое тоже. Треть налогов получала городская казна от «торговой мелочевки». И присматривалась к ним, присматривалась...

А они «плодились и размножались» буквально на глазах. Мелкие лавки и палатки возникали во всех людных местах города — поближе к потребителю. Городская управа, сдававшая торговые места на Базарной площади, в конце концов вынуждена была вместо одного базарного дня в неделю (вторника) ввести второй, дополнительный (среду). Ежегодно с 6 по 20 декабря в городе работала Ни-

кольская ярмарка, и на ней торговля уже шла непрерывно, товарооборот достигал 150 тыс. рублей.

С одной стороны, рост числа торгующих городскую власть не мог не радовать. Больше торгующих — больше отчислений в городскую казну. Однако, с другой стороны, большое количество мелких торговцев контролировать чрезвычайно трудно. В общем, власть столкнулась с той же проблемой, что и сегодня, — на кого же делать ставку? На небольшое количество крупных торговцев или большое количество мелких? С началом Мировой войны, сопровождавшим ее ростом цен и сокращением подвоза в город товаров и продуктов эта проблема стала более чем насущной.

В мае 1917 года Городское народное собрание, рассматривая вопрос о кризисе, приняло решение о централизованной закупке товаров для городских нужд. А вот вопрос — кому отдать выгодный «городской заказ» — немедленно вызвал споры. Управа, естественно, предлагала не ломать голову и отдать «заказ» нескольким крупным кооперативам. В ответ с эмоциональной речью выступил депутат Кабаков, предложивший «для разрешения продовольственного кризиса привлечь опытных мелких торговцев. Среди них есть специалисты по самым различным отраслям. Нельзя убивать инициативу у частных торговцев, иначе город останется без продовольственных запасов. ...Мы стремимся к социализму, но пока Россия не может существовать без торговцев!»

Эмоции, надо сказать, помогли мало — подряды достались крупным кооперативам, количество мелких торговых точек стало резко сокращаться, у оставшихся выстраивались очереди. Цены, соответственно, ползли вверх. Ну, а с началом осенних революционных событий даже эта «зачаточная» схема взаимодействия власти с бизнесом развалилась окончательно. К октяб-

Здание Госторга, 1925 год (позже было перестроено, сейчас там находится консерватория)

рю 1918 года на весь Новониколаевск осталось только 11 продовольственных лавок.

Вся торговля перешла практически полностью в руки торговцев-«индивидуальщиков» (сегодня их бы назвали «предпринимателями без образования юридического лица»). Уровень сервиса упал соответственно.

Вот «картинка с натуры», опубликованная в газете «Народная Сибирь» 10 ноября 1918 года: «На базаре за прилавком стоит раскрасневшаяся, как сваренный рак, торговка и слащаво улыбается подошедшему купить хлеба солдату. «Вам сколько?» «Фунт». Режет, взвешивает. «Фунт с четвертью будет. Возьмете?» «Нет, вы уж фунт мне». На лице торговки улыбка пропадает. Хрустит сухая корка хлеба под сильным нажимом ножа... Солдат, счастливый благополучным исходом этой процедуры, уходит. «У-у-у, ироды! Сколько хлеба накрошили!» — посылает вслед ему торговка».

Силен наш город своими традициями! Столько лет прошло, а все, в сущности, осталось прежним — и привычки власти прищучить мелкую уличную розницу, и уровень торгового сервиса.

Спекуляция по-нашему — от «волков» до «фарцы»

*«Спекуляция — от позднелат. *spekulatio* — высматривание) по сов. праву скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы».*

*«Советский энциклопедический словарь»,
М., 1980 г.*

В Новониколаевске спекуляции не было — была торговля. Как говорится: «Ты купил, я продал. И оба в удовольствии».

Что такое «спекуляция», город узнал только с началом Первой мировой войны.

Новониколаевские газеты писали: «Война и, как вытекающее отсюда следствие — бестоварье — породили спекуляцию. Люди, таланты и способности не были оценены торговым миром и подлинными коммерческими дельцами — потихоньку, из-под полы, пользуясь услугами времени, стали покупать и тут же

перепродавать наиболее ходкие товары, набивая на этом крупные барыши.

«Волки» в конце 1916 года собирались в кафе, по ресторанам, обыкновенно ночью, где за стаканом кофе или за ужином вели короткие «деловые» разговоры, которые обыкновенный смертный не понимал. Тут же совершали сделки на сотни тысяч рублей, а днем рыскали в поисках товаров и покупателей.

Спекулянт был все крупный, товар предлагался вагонами, и за этот период времени, приблизительно от начала войны до половины 1917 года, многие голоштанники «вышли в люди».

«Бестоварье росло, и постепенно «волчий круг» также разрастался: в ряды спекулянтов пошли все, жаждущие наживы. Совершенно непричастные к торговле люди, часто — с двумя-тремя сотнями в кармане.

Еще позднее спекуляцией занялись солдатки (жены ушедших на фронт. — А. К.), солдаты, рабочие, железнодорожные служащие».

Газета «Народная Сибирь», выходившая в городе при «сибирцах», в октябре 1918 года иронизировала: «При

Площадь Ленина, центральный универсам, 1950-е годы

большевиках спекуляция была загнана в «подполье», спекулятивные сделки стали совершаться на улице, прямо на ходу...

Кадры их растут с каждым днем. В этой «стае» можно встретить людей с каким хотите социальным положением. Есть агрономы, предлагающие купить спички. Бывшие представители уполномоченных при самодержавном строе по заготовке хлеба предлагают лук. А бывший представитель по заготовке масла предлагает шерсть.

Изящная дама, обращающая на себя внимание природной красотой и костюмами, спекулирует мылом и мешками. Жена врача торгует пимами, провизор предлагает бараньи рукавицы, зубные врачи — кожу и мануфактуру.

В тот же день был опубликован приказ командующего Сибирской армией: «С применением самых решительных мер начать борьбу со спекуляцией предметами первой необходимости, применяя, без стеснения, обыски, выемки, аресты и строжайшие взыскания... Борьба должна вестись продуманно и основываться на проверенных и обстоятельных предварительных сведениях».

Речь шла в первую очередь о том, что поставляли для армии по льготным ценам, а потом аккуратно (или — не очень) крали.

Позднее, уже в Новосибирске, в 1970-80 годах со спекулянтами тоже «боролись». Их тогда уже называли не «волками», а «фарцовщиками». У них было все. Пол-Новосибирска оделось в джинсы «Рэнглер» (их, упорно коверкая фирменное название, называли «Врангель»), «Ливайс» и «Монтана». 250 рублей на «барахолке» — и покупатель обменивал деньги на «счастье».

«Счастье» выглядело просто замечательно — со всеми «прибамбасами», из «стоячей» без присутствия внутри человека ткани. «Фирма!».

«Фирма», правда, шилась в Грузии, где в Тбилиси, в государственных (а других тогда не было) магазинах продавались запаянные в пластик полные наборы фур-

Техникум Совторгsvили, конец 1930-х годов

нитуры. На ценниках было указано по-честному «Одни джинсы» и соответствующее название. Набор составляли заклепки, пуговицы, застёжки-«молнии», вшивочки и «лейблы» на задний пояс.

Стоило — копейки. При попытке привезти это все в Новосибирск милиция эти пакетики с каким-то редкостным удовольствием отбирала — «Не положено!».

«Настоящими джинсами» на барахолке продолжали торговать бесперебойно. С фурнитурой перебоев не было.

А были еще замечательные джинсы «Тверь», которые у спекулянтов стоили 100 рублей, в магазине — 45. В магазине их, правда, никогда не было.

Город Калинин тогда еще не знал, что совсем скоро вернет свое историческое название. То самое, которое тиражировалось теперь на «наших» джинсах — сшитых из итальянской ткани и по итальянским лекалам.

У тех же «фарцовщиков» на «барахолке» можно было с оглядкой, из-под полы купить сигареты. «Мальборо» и «Пэл Мэл» кишиневского («лицензионного»), а то и даже финского (вроде как уже не «лицензионного», а совсем тамошнего) производства.

1 рубль 50 копеек — официальная цена, по которой они изредка появлялись только в «интуристовской» гостинице

«Сибирь». У «фарцы» — 5 рублей. Хотя «кишиневские» «Мальборо» теми, кто просто курит, а не «форс показывает», никогда не ценились — «Дерьмо! Хуже «Космоса»!».

До сих пор говорят, что именно на «фарце» с теми самыми джинсами «Тверь» в свое время «погорел», как тогда говорили, «по комсомольской линии» один из сегодняшних больших чиновников. И что документы об этом в архиве как-то «потерялись»... И именно поэтому с Тверью как-то сейчас отношения «не залаживаются» — вроде как по «старой злопамятности».

От «волков» до «фарцы» прошла свой путь новосибирская спекуляция. Прежде чем узнать, что это — всего лишь «предоставление торгово-посреднических услуг».

Вокзальная площадь, середина 1980-х годов

Разборки на кладбище

...А на кладбище — всё покойненько!

Заголовок материала появился не из обыденной криминальной хроники наших дней.

Так называлась заметка в одном из весенних номеров новониколаевской газеты «Народная летопись» 1909 года. Место «последнего успокоения» горожан и сто лет назад было местом событий очень бурных.

Городское кладбище, располагавшееся на месте нынешних Центральных парка и рынка, с завидным постоянством попадало на страницы местных газет. Точнее — местной газеты, поскольку «Народная летопись» в начале века была не только первой, но и долгое время единственной городской газетой.

Нравы на кладбище и вокруг него царили еще те. Отнюдь не успокоенно-патриархальные. Погост жил своей жизнью — в прямом и переносном смысле.

«Около кладбища поселили гробовщиков г. Булышко и г. Андреева. У обоих есть люди, которые каждый день ищут «заказчиков». Увидав «заказчика», люди эти выскакивают и начинают зазывать каждый к себе. Зазывания переходят в перебранку, а перебранка — в настоящую ссору с «архитектурными» выражениями.

Выслушав эту перебранку и условившись с одним из гробокопателей о похоронах, вас тут же ведет к себе отводчик могил. В конторке у отводчика вы натываетесь на лихую либо пьяную или дикую рвань. Здесь вам объясняют, что гробокопатели часто за место берут больше, а церковь предоставляют меньше по времени, и предлагают вырыть могилу. Наконец похороны состоялись. Через несколько дней вы приходите на кладбище и видите, что с могилы исчезли иконки, ленточки, сломан замок у ограды и самая ограда попорчена».

В кладбищенской церкви (храме Воскресения Христова) должны были вестись записи о рождении, бракосочетании и о смерти. Однако и с этим — казалось бы, достаточно

простым — делом на кладбище царил полнейший беспорядок. Если не сказать грубее — бардак.

«1 октября 1908 г. в городской больнице умерла г-жа О. Похороны были поручены одному из гробокопателей, причем было заплачено и за отпевание. 2 октября г-жа О. была похоронена. Муж ее, живя на Дальнем Востоке, попросил письмом прислать метрическую выписку о смерти. Ему прислали... удостоверение гробовщика. Он пишет снова — и опять получает тот же результат. Приезжает сам 13 января 1909 года и выясняется, что его покойная супруга как бы и не умерала, даже в метрическую книгу она не занесена».

Порядки (а вернее — беспорядки), установленные на кладбище лихими гробокопателями, быстро прижились.

«В текущем январе (1909 года. — А. К.) один из обывателей, живущих вблизи кладбища, понес своего ребенка крестить в кладбищенскую церковь. По окончании крестин отец уплатил псаломщику 50 коп. и спросил его, не требуется ли платы еще за что-либо, на что получил ответ, что денег больше не потребуется. Тогда обыватель со спокойной совестью направился домой распорядиться относительно обеда, в церкви же оставил ребенка с кумой и кумом — мальчиком-учеником.

По окончании крестин псаломщик потребовал с кума-ученика еще 25 коп. за свечи; но так как у последнего денег не оказалось, то псаломщик взял у мальчика опояску с шубы и оставил ее в залог до того времени, когда будут уплачены деньги. Опояска и до сего времени находится в залоге».

Помимо таких «бытовых» коллизий, последний приют новониколаевцев стал еще и местом общественно-политическим.

Если верить «Хронике Новосибирской организации КПСС» (Н., 1988 г., т. 1), в январе 1904 года «на городском кладбище состоялась крупная антивоенная массовка. В ней впервые участвовали, наряду с рабочими-железнодорожниками, жители города. С разъяснением главных задач рабочего класса и его партии в борьбе за свержение царизма выступил большевик Н. Н. Баранский».

Интересно, что в воспоминаниях «Коли Большого» (партийная кличка Баранского), изданных мизерным ти-

Церковь Воскресения Христова (Старокладбищенская) при городском кладбище Новониколаевска была освящена 7 октября 1907 года. В июне 1931 года на территории бывшего кладбища открылся сад имени Сталина

ражом в конце 1950-х годов, об этом примечательном эпизоде — ни слова. «Коля Большой» к этому времени вырос до членкора АН СССР и, похоже, понял, что топтание на могилах с зажигательными речами — дело отнюдь не лучшее.

Похороны одного из новониколаевских железнодорожников были внезапно превращены в некую «акцию» за... мир с Японией. Война еще не началась, а в Новониколаевске уже агитировали за ее скорейшее окончание. И где — на могилах!

Город рос и, увы, росли его кладбища. Уже в 1908 году встал вопрос о закрытии «старого» кладбища. В сентябре 1909 года Городская Дума рассматривала этот вопрос как один из самых важных, наряду с формированием делегации в Санкт-Петербург с ходатайством о строительстве Алтайской железной дороги именно у нас, а не в Томске. «Кладбищенский» вопрос рассматривали долго. Дело в том, что на кладбище хоронили как «за казенный счет», из средств городского бюджета, так и на личные средства горожан, которые себе место «последнего приюта» часто оплачивали заранее.

Газетный отчет о заседании Городской Думы именно по поводу кладбища содержит замечательную фразу: «Пос-

ле долгих разговоров баллотировкой решено высказываться только в смысле формулирования вопросов, подлежащих баллотировке».

В результате голосования получилось, что и «старое» кладбище остается, и «новое» (на месте нынешней Березовой рощи) необходимо открывать. За сохранение «платного» кладбища проголосовало 15 городских думцев, против — 10. А вот за открытие нового кладбища голосовали почти единогласно — 22 «за», 3 — «против».

«Новое» кладбище «обновили» в 1917 году. Умер первый начальник городской милиции Стефан Завадовский. Хоронил его весь город, но как-то странно, двусмысленно.

«Гроб, впереди многотысячной толпы, несли депутаты, затем — милиционеры. «Со святыми упокой...» над толпой сменялось «Марсельезой» и «Вы жертвою пали...», пение заглушали звуки похоронного марша гарнизонного военного оркестра. Останавливались перед КОБом, перед Совдепом, у часовни — батюшка служил литии. У часовни и он не выдержал — после службы заговорил о том, какой это был общественный деятель. На кладбище, на похоронах — речи от Совдепа, от эсдеков, от эсеров, от КОБа...»

Председатель исполкома КОБ Жернаков, как писали в отчетах городские газеты, «так был растроган, что говорить не плача совершенно не мог».

В газетах печатали стихи, посвященные памяти Завадовского. Похороны состоялись на «новом кладбище» — в районе нынешней Березовой рощи. Могила не сохранилась.

О «старом» кладбище оставила воспоминания заслуженная артистка РСФСР Зоя Булгакова: «В середине 1920-х годов в газете появилось объявление: «Граждане! На месте кладбищенской территории будет создаваться парк. Желаящие могут перезахоронить своих родственников». И назывались адреса новых кладбищ — у Березовой рощи и у Аэропорта. И что тут началось! Боже мой!

Весь Новосибирск, кажется, съехался сюда. Могила раскапывали, из них доставали скелеты, укладывали в новые гробы, тащили батюшку. Он махал кадилом, пел «Со святыми упокой», и гроб забивали и увозили на новое место.

Батюшки сбивались с ног, отпевая потревоженные останки... Это продолжалось довольно долго. Потом приехал бульдозер, все сровнял...»

От «старого» кладбища не осталось ничего. Даже церковь кладбищенская, превращенная в планетарий, и та в 1970-х годах сгорела. Здесь теперь сквер, и никто о бывшем кладбище и о похоронах в былые годы не вспоминает.

Нет ли лишнего билетика?

«Из всех искусств для нас важнейшим...»

Владимир Ульянов (Ленин)

Не так давно город с размахом отметил свой 110-летний юбилей. Историки, правда, до сих пор спорят, от какой даты считать рождение города. Бесспорно другое — в следующем году будет 110-летний юбилей с тех дней, когда новониколаевцы приобщились к тогдашнему «чуду века» — синемаатографу.

Собственно, Новониколаевск познакомился с этим «чудом» четвертым в стране — после Санкт-Петербурга, Москвы и Нижнего Новгорода. Городского статуса еще не было, а будущий город уже стал одним из самых «продвинутых» в культуре во всей Российской Империи. И, как всегда, запоздалое «спасибо» за это надо сказать вполне конкретному человеку.

Наверняка все видели снятый в середине 1980-х фильм «Человек с бульвара Капуцинов». Комедию про то, как наивный и симпатичный мистер Фест (последняя роль в кино гениального Андрея Миронова) с киноаппаратом под мышкой отправился в американскую глубинку — «нести культуру в массы». Собственно, вся эта история уже была прожита наяву, и не в Америке, а у нас. Нашего «мистера Феста» звали Федот Махотин.

Пацаненка из тульской крестьянской семьи родители очень рано услали в город «на заработки» (то есть чтобы сам себя кормил). Парень, в конце концов, прибил к передвижной цирковой труппе, освоил профессию акробата, а затем стал и администратором труппы. В 1896 г. на Всемирной Нижегородской выставке он, 25-летний, увидел демонстрацию первых фильмов и — очаровался кинематографом навсегда. На выставке продавались два киноаппарата производства братьев Люмьер (изобретателей синемаатографа) и несколько копий люмьеров-

ских документальных фильмов.

Назанимав денег у всей труппы, Махотин купил и аппарат и фильмы. Труппа не слишком поняла поступок разумного до сей поры администратора. При гастролях в нашем городе местные железнодорожники (народ, собственно, технически подкованный и психически устойчивый) заинтересовались: а что это за хитрую механическую бандуру циркачи с собой таскают? Махотин объяснил, потом в рабочем бараке устроил первый в городе киносеанс.

И, естественно, начался он с демонстрации первой в мире киноленты — «Прибытие поезда». Эффект превзошел все ожидания. Люди, для которых поезда не в новинку, разбегались, вышибив двери, пытались спрятаться от наезжающего на них паровоза. Все — как в советской комедии век спустя, только без стрельбы по экрану. У нас, слава Богу, не Америка. Однако вернулись, спешно починив двери, и попросили — «По новой!» Это были уже не только железнодорожники, но и первые в городе зрители.

В 1908 г. поселившийся в Новониколаевске Махотин открыл первый в Сибири постоянно действующий кинотеатр. «Справочник по городу Ново-Николаевску» 1912 г. дает его адрес: «Синематограф Ф. Ф. Махотина. Николаев. пр. на базаре». «Махотинский» кинотеатр стоял в самом центре города — там, где Николаевский (сегодня — Красный) проспект вливался в Новобазарную (Ярмарочную) площадь (площадь им. Ленина).

Стоял он на месте части сегодняшнего сквера перед входом в метро рядом с мэрией. Зрителей мало смущало, что помещение наспех было переделано из склада. Сейчас это, наверное, трудно и представить, но...

Какие там «звездные войны» и «властелины колец»!

Здание кинотеатра «Пролеткино» в составе комплекса сооружений Дворца Труда было построено в 1925 году, в 1936 году было реконструировано и получило новое название — «Октябрь». В начале 1950-х годов произошла очередная реконструкция, после чего кинотеатр получил название «Победа»

Очереди в кассы из желающих посмотреть очередную документальную ленту «Всемирная хроника. Пате-журнал — все знаю, все вижу» не рассасывались несколько месяцев. Кстати, похоже, что это были еще и первые в нашем городе очереди.

Глядя на такое дело, появились и конкуренты. Да еще сколько! Одни названия дорогого стоят. «Одеон», «Миньон», «Электробиоскоп», «Диана», «Заря», «Модерн», «Фарс»! На месте, где сейчас здание мэрии, появился кинотеатр «Гигант» с залом на 800 зрителей и с интерьером, как сказано в «Энциклопедии «Новосибирск», «с претензией на шик». Зал на этом месте сейчас ощутимо меньше, а насчет сегодняшних интерьеров тактично умолчим — из уважения к власти.

Конкуренты прогорали и появлялись новые, а Махотин не сдавался. Дважды перестроил свой кинотеатр и брал «не количеством, а качеством».

Только он в Новониколаевске регулярно получал свежие ленты из кинематографических фирм Питера и Москвы. И он же стал снимать (и показывать) ленты «из жизни города». «Масленица в Новониколаевске», «Крестный

Богородице-Казанская церковь была построена в Закаменской части в 1907 году. После закрытия в 1938 году одно время в помещении церкви размещался кинотеатр «Октябрь»

«1-е Совкино» (позже — кинотеатр им. Маяковского)

Звуковой кинотеатр «Металлист» (ул. Римского-Корсакова, 1), фото середины 1930-х годов

ход», «Прогулка на пароходе «Кормилец» до Бердска», «Полет авиатора Седова» — всего более 30 документальных лент. Хотя и в те годы, как и сейчас, любой «документалистике» зритель предпочитал мелодрамы и комедии.

Над постройкой кинотеатров трудились лучшие архитекторы. Кинотеатр (на 700 мест) на углу нынешних Красного и Октябрьской был построен в начале 20-х годов по проекту архитектора Андрея Крячкова (в стилистике, близкой к сохранившемуся и до сей поры зданию «Красной аптеки»).

Примечательно, что, несмотря на зимний период, стройка заняла всего чуть больше 4 месяцев (были же темпы!). У кинотеатра долго было «прыгающее» название, менявшееся в зависимости от смены имени головной конторы, — то «Роскино», то «Госкино», то «1-е Совкино». Потом, когда в середине тридцатых Иосиф Сталин точно определил, кто именно был и остается величайшим поэтом нашей советской эпохи, кинотеатру присвоили имя Владимира Маяковского и даже установили его скульптуру над входом в здание.

В 1968 г. «старый» «Маяковский» (вместе с частью застройки Красного проспекта) был снесен. Уступив место и передав «по наследству» название построенному практически на этом месте новому кинотеатру. Где он по сей день и находится, счастливо избежав всех остальных возможных переименований.

А с переименованиями у нас вообще — беда. Построили в 1910 г. на Тобизеновской улице (сегодня — им. Горького) кинотеатр «Фарс». Советская власть его, естественно, переименовала — в «Юнгштурм». Это по названию «комсомола» тогдашней Компартии Германии.

Затем, когда внезапно выяснилось, что официальным германским приветствием стало «Хайль Гитлер!», а единственной молодежной организацией — «Гитлерюгенд», кинотеатр потихоньку переименовали в «Пионер» (как он сегодня и называется). Согласитесь, нечто «фарсовое» во всех этих переименованиях действительно есть.

Не избежал с приходом Советской власти «переименования» и Федот Махотин. Он еще успел снять свою последнюю документальную ленту —

Дом Ежова, построен в 1910 году. Вдоль фасада здания был тротуар, выложенный стеклянными блоками для освещения подвальных помещений. В 1968 году был снесен в связи с постройкой нового здания кинотеатра им. Маяковского

Кинотеатр им. Маяковского, построен на месте снесенного в 1968 году кинотеатра с тем же названием

«Великий праздник победы революции в Ново-Николаевске. Март 1917 г.» Однако уже в конце того же года выяснилось, что «из всех искусств для нас важнейшим...», и все кинопредприятия страны были национализированы (чуть ли не одновременно с банками).

Национализировали и «махотинский» кинотеатр, переименовав его по такому случаю в «Триумф». Но... Махотин не мог без кино! Наплевав на амбиции, он работает в новых госкиноорганизациях — то оператором, то начальником кинокопировальной лаборатории, то инспектором кинотеатров (по долгу службы приходилось ему навещать и в новоименованный «Триумф»).

Но — не прижился энтузиаст у новой власти. В декабре 1923 г. его увольняют «по сокращению штатов». У человека, собственно, отобрали весь смысл его жизни. Спустя несколько дней после увольнения он скончался. «Жизнь моя — кинематограф, черно-белое кино»...

Если уж мы так любим праздники к «датам», то почему бы не организовать в следующем году в лучших кинозалах «махотинский» фестиваль? С просмотром его пленок (если, конечно, найдутся), с показом фильмов по истории города, с выступлениями артистов. Ведь по любому счету он достоин хотя бы этого в память о сделанном им для города. Энтузиаст, один из тех, благодаря которым французский «синематограф» обрусел и поменял букву «с» на «к».

Кинотеатра его имени нет, улицы тоже «не удостоился». В отличие от, скажем, Галилея, которому место на карте нашлось. Хотя это еще посмотреть надо, кто больше сделал для города.

А может, и не надо ничего — ни памятников, ни памяти? По-моему, все-таки стоит вспомнить человека, благодаря которому у нас в городе впервые в незапамятные времена раздался вопрос: «Нет ли лишнего билетика?»

«Как известно, без воды — и не туды, и не сюды!»

Как ни странно, в стоящем на берегу Оби Новониколаевске самой большой проблемой было водоснабжение.

Проблемой настолько неразрешимой, что из-за его отсутствия город постоянно горел — в прямом смысле слова. Впрочем, власть, как всегда, делала все для бесперебойного снабжения горожан водой. По мере своих сил и своего разума.

Станция Обь. Водоподъемное здание

Централизованного городского водопровода (как и канализации) в Новониколаевске не существовало. Как не существовало централизованной системы обеспечения горожан водой. Первые три водонапорные башни (первая появилась в городе еще в 1894 году) имели «ведомственную» принадлежность.

Они были построены при железной дороге. И понятно, что в первую очередь свое ведомство и обслуживали. Вода шла на заправку паровозов, помывку вагонов, а уж остальное — доставалось местным «придорожным» счастливым горожанам. Городские власти не то чтобы ссорились по этому поводу с дорожниками, но, скажем так, «просили поделить мощностьми».

У каждого были свои интересы и свой бюджет, и просьбы постоянно натывались на некое «непонимание».

А городу нужна была вода. И питьевая, и «техническая». Колодцы всей проблемы не решали, да и не могли ее решить — за малым своим количеством. Так, на август 1915 года на весь город имелось всего три артезианских колодца, и жители окраин воду брали прямо из реки. Вода доставлялась водовозами.

Примечательно, что по данным 1910 года в Новониколаевске водовозы (их было 22) составляли почти 10% от числа «легковых» извозчиков. Однако воду привозили и «частным» порядком, причем иногда очень оригинальным способом.

Новониколаевская «Народная летопись» в январе 1909 года публиковала в числе прочих сообщений заметку под меланхолическим названием «Грустная сцена на улице»: «Мальчуган 10-12 лет запряг собаку в салазки и поехал за водой на резервуар на станции. На салазках кучка ведра в три-четыре. На обратном пути

собака как-то вывернулась из нехитрой упряжи и убежала. Тогда юный «водовоз» разразился такою площадною скверною руганью, что извозчики, стоявшие неподалеку, поразились, пожимали плечами и говорили: «Нет, извозчики так не ругаются, как он. Он грамотней любого извозчика».

Судя по всему, если исключить удививший даже извозчиков мат, сама картина частной доставки воды была вполне обыденной.

Впрочем, попытки городского управления как-то наладить подобие централизованной доставки воды кончались тем же — матерщиной потребителей. Воду в городскую Управу и ряд городских учреждений, включая больницы, доставляло по договору Добровольное пожарное общество. И ехать-то вроде недалеко (каланча «офиса» пожарного общества с лихим «мушкетерским» девизом «Один за всех — и все за одного!» располагалась в районе сегодняшнего «стоквартирного дома» на площади Свердлова)...

А вот потребители воды в городской больнице на ул. Асинкритовской (сегодня — Чаплыгина) постоянно жаловались. «Больные остаются без умывания и без чая до 10 и более часов утра. А обед по той же причине затягивается до 2-3 часов дня вместо 12. Личные заявления привозящим воду пожарным и заявления по телефону в городскую пожарную часть оказываются недействительными».

А вода городу была нужна. И не то что нужна — необходима! Иначе как бы Зиновий Федоров смог обеспечить в бане на ул. Кабинетской (сейчас Советская) функционирование «парового поддавателя пара»?

Реклама об этом широко шла не только в газетах, но и в специальных «афишах». И для рекламировавшихся уже тогда «стиральных машин» вода тоже была необходима. Хотя, конечно, с сегодняшними стиральными машинами они ни в какое сравнение не идут. Да что бани и стиральные машины! Без нормального снабжения водой не могла функционировать городская промышленность. Годовая производительность только мукомольной промышленности города уже к 1913 году составляла 12 млн пудов.

Кстати, работали новониколаевские мукомолы настолько эффективно, что даже во время разразившегося в связи с Первой мировой войной кризиса по просьбе городских властей находили возможность не только не

повышать, но и снижать цены на хлеб.

Работу мукомолов обеспечивали 4 паровых и 11 водяных мельниц. Естественно, что основным «топливом» для их работы была все та же вода.

Зажиточные горожане проводили в свои дома частные водопровод и канализацию. Город, по мере сил, брал их опыт на вооружение. Свой «локальный» водопровод имел комплекс зданий военного городка.

И при осуществлении широкомасштабной программы строительства в городе 12 кирпичных школ по проектам архитектора Крячкова проблема эта тоже была учтена. Каждая школа имела собственный водопровод, канализацию и водяное отопление.

А городское реальное училище (сегодня — детская клиническая больница №3 на Красном проспекте) — еще и роскошные душевые для учащихся рядом с гимнастическим залом. Впрочем, все эти «локальные» сети водоснабжения проблему города в целом, конечно, не решали.

Летом 1906 года инженер Гютлиб разработал и представил в городскую управу первый проект строительства городского водопровода на 200 тысяч ведер суточного потребления воды. Стоимость проекта «тянула» на 59 тысяч рублей. Управа, «поскрипев зубами», отказала по самой банальной причине — отсутствие средств. Просьбы о выделении дополнительных средств из государственной казны остались без ответа.

В конце 1909 года управа получила проект водопровода, разработанный технической конторой Веризубова, стоимостью уже 801,6 тысяч рублей. И снова центральное правительство средств не отпустило. Московская фирма «Нептун» представила проект подешевле — 643,6 тысяч рублей.

Водозабор должен был осуществляться из Оби, «мощность» — 150 тысяч ведер в сутки. В отчаянии власти города пошли на решительный шаг. 31 августа 1910 года Новониколаевск проездом посетил премьер-министр Российской империи Петр Столыпин. Ему поднесли хлеб-соль, а также петицию с просьбой о помощи в решении ряда важнейших вопросов.

Просили о введении в Сибири земской системы управления и, кстати, о финансировании строительства в городе водопровода. Насчет земств премьер отвечал уклончиво, а вот с водопроводом городу обещал помочь. Однако жить Петру Аркадьевичу оставалось уже недо-

Путепровод Алтайской железной дороги, 1910-е годы

лго — вскоре он погиб в результате покушения террориста. Город опять остался без водопровода.

Просто какой-то злой рок висел над новониколаевским водоснабжением! В 1914 году все та же фирма «Нептун» разработала новый, более дешевый проект водопровода, но... Грянула Первая мировая, и новониколаевским ходатаям в Петрограде посоветовали, ссылаясь на отсутствие средств, отложить мечты об общегородском водопроводе до победы над «злым тевтоном».

...Впрочем, иногда вмешательство городской власти в обустройство водопроводно-канализационных дел приводило и к абсолютно комическим результатам. В 1909 году в городской больнице за счет городских же средств сделали, по сегодняшним меркам, «евроремонт». Один 100-ведерный бак для воды чего стоил!

Однако газеты писали и о некоторых подробностях обустройства больницы. «Проведены железные дюймовые трубки в кухню и на верхнюю площадку лестницы, на второй этаж, оканчивающиеся обе медными кранами.

Кроме того, из бака проведена трубка и в ватер-клозет с приспособлением для спуска воды в писсуар. В кухне установлен прочный насос с воздушным колпаком, соединенный с баком на чердаке дюймовой же питательной трубкой. Насос снабжен даже и всасывающим рукавом. Словом, сделано все... кроме писсуара в клозете.

Отчего бы, казалось, не пользоваться этим удобным и полезным устройством? А не пользуются, вероятно, потому, что у города не находится нескольких рублей на покупку писсуара и на наем слесаря для подкрепления в муфтах трубок».

В общем, пациенты из здания, оборудованного водопроводом и канализацией, бегали «по нужде» «на двор» до начала следующего финансового года.

А централизованный водопровод в городе появился только в 1927 году.

Но это уже другая история.

Интервенция в Новониколаевске

Интервенция — это пребывание вооруженных сил одного государства на территории другого. Развал Российской Империи в 1917 году привел к уникальной ситуации.

Государств-интервентов как таковых еще не существовало, а в Новониколаевске уже стояли их вооруженные части. И не только стояли, но и даже формировались из числа местных интервентов.

К 1917 году Новониколаевск волею судьбы стал действительно «многонациональным» городом — на улицах можно было услышать немецкую, польскую, венгерскую речь. В городе с менее чем 100-тысячным населением был размещен лагерь для военнопленных на 12 тысяч «посадочных» мест. Только не стоит представлять себе, что это было подобие некоего концлагеря — военнопленные

снабжались продовольствием по нормам, существовавшим в русской армии.

С увеличением потребности в квалифицированных рабочих руках их стали (по желанию) отпускать для работы на предприятиях города. Заработок, естественно, шел лично им.

О режиме содержания можно судить, в частности, по газетной заметке, опубликованной в мае 1917 года: «Многие обращают внимание на то, что военнопленные ходят без конвоя и в ночное время. Обращаем внимание работодателей, коим даны военнопленные, что они... обязаны иметь за пленными постоянный надзор. Без сопровождающего на улицы в. п. не пускать. После 8 часов вечера выход на улицу в. п. совсем запрещен... Обращаем внимание жителей, что 1 мая по гарнизону дан приказ об усиленном надзоре и окарауливании военнопленных. Считаем настоящие меры исчерпывающими и приглашаем граждан к спокойствию».

Военнопленные офицеры, на которых все эти условия не распространялись, жили в городе на съемных квартирах, которые оплачивала казна.

Чехословацкий легион, сформировавшийся Россией по соглашению со странами Антанты для войны против Германии, имел, таким образом, богатый и откормленный резерв. Хотя Чехословакии еще не было — в составе Ав-

стро-Венгерской империи такого не предусматривалось.

Чешские legionеры с согласия уже Советского правительства двигались по Транссибу на восток, для дальнейшей эвакуации морем в Европу. Попутно мешали тем, кто мешал им. Мятеж частей чешского корпуса в ночь с 25 на 26 мая 1918 года был спровоцирован неудачными попытками Совдепа пополнить собственный арсенал путем разоружения чехов. Все закончилось взятием Дома революции (сейчас — театр «Красный факел»), в результате короткого столкновения было убито три и ранено двое чешских legionеров. Убитых похоронили с воинскими почестями на новом городском кладбище (на месте нынешней Березовой рощи), а восстановленная в своих правах городская Дума приняла решение поставить памятник «чехословакам-освободителям».

Чуть позднее появилась идея включить командующего корпусом генерала Гайду в число тогда еще совсем многочисленных «почетных граждан города». Не успели (в связи с очередной сменой власти) осуществить ни первое, ни второе. Да и могила чешских legionеров (как и их имена) пропала, затерявшись среди берез Березовой рощи.

Правда, в самом Новониколаевске чехословацкий легион не формировался — в отличие от «5-й дивизии стрелков Польского корпуса». Польша ведь тоже получила статус независимого государства!

В отличие от чехов, поляки в бой с германцами и австрийцами не особо рвались — Польша и так имела особый статус в Российской империи. В городе канцелярия «делегата Польского военного комитета Новониколаевского округа» Скорного располагалась в самом центре, на ул. Тобизеновской (сегодня — Горького). Командир сформировавшейся в городе Польской дивизии Казимир Румша отличился до этого книжкой, выпущенной в Петрограде в 1916 году под изумительным названием: «Пребывание в германском плену и геройский побег из плена».

Именно полковник Румша командовал «польскими» подразделениями при подавлении в декабре 1919 года антиколчаковского восстания части новониколаевского гарнизона во главе с Барабинским полком

Эшелон чехословацкого легиона, 1918 год

Сибирской армии. Именно его «воины» устроили в городе настоящую резню перед приходом «красных».

После боев у ст. Тайга в начале 1920 г. от дивизии не осталось практически ничего — «красные» разбили, как говорится, наголову. Остатки дивизии, за малым исключением, оказались в плену. Оставшиеся военнослужащие, прибывшие в Польшу через Владивосток и Китай (120 офицеров и 700 солдат), послужили основой для создания в июле 1920 г. Отдельной Сибирской пехотной бригады Польской армии (первый и второй Сибирские полки), которую вновь возглавил успешно избежавший плена и пули полковник Румша.

А вот венгров, австрийцев и немцев (из военнопленных) в новых военных подразделениях города появилось немного. Оно и понятно. Чехи вроде бы бились за «свободу родины», поляки — тоже. Хотя им-то, в отличие от чехов, новая «родина» просто свалилась как снег на голову. Ну, а немцы, австрийцы и венгры, перешедшие на сторону противника, автоматически становились «изменниками».

Карта Европы менялась на глазах, и каждому приходилось делать свой выбор — где бы он до этого ни жил. Из пленных венгров, немцев, хорватов, словаков, выбравших новой родиной Советскую Россию, был сформирован «интернациональный коммунистический батальон имени Карла Маркса».

Возглавил его Семен Гершевич (по другим данным — Гиршович), «по совместительству» руководивший еще и городской Красной гвардией. В истории города этот «батальон» отметился только одним — «героическим» бегством по направлению к Барнаулу при первых выстрелах чехов. Бежали, кстати, вполне организованно — во главе со своим командиром. Так что впоследствии это бегство смогли назвать «отступлением». Более приличное слово, но после этого «отступления» тот самый «интернациональный батальон» вроде как испарился — история его дальнейшего существования не зафиксировала.

Товарищи-«интернационалисты» просто разбежались, неся в сибирские просторы культуру и знание иноземных языков. Кстати, Иосип Броз Тито жену вывез из Омска, Ярослав Гашек — из Новониколаевска. Оба — военнопленные.

Но, конечно, особенно повезло украинцам. У них страна тоже стала «незалежной» (как сейчас). И, собственно, для записи «в украинцы» ничего особенного не требовалось, даже чуба.

В июне 1917 года большевики Серебренников и Ро-

манов бурно протестовали против создания особых украинских частей, так как это помешает «войне с германцами». Так никто же и не спорил! Воевать-то неохота было никому, а тут такая возможность подвернулась — я уже, вроде бы, и не ваш!

И солдаты-украинцы, а также записавшиеся в них тихо-мирно уезжали из города. Вроде как на родину и вроде как для службы там. С выписанными на проезд «подорожными» и, соответственно, пайком.

Так что в Новосибирске «интервентами» поминают только поляков и чехов. Венгры и украинцы такого эпитета избежали. Первые — за малостью своей, вторые...

Черт его знает! Сало у них — вкусное. Может — поэтому?

Военнопленные в прогулках по городу

Военнопленные Первой мировой (германцы, австрийцы, венгры), прошедшие через наш город в 1914-17 годах, были, по современным меркам, достаточно странными, не соответствующими своему статусу. Они успели поучаствовать и в развитии городской экономики, и в общественной жизни города.

Первые пленные появились в городе задолго до того, как их привозили с фронта. Дело в том, что после объявления войны мирно проживавших в Новониколаевске подданных Германии и Австро-Венгрии (по возрасту подлежащих на родине мобилизации) стали переводить именно в этот статус. Некоторые проверялись на подозрение в шпионаже.

Истории случались курьезные. При обыске у кого-то из таких пленных нашли вполне легальный справоч-

Германские военнопленные. 1918-1919 годы

ник с именами и адресами членов Германского флотского союза (своеобразный союз ветеранов ВМФ). В нем, среди прочих, числился мелкий новониколаевский предприниматель Эмиль Бартц, который абсолютно легально, по почте, получал вплоть до войны из Германии журнал «Флот».

Завели уголовное дело о шпионаже, встал вопрос об аресте, и только тут выяснилось (вечный российский межведомственный бардак!), что беднягу Бартца уже успели сослать в Тобольск как военнопленного. А тут и подоспело разъяснение Департамента полиции, что членство в разных ветеранских союзах не является основанием для обвинений в шпионаже. Дело тихо прикрыли.

С сентября стали привозить и настоящих пленных, число которых было огромным. К началу 1917 года на территории Омского военного округа (в который входил наш город) в лагерях содержалось более 199 тыс. пленных. После решения правительства об обязательном привлечении пленных к труду городская Дума Новониколаевска запросила аж 5 тысяч — на работы по расчистке Каменки, укреплению берегов Оби, прокладке дорог и т. д. Сюрприз получился неожиданным и для

города малоприятным.

В Новониколаевске как центральном перевалочном пункте Транссиба было приказано устроить распределительный лагерь на... 12 тысяч пленных. А жителей в городе в тот момент было чуть больше 80 тысяч. Ох, перекрестился губернский Томск, что не через него 20 лет назад проложили Транссиб!

На долю Томска с населением в 115 тысяч досталось ощутимо меньше — 5200 пленных. Город тихо взвыл. Где их селить?! Понятно, что вопрос постройки лагеря стал «головной болью» в основном для Военного ведомства («военведа»), но свой здоровый кусок «мигрени» и городской Думе достался (поставка материалов, рабочих рук, обеспечение подводами и т. д.). Так же, как и в вопросе организации питания.

Нормы, конечно, были не ахти — 400 граммов хлеба в день, крупы 100 граммов, соли — 50 граммов, мяса 100 граммов в суп, да еще вместе с салом — 20 граммов в кашу. Город поставлял продукты, «военвед» — оплачивал (причем регулярно и полностью). Пленным офицерам через тот же «военвед» предоставлялись городские квартиры и платилось жалование (в зависимости от чина).

Кстати, те нормы, по которым снабжали пленных, — это нормы довольствия Русской армии, которая за те же пайки «поставляла» в тыл все новых и новых едоков. Город испытывал недостаток рабочей силы, а тут вдруг появилось такое количество практически бесплатных «рабочих рук», да к тому же дисциплинированных! Промышленники, ремесленники, купцы Новониколаевска обращались в городскую Думу с заявками на выделение им пленных для работ.

Заявки удовлетворялись, и к концу 1915 года количество пленных, занятых в городе на общественных работах и в частном секторе, превысило три тысячи. Что, собственно, приводило к одной очень неприятной для властей вещи — бесконтрольным контактам пленных с местным населением.

А военнопленные для горожан постепенно превращались из каких-то экзотических существ чуть ли не в сосе-

дей. Общение было активным и можно сказать, что город и пленные жили общей жизнью (в каком-то смысле).

Что, увы, очень даже подтвердила жесточайшая эпидемия тифа, затронувшая как лагерь (где она и началась), так и город. Примечательно, что при утверждении городского бюджета местная Дума закладывала в него и средства на лечение пленных. При таком обилии бывших солдат вражеской армии в узловом центре Транссиба, естественно, сразу вставал вопрос о «противодействии возможному шпионству».

30 сентября 1914 г. командующий ОмВО издал специальный приказ: «Воспрещаю пленным подходить к железнодорожным путям ближе одной версты, появляться на вокзалах и всех дорожных сооружениях, виновных немедленно арестовывать и под конвоем отправлять на гауптвахту».

Однако Транссиб, в связи с огромным ростом объема перевозок, жутко нуждался в рабочих. Пленных втихую стали ставить на разгрузку и погрузку вагонов. Из ОмВО рывкнули вторично 14 ноября 1914 года, напомнив о запрете допуска пленных «ко всякого рода работам в полосе отчуждения».

Железнодорожники давили: нужны люди для ремонта и очистки путей, погрузочных и земляных работ. Мобилизация буквально «вымыла» из деревень огромное количество рабочих рук, а оставшиеся в деревнях крестьяне отнюдь не горели желанием «менять хозяйство на «железку». «Дорожники» давили на военных — и давили. Спор военных и «дорожников» на «самом верху», в Петрограде, закончился в начале 1915 года победой последних. В результате к осени

Монументы на Заельцовском кладбище: в память о венгерских военнопленных, жертвах Первой мировой войны (вверху) и памяти военнопленных австро-венгерской армии, умерших в Сибири в годы Первой мировой войны

того же года на всем протяжении Омского участка Транссиба от Челябинска до Новониколаевска работало около семи тысяч пленных.

И только тут возник вопрос, который в воюющей стране, на стратегической (!) магистрали, должен был возникнуть прежде всего: а кто, собственно, пленных на дороге охранять-то будет? Военные отказались сразу и наотрез из-за недостатка солдат. Жандармерия обеспечить охрану такой оравы просто не была способна.

«Дорожники», испугавшись, что пленных отберут, взяли было охрану на себя. Однако не оказалось ни денег на найм 800 стражников, ни желающих идти в стражники на мизерное жалование. Только в апреле 1916 было принято соломоново решение — дескать, жандармерия занимается «общей организацией охраны», а непосредственной охраной занимается вольнонаемная железнодорожная стража. Для которой, как уже было сказано, не имелось ни сил, ни средств. Железнодорожное начальство от полной безвыходности предложило возложить надзор за пленными на ремонтных рабочих и артельных старост, выдав им оружие.

Как обычно, не учли «мелочь» — после нескольких месяцев совместной работы на ремонте дороги местные работяги уже воспринимали пленных скорее как коллег, чем как граждан враждебного государства. И размахивать револьвером перед носом у товарища по работе никто не собирався.

Для производства работ ремонтным группам из пленных надо было постоянно передвигаться вдоль по-

лотна дороги. На каждую группу по десяtnику-охраннику не напасешься. А пленные — что? — передвигались...

А поскольку был запрет «не допускать военнопленных в станционные здания, на перроны и железнодорожные пути», то группы рабочих-пленных передвигались в том числе и в пассажирских поездах, безо всяких билетов. «Зайцами»...

Штаб Корпуса жандармов приказал своим местным управлениям «налагать на военнопленных дисциплинарные взыскания согласно тому порядку, который применяется в отношении подчиненных сему начальству нижних чинов».

Жандармы должны были задерживать всех «праздношатающихся» на Транссибе пленных. Однако, поскольку этим приказом пленных фактически уравнили по статусу с жандармскими чинами (хотя бы и по наказаниям), глyбоко уязвленные этим рядовые жандармы приказ просто игнорировали. «Праздное брожение» продолжалось. Проинспектировав Транссиб, командующий ОмВО генерал Сухомлинов в приказе писал: «... по линии дороги видел много пленных, которые в одиночку и группами бродят без всякого досмотра...». Особенно его поразил эпизод, когда пленный с трубкой в зубах, держа руки в карманах шинели, спокойно прогуливался вдоль состава, а стоявший рядом жандарм «совершенно безучастно» смотрел на него.

А кто, собственно, ожидал чего-то другого при такой организации?

Наступивший 1917 год принес размещенным в Новониколаевске военнопленным много интересного и неожиданного. По крайней мере, некоторым из них удалось не только поучаствовать в исторических для Новониколаевска событиях, но еще и устроить прямо на территории города в миниатюре своеобразное продолжение сражений Первой мировой войны.

Перемены начались сразу после Февральской революции. Прежде всего многие пленные неожиданно лишились подсобных работ на железной дороге. Жандармерия, руководившая организацией охраны пленных, была разогнана; оказавшихся «беспризорными» пленных вернули в лагерь. Сняли военнопленных и с сельскохозяйственных работ. В селе их заменили... солдаты 21-го и 22-го стрелковых полков. Начальство резонно рассудило, что необходимо под любым предлогом вывести из города хотя бы часть армейцев. И тем самым хоть час-

точно уберечь их от того вала разнообразной и порой шокирующей агитации разных партий и течений, который накрыл Новониколаевск.

Говорилось порой такое, что ушам не верится. Так, в середине марта на митинге на новониколаевском вокзале представитель Томского губернского Совдепа Владимир Косарев провозгласил: «Немецкие солдаты, увидя ваши красные знамена, поймут, что им не нужно уже воевать с нами за свержение самодержавия в России... ибо мы сами справились со своим царем и его правителями». Маленький нюанс — будущий зампред Сибревкома выступал перед солдатами маршевых рот, отправляющихся на германский фронт (!). В общем, было от чего потерять голову.

Революционная неразбериха на городских улицах ускорила и процессы брожения в лагерных казармах среди пленных.

Стоит напомнить, что в «двуетной» Австро-Венгерской империи лишь немцы и мадьяры были людьми «первого» сорта, а все остальные (чехи, словаки, поляки, русины, украинцы и т.д.) — даже не «второго», а «третьего». Плен уравнил всех, и долгое время никаких «внутренних» стычек между пленными не было. Несмотря на то, что жили они в общих казармах без деления на национальности.

Ситуация изменилась после того, как страны Антанты договорились о создании Чехословацкого корпуса из добровольцев-пленных (для боевых действий на фронте против германцев и австрийцев).

Изыявившие желание записаться в корпус чехи и словаки немедленно получали паек и денежное довольствие, но главное — полную свободу. Вот тут-то и разгорелась с новой силой межнациональная вражда немцев и венгров — с одной стороны и чехословаков — с другой. Теперь уже — в лагере пленных.

Ну, а когда после Февраля политическое руководство чехословацким национальным движением — Национальный комитет — заявило о том, что конечная цель борьбы чехословаков — создание независимого государства, у солдат корпуса появились вполне конкретные и осязаемые перспективы. Чего остальные пленные были лишены. Переход власти к Совдепу только подлил масла в огонь.

Уже 3 марта 1918 года в Новониколаевске состоялся митинг пленных австрийцев, немцев и поляков. Представители Совдепа призывали их... подключаться к общей

борьбе за светлое будущее. Митинги следовали один за другим, иногда случались малоприятные накладки.

Слабо разобравшись в отношениях между пленными (что, впрочем, не мешало вести среди них активную «интернационалистскую» пропаганду), на очередной митинг в лагерь совдеповцы привели с собой чешских эсдеков. Их выступление чуть не кончилось лагерным бунтом, чудом не дошло до применения красногвардейцами оружия. Именно в Красную Гвардию и записывались пленные мадьяры и немцы, чтобы покинуть лагерь и получить достойный статус.

А Чехословацкий корпус в это время получил статус автономной части Французской армии и, по соглашению Антанты с Совнаркомом (!), в эшелонах двигался на Восток, чтобы оттуда пароходами, через полсвета, попасть на Европейский фронт.

Конечно, путь на Запад был короче, но Россия из войны вышла и подписала с Германией мир. Корпус как составная часть войск Антанты шел выполнять задачу, для которой и создавался — воевать с Германией и Австро-Венгрией. А вот в Новониколаевске Совдеп совершил потрясающую глупость.

25 марта 1918 года красногвардейцы, усиленные ма-

дьярскими «интернационалистами», попытались обыскать и разоружить один из проходящих эшелонов корпуса. Мадьяры, хоть и в составе Красной Гвардии, продолжали оставаться пусть пленными, но солдатами австро-венгерской армии. К чехам «разоружать» пришли, таким образом, те, против кого они ехали воевать. Так зачем же откладывать? Чехи огнем отогнали «гостей» и продолжили путь.

Утверждают, что майский мятеж корпуса начался после появления телеграммы Льва Троцкого, предписывавшего местным Совдепам: «Каждый чехословак, замеченный на железной дороге с оружием, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хоть один вооруженный, должен быть выброшен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных».

«Новониколаевский инцидент» произошел за два месяца до телеграммы, и по нему можно было спрогнозировать все последствия. Никто этим не озаботился. Зато «озаботились» другим. Созданием в противовес чехословакам мадьярско-немецких «интернациональных» подразделений. В Новониколаевске, в военном городке, под командой комиссара Красной Гвардии С. Гершовича был сформирован «интернациональ-

Германские военнопленные. 1920 год

Крест на Заельцовском кладбище в память о германских военнопленных, жертвах Первой мировой войны

ный батальон им. Карла Маркса».

Примечательно, что официально-то все новоявленные «батальонцы» оставались военнопленными. Совдеп, таким образом, создавал и вооружал подразделение из военнослужащих враждебных Антанте (и чехословакам) стран. И это в самом центре Сибири на стратегической магистрали, по которой корпус двигался на Восток. С марта по конец мая в Новониколаевске (как и в других городах Сибири) попытки красногвардейцев разоружить чехословацкие эшелоны предпринимались регулярно.

Всегда, как специально, с участием «красных мадьяр». И всегда с одним результатом — безрезультатно.

Газеты стран Антанты и союзной Японии писали о нестабильности на Транссибе, о постоянных нападениях на Чехословацкий корпус «вооруженных Советами подразделений немецко-австрийских пленных».

Троцкий в ответ неоднократно заявлял, что все это ложь, поиски предлога для интервенций Японии «для обеспечения порядка»

Кончилось все соглашением руководства корпуса с подпольными антисовдеповскими организациями по линии Транссиба о совместных действиях и — преждевременным выступлением чехословаков в Новониколаевске в ночь с 25 на 26 мая 1918 года через несколько часов после очередной попытки «разоружения».

Вот что интересно. У Дома Революции, где заседал Совдеп, чехословаки долго не задержались — боя практически не было, погиб лишь красногвардеец-пулеметчик Илья Кузнецов. Несмотря на то, что Дом был практически набит вооруженными красногвардейцами. И сразу после этого чехи кинулись к военному городку.

Резонно рассудив, что до Западного фронта далеко, а противник австро-венгерский — вот он, рядом. «Интернациональный батальон им. Маркса»...

О дальнейшем «Хроника новосибирской организации КПСС» (Н., 1988) сообщает с той сухостью, что красноречивее любых эмоций: «Батальон подвергся разгрому. Его остатки и отдельные красногвардейские группы во главе с комиссаром С. Гершовичем отошли к Барнаулу».

Так что и здесь, как и в «большой» Первой мировой, поле боя осталось за Антантой.

«Анархисты» из ЧК и Угрозыска

Новониколаевских анархистов почему-то очень тянуло в, казалось бы, абсолютно несвойственную им область — в карательные органы власти.

Ушедший из «объединённых» эсдеков в анархисты за 10 лет до 1917 года Алексей Гастев (Зарембо) был в декабре 1919 года назначен руководить первым советским городским Угрозыском.

Впоследствии он стал председателем Всесоюзного комитета стандартизации. К разработке ГОСТов на промышленные изделия его идеи и работа не имели никакого отношения. Он внедрял «стандартизацию» людей.

Его как поэта очень то ли хвалили, то ли ругали Велимир Хлебников: «Это обломок рабочего пожара, взятого в его чистой сущности, это не ты и не он, а твердое «я» пожара рабочей свободы, это заводский гудок, протягивающий руку из пламени».

Цитировать стихи не рискну — впечатление такое, что это переводы с немецкого творений мальчишек из «гитлерюгенда» 1930-х годов.

Алексей Капитонович Гастев родился в Суздале 26 сентября 1882 года в семье учителя и швеи. В 1901 году студент учительского института вступил в РСДРП. Он писал сам в своей биографии в новониколаевском «Голосе Сибири» весной 1917 года, что был арестован в Москве в 1901 году за участие в демонстрации; арестован в 1902 году «за пропаганду в с. Нара Московской губ.»; «в 1903 г. я пошел в ссылку в Вологодской губернии». И так далее, и так далее...

Вологда, им упомянутая, вероятно, находится за Полярным кругом — позднейшие биографы студента писали о трех его ссылках «в Сибирь».

Биографы были из числа его родственников и лично ему обязанных людей. На IV («объединительном») съезде большевиков и меньшевиков в Лондоне в очередной раз сбежавший из России Гастев зарегистриро-

вался под псевдонимом «Лаврентий».

После безуспешной инициативы с его стороны созыва год спустя некоего «Рабочего съезда», в котором должны были объединиться все социалистические партии, анархисты, профсоюзные организации, рабочие клубы и т. д., его высмеяли и большевики, и меньшевики.

В 1907 году Гастев вообще ушел из РСДРП. Мотался то в Россию, то в Швецию, то в Швейцарию, то в Париж, где задержался. Французские профсоюзы, как и положено профсоюзам, отстаивали интересы рабочих перед работодателями. Большинство в них составляли анархо-синдикалисты. Там-то себя Гастев анархо-синдикалистом и объявил. Анархо-синдикалисты видели прообраз будущего безгосударственного народного самоуправления в профсоюзах (федерациях синдикатов).

...В Новониколаевске, где Гастев под фамилией Зарембо откуда-то вынырнул в 1916 году, он тихо работал в газете «Голос Сибири», числился в «легализованном» после Февральской революции 1917 года горкоме РСДРП (вероятно, никому не сказав, что членом партии он давно не является). И — срочно уехал в Центр. Потом — вернулся. Забавно — в «Хронике Новосибирской организации КПСС 1891-1941 г.» (Н., 1988 год) в «Именном указателе» он числится как «Гастев (Зарембо) А. К.»; даны две ссылки к упоминаниям в тексте. Первая — про создание того самого горкома 1917 года, где он указан как «А.К. Зарембо (Гастев)». Вторая — про создание в 1919 году после взятия города «красными» Новониколаевского ревкома. Начальником Угро (созданного на правах отдела ревкома) назначен «А.К. Зарембо». В «Энциклопедии «Новосибирск» (Н., 2003 год) — полный кавардак. У «Гастева (Зарембо)» — отдельная путаная статья, где упоминается его работа в Угро, он отрекомендован как «сов. партийный, профсоюзный и госуд. деятель, писатель и поэт». В статье про историю городской газеты «Голос Сибири», редактором которой он был с 7 марта по 21 апреля 1917 года, он тоже — «Гастев (Зарембо)». В «персональной» статье его редакторство вообще не упоминается. В статье в той же энциклопедии «Милиция» сообщается о создании в 1919 году городского Угро «под рук-вом сотрудника по фамилии Заремба». В том же издании в статье «Уголовный розыск» вообще не упоминаются ни «Гастев», ни «Зарембо», ни «Заремба». Опыт работы в «уголовке» явно навел Гастеву название его последнего отдельного поэтического сборника «Пачка ордеров» (естественно — не на квартиру или валенки), который он издал в «буржуазной» Латвии в 1921 году.

Алексей Гастев (Зарембо)

Впрочем, к этому времени он уже уехал в Москву, оставив навсегда свой псевдоним «Зарембо» в нашем городе. В справочнике Николая Яновского «Русские писатели Сибири XX века» (Н., 1997 год) в шести строчках о Гастеве ни «Зарембо», ни Угро не упоминаются, сказано лишь, что он «печатался в сиб. периодич. печати».

В Центре Гастев занялся профсоюзами и НОТ. «Научная организация труда»

по Гастеву — «Список основных правил работы для всякого труда»: «На рабочем месте (станок, верстак, стол, пол, земля) не должно быть ничего лишнего, чтобы попусту не тыкаться, не суетиться и не искать нужного среди ненужного»; «Посадка тела при работе должна быть такая, чтобы и удобно было работать, и в то же время не тратились бы силы на совершенно ненужное держание тела на ногах. По возможности надо работать сидя»...

В этом ценнейшем алгоритме, кажется, не хватает двух «советов» из более позднего времени: «Руки мой перед едой и после посещения туалета», а также — «Уходя — гасите свет».

Основным в Институте Труда (ЦИТ) стал отдел изысканий. Достаточно почитать «научные установки» Гастева, чтобы волосы тихо встали дыбом. «Мы должны биться за создание особой пластики движений...». «Можно было бы не требовать, чтобы человек знал обязательно какое-нибудь ремесло, но обязательно нужно требовать, чтобы каждый гражданин точно владел двумя основными проявлениями работы — ударом и нажимом». «В ЦИТ приходит сырье. К обучению работника мы подходим так же, как и к изделию на предприятии...» «Конечно, нельзя проповедовать телесных наказаний, но, во всяком случае, надо без колебаний ставить суровый терпеливый тренаж, не чуждый и принуждения». Простите мне эмоциональность: это — что?!

В начале 1960-х реабилитированного Гастева объявили «предтечей кибернетики». Идеи кибернетики — через обучение машин простейшим двоичным командам приблизиться к созданию электронного «мозга» в помощь человеку. Идеи Гастева — путем простейших двоичных команд превратить человека в машину.

К самому себе Гастев собственные рекомендации применять не спешил. Его квартира (в центре Москвы, на Петровке, 24 (очень недалеко от Петровки, 38 — МУРа) была «светским салоном» — часто собирались артисты, писатели, звучала музыка. Приходили «на огонек» Бухарин, Рыков, лидер профсоюзов Томский.

К 1931 году все они оказались в опале, и Гастев срочно ищет новых покровителей. Пишет заявление в ЦК (установленный порядок — через «первичку», с кандидатским стажем, — не для него, он-то не «винтик»!) о приеме в партию с восстановлением партстажа с 1901 года. Секретарь ЦК Сталин Гастева помнил и решение принял.

Членом партии Гастева оформили с 1931 года. Рядовым, хотя и без кандидатского стажа. Сталин четко дал понять основателю «теории винтиков», что неплохо бы и самому этим «винтиком» побыть.

Введенная Сталиным система ФЗУ никакого отношения к Гастеву не имела. «Фабзайцы» получали вместе с производственным и минимальное гуманитарно-политическое образование, и возможности профессионального роста, широкую систему поощрений за свой труд — от премий до орденов. «Профсоюзник» Гастев систему поощрений не имел в виду вообще ни для кого. Кроме себя.

Арестовали Гастева 8 сентября 1938 года. Вину свою как руководителя «правотроцкистской организации» признал сразу. Срок следствия пришлось продлить, поскольку Гастев писал и писал показания, называя в числе «заговорщиков» новые и новые фамилии. В конце концов был приговорен к расстрелу, расстрелян с группой приговоренных 15 апреля 1939 года на территории «совхоза НКВД «Коммунарка» — «ведомством» другого Лаврентия — Берия. «Аукнулся» старый псевдоним.

А вот итог гастевской «работы по ГОСТам» «аукнулся» в годы войны, в том числе в Новосибирске. Для производства реактивных снарядов к «катюшам» город тогда буквально молил Центр прислать «один образец, с которого будут сделаны чертежи».

Не было ГОСТов...

Институт, которого не было

Новосибирские студенты — самые счастливые студенты в России. Потому что помимо общего Татьянинного дня они с полным основанием могут отмечать еще и День новосибирского студента — годовщину появления в городе первого института. Но Татьянин день в году один, а День новосибирского студента с полным основанием можно отмечать раза четыре.

Или даже пять.

Или — шесть.

Город Новониколаевск, и городом-то стать не успев толком, потребность в собственном высшем учебном заведении вполне осознал. Город рос — ему требовались грамотные, образованные люди.

В 1912 году в городе было введено всеобщее начальное образование. По проектам лучшего архитектора Сибири Андрея Крячкова в Новониколаевске построили за два года полдюжины кирпичных школьных зданий, оборудованных буквально всем — от собственной канализации и водопровода (чего в городе тогда в принципе не было) до пожарных наблюдательных башенок.

Заметим — здания были продуманы и построены настолько капитально, что городом используются до сих пор. Такого не было тогда ни в одном сибирском городе, включая и губернский Томск.

Город уже тогда работал «на перспективу», закладывая фундамент для своего будущего развития. Но школьников-то кто-то должен учить! И не «кто-то» и «как-то», а грамотные опытные преподаватели, способные обучать качественно. Их тоже надо было готовить — своих, местных, городских.

Переведенная в город в 1911 г. учительская семинария проблемы подготовки педагогических кадров не решала — с ежегодным приемом в 25 слушателей она не

могла обеспечить учителями даже сельские школы.

Тем более что, собственно, и по уровню своему гимназия требованиям растущего города не отвечала — ее перевели в Новониколаевск из села Павловского Барнаульского уезда после участия семинаристов в крестьянских волнениях. Нужны были свои учителя, и город и село без них «задыхались».

21 ноября 1912 г. Городская управа Новониколаевска обратилась в Министерство народного просвещения с прошением об открытии в городе педагогического института. В прошении отказали, причем на очень примечательных основаниях.

Дескать, учительский институт есть уже в губернском Томске, а Новониколаевск — даже не уездный город. Годом раньше, 26 августа 1911 г., теми же объяснениями был сопровожден отказ на ходатайство об открытии в городе сельхозинститута. В общем, власть город обидела.

«Отыгрался» город в 1917 г., когда в марте получил от Временного правительства статус уездного, а уже 8 июля на волне «свободы» получил решение нового Министерства народного просвещения об открытии здесь учительского института — четвертого в Западной Сибири.

Казалось бы, все складывается более чем благоприятно. «Не было бы счастья, да несчастье помогло» — в результате войны в город были эвакуированы преподаватели Полтавского педагогического института, один из них — А. Волнин — был назначен директором новообразованного вуза. Но городу опять «не повезло» с властью.

Нет, центральная (на тот момент) власть «по-честному» направила в исполком новониколаевского городского народного собрания (ГНС, новоизбранного органа городской власти) предписание принять необходимые меры по обустройству помещений института и скорейшему началу занятий. Чем и ограничилась, успев сообщить о выделении институту на съем и оборудование помещений 19 470 рублей.

15 августа 1917 г. газета «Голос Сибири» от имени исполкома ГНС объявила о том, что «с сентября текущего 1917 г. в Н.-Николаевске открывается учительский институт. В 1-й класс института принимаются окончившие курс учительских семинарий, мужских гимназий и реальных с дополнительным классом училищ и семи классов женской гимназии... Институт располагает 60 казенными стипендиями по 600 руб. каждая в год».

Стипендии, съем и оборудование помещений...

«А. Волнин (директор института. — А. К.) возлагал особые надежды на помощь местных органов самоуправления... Но город отказался взять на себя содержание института «ввиду переживаемого финансового кризиса» («История города. Новониколаевск — Новосибирск». Н., 2005 г.). Да не город! Городу-то институт с его будущими выпускниками нужен был позарез.

Это власти было не до города, не до учителей, не до будущих выпускников — во власти шел такой кавардак (и в местной, и в центральной), что было им совсем некогда. Посудите сами, откуда взять ГНС средства на содержание института, когда как раз на исполкоме ГНС шли горячие разбирательства — законно или незаконно было то, что исполком из городского бюджета погасил вексель партии эсеров на 3 000 руб.? Стоит заметить, что на выборах в ГНС эсеры получили не просто большинство — 67 из 80 мест в высшем органе городской власти — и были, по сути, «партией власти».

На ехидно-возмущенные вопросы оставшихся в меньшинстве эсдеков (большевиков и меньшевиков), насколько этично и законно такое использование городских средств правящей партией в своих интересах, член исполкома ГНС эсер Омельков меланхолично ответил,

Первое здание реального училища, 1910-е годы

Реальное училище имени Дома Романовых (новое здание, построено в 1912 году). В начале 1920-х годов здесь разместился Сибревком, в настоящее время — детская клиническая больница скорой помощи №3

что «с юридической стороны это, возможно, незаконно, но в практической жизни получается иначе» («Голос Сибири, № 189, 1917 г.). Не до института было власти, совсем не до него.

Вузу успели выделить временные помещения — в здании Реального училища (сегодня — детская клиническая больница на пл. Свердлова), приемная комиссия размещалась перед этим не менее временно в помещениях учительской семинарии на ул. Кузнецкой (сегодня — ул. Ленина). Здание находилось на месте нынешнего «Универсама». Власть делилась, менялась, ругалась между собой — а директор института Волнин все ходил по кабинетам, в которых менялись лица, и все «пробивал» (как сейчас говорят) так необходимый городу институт.

25 января 1918 г. состоялось, наконец, торжественное открытие. На нем было сообщено, что каждый слушатель института будет обходиться государству в 1400 руб. ежегодно, что будут работать физико-математическое и словесно-истори-

ческое отделения. Естественно, говорились речи. В газетном отчете сообщалось: «Директор института Волнин особо отметил те тяжелые условия жизни, которые нам приходится переживать.

Но он не падает духом и верит, что настанет время, произойдет и революция духа русского народа... Волнин глубоко верит в преобразование русского человека,

Реальное училище имени Дома Романовых в наши дни (Красный проспект, 3)

нравственное оздоровление его» («Свободный голос Сибири», 27 января 1918 г.).

В конце сентября был объявлен порядок сдачи зачетов слушателями 1-го курса. Институт помещался к этому времени, правда, уже не в Реальном училище, а напротив — в доме Маштакова (по имени бывшего владельца). Там, где сегодня находится художественное училище, — угол Красного проспекта и ул. Свердлова. Здание училища было отдано под воинские нужды — штабам Сибирской армии и польским военным формированиям.

Да и в доме Маштакова первый вуз города разместился «на птичьих правах». В объявлении о порядке сдачи зачетов (в газете «Народная Сибирь» от 9 октября 1918 г.) подчеркивалось, что «чтение лекций начнется по освобождении помещения судебными установлениями... о начале лекций будет объявлено особо».

Преподавательский коллектив пополняли беженцы — завкафедрой истории стал бывший директор Казанской первой мужской гимназии А. Сильницкий, преподавание политэкономии и основ государственного права было поручено присяжному поверенному округа Казанской судебной палаты В. Кудрявцеву.

Впрочем, и в доме Маштакова институт надолго не задержался. Дошло до того, что передачу в 1919 г. городом институту под помещение квартиры с отоплением и освещением расценили буквально как благодеяние. Одновременное решение городской управы о выделении участка под постройку институтского корпуса и финансов на это звучало уже издевательски.

Власть сменилась в очередной раз и института, собственно, просто «не заметила». Его никто не закрывал. Просто Сибирский отдел народного образования 10 но-

Улица Асинкритовская, частная женская гимназия Смирновой

ября 1920 г. собственным решением забрал помещение, где в очередной раз «квартировал» институт, под собственную контору. Спустя годы в городе появился пединститут, но это уже другая история.

Первый вуз города. Просили открытия при царе, разрешили при Керенском, открылись при Совдепе, первые занятия начали при «сибирцах», первые экзамены сдавали при «колчаковщине».

Каким бы он ни был этот вуз — он был первым. И были те люди, которые тащили его буквально на своем горбу и упрямстве через все власти, сменявшие друг друга, — городу нужен институт! Они же не знали, что «недофинансирование образования» станет для всех властей сначала привычкой, а потом — традицией.

А студенты могут выбирать дату для Дня новосибирского студента — вон их сколько! И это только у одного, первого городского вуза.

Запраздноваться можно — на учебу времени не хватит.

Улица памяти запоздавшей телеграммы

*Я вам посылку принёс. Только я вам её не отдам.
Потому что у вас документов нет. Рано вам ещё
документы иметь.*

А хвостатым документы вообще не положены.

**Почтальон Печкин,
м/ф «Каникулы в Простоквашино»**

По карте города щедрой рукой, как в учебнике арифметики, разбросаны цифры. Это не только многочисленные одноименные переулки, отличающиеся только номерами (одних Порт-Артурских пять), но и улицы, названные в честь памятных дат. Среди них есть одна уникальная.

С «8 Марта», «25 октября», «1905 года» всем всё понятно. Но «9 ноября»? Уникальная улица увековечила в своём названии не менее уникальные события — безуспешную попытку получить на почте телеграмму.

Энциклопедия «Новосибирск» сообщает про историю названия этой улицы крайне скупое. «Решением Ново-Ник. губисполкома ул. Самарская в Октябрьском р-не была переим. в ул. «9 ноября». В этот день (по ст. ст. 27 октября) в Ново-Ник. пришло первое телеграфное сообщение о победе Окт. революции в Петрограде. В этот же день член Обской группы РСДРП С. И. Якушев объявил об этом на собрании рабочих Закаменской части города».

Почта была практически единственным «институтом власти», функционирующим независимо от государственных переворотов в стране. Вспомните булгаковского Лариосика из «Дней Турбиных»: «Мама прислала телеграмму в шестьдесят три слова!». Телеграмма дошла через все фронты и войны, хотя и с опозданием.

Что (опоздание), как особо подчеркивал Булгаков, было для персонажей пьесы событием экстраординарным. Бог с ними, меняющимися все время властями, но телеграммы должны приходить вовремя! Буквально в считанные часы после их отправки! И в «шестьдесят три слова» или только в пяток — неважно.

Телеграф — «Интернет XX века» — работал бесперебойно. Известие о том, что творилось в Петрограде, пришло в Новониколаевск вовремя, час в час. Короткая телеграмма, содержание которой практически полностью изложил позднее Владимир Маяковский в своей поэме «Владимир Ильич Ленин»:

*Фронтам,
кровью пьяным;
Рабам всякого рода,
в рабство богатым
отданным —
«Власть — Советам!»
Земля — крестьянам!
Мир — народам!
Хлеб — голодным!»*

А они не могли ее получить! Ту самую телеграмму, которая пришла еще 7 ноября, день в день! Телеграмма была адресована «Г. Каменскому».

Первый председатель Новониколаевского Совдепа Владислав Герман-Каменский не раз менял фамилии и имена. Член РСДРП, меньшевик, он так собой запутал историков, что до сих пор — не разобраться.

В Новониколаевске он в том же 1917 году отказался выдвигаться в Городское народное собрание. Объяснив «этическими соображениями» — дескать, проживает по чужому паспорту. Возглавить Совдеп «этические соображения» не помешали — первый Совдеп, как элегантно и крайне аккуратно сказано в «Краткой исторической энциклопедии Новосибирска» И. Цыплакова, «сконструировался». Просто «Лего» какой-то. Или, в крайнем случае, — подарочный набор «пазлов».

В общем, то ли Герман (один паспорт), то ли Каменский (другой паспорт) возглавил первый Совдеп Новониколаевска и еще 22 мая 1917 года выехал из города в Петроград. На вокзале ему организовали торжественные проводы, играли полковые оркестры. Но его, не раз менявшего фамилии и адреса, в том самом, историческом, октябре-ноябре 1917 года не было уже в городе — физически не было! Но кто-то же додумался оттуда, из Питера, послать телеграмму в Новониколаевск именно ему как председателю Совдепа!

А мы до сих пор последними словами кроем неповоротливую «бюрократию». Не вчера она родилась и исчезнет, боюсь, не завтра. А «почтовики» — люди самые, пожалуй, «бюрократические». Им, собственно, все что надо было — подпись получателя в получении телеграммы. В подтверждение того, что они-то свою работу выполнили.

Но получателя не было...

Уже весь город всё знал, над бегомней «совдеповцев» на почтамт просто смеялись. Додумались послать за телеграммой Федора Горбана, члена исполкома Совдепа и бывшего одесского анархиста.

Так и у него паспорт был с отметкой «о высылке и ссылке»! Да и фамилия — не та.

Ну, объяснил он всем почтовикам, как говорится, «что к чему» — причем в не самых лучших словах. Но телеграмму-то ему не отдали!

Отдали, в конце концов, Савелию Якушеву. В «Энциклопедии «Новосибирск» о профессии этого деятеля, орденосца, сказано коротко: «профессиональный революционер». У меня, скажем, в трудовой книжке стоит более понятная специальность — «слесарь-инструментальщик»... Впрочем, это уже мелочи.

Великая Октябрьская социалистическая революция двое суток не могла добраться до Новониколаевска. Расписаться за телеграмму было некому... И событий-то этих уже никто не помнит, а улица «их имени» — есть.

Никаких упоминаний об историческом дне 9 ноября нет нигде. Ни в книге «Новосибирск. 100 лет», ни в «Хронике Новосибирской организации КПСС»...

Поражение победителей Унгерна

В советском периоде истории страны есть уникальная страница, напрямую связанная с нашим городом. Первая «специальная операция», проведенная ещё в период Гражданской войны на заграничной территории и завершившаяся полным успехом — ликвидацией группировки «белого» барона Унгерна на территории Монголии, захватом и расстрелом его в Новониколаевске в сентябре 1921 года.

Победители, однако, переругались между собой...

Группировка под командованием генерала Унгерна, Азиатская конная дивизия, представляла собой уникальное военное соединение. Впрочем, вполне в духе времен Гражданской войны. В ее составе были представители почти 20 национальностей: русские, ушедшие с остатками «белых» частей на территорию Монголии, буряты, монголы, украинцы, китайцы...

Биография руководителя этого «белого интернационального подразделения» не менее экзотична. Реальность зависит от того, какое именно его «жизнеописание» читать.

Выходец из рода прибалтийских баронов Роберт-Николай-Максимилиан Унгерн фон Штернберг (Роман Федорович) родился в 1885-86 годах. Доброволец в русско-японской войне, награжден медалью (Георгиевским крестом?), ранен. Окончил Павловское военное училище, служил на командных должностях в частях Забайкальского казачества.

В годы Первой мировой — на фронте. Четырежды ранен (или 5 раз?), к 1917 году — шесть орденов (5?).

В 1921 году на «процессе Унгерна» в Новониколаевске назначенный ему адвокат, похоже, точно уловил саму суть этой неординарной личности: «Человек, во время долгой своей военной карьеры подвергавший себя возможности

постоянно быть убитым, фаталист, который на свое пленение смотрит как на судьбу».

Сейчас такого бы назвали «человеком войны», «солдатом удачи». Убежденный монархист — ну и на какой стороне в Гражданской войне он мог быть?

Воевал вместе с атаманом Семеновым, увел часть оставшихся «белых» в Монголию. Вдогон «красные» не пошли...

Записка Владимира Ленина Реввоенсовету РСФСР от февраля 1920 года по этому поводу в его «Полное собрание сочинений» не попала. Опубликована в одном из «закрытых» «Ленинских сборников», чуть большим тиражом — в «Краткой истории Гражданской войны в СССР» (М., 1960 г.): «Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят».

Идиотов в Реввоенсовете не было — Ленин был прав. Из Сибири срочно перебрасывались части и их командиры. «Восточное подбрюшье» бывшей империи могло подождать — не до него в тот момент было, на все не хватало времени и рук. Да еще надо было умудриться не поссориться дополнительно ни с Японией, ни с Китаем.

Унгерн ушел в Монголию и попал, сам того не понимая, в капкан. Энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983 г.) скупно, но ярко описывает происходившее двумя фразами.

«...Автономия Монголии была ликвидирована, страна полностью оккупирована кит. войсками. В 1920-21 монг. пр-во оказало поддержку белогвард. бандам Унгерна (с целью использовать их против кит. милитаристов), в нач. февр. 1921 захватившим Ургу и установившим режим

Барон Р.Ф. Унгерн

воен. диктатуры».

Унгерн поссорился одновременно и с китайцами, и с японцами. Избавив от этого «красную» сторону. Других «сил внешней поддержки» рядом у барона не существовало. Унгерн, как по заказу, устроил рейд в уже советское Забайкалье.

И вот тут-то все и началось. В Монголии резко появилось «народное правительство» Сухэ-Батора, которое немедленно официально попросило военную помощь от Советской России для наведения порядка. Армейская помощь была направлена, но «армейской»-то, собственно, она была только по названию. Действовали первые в Советской России «части специального назначения».

Всю монгольскую кампанию разрабатывали у нас в Новониколаевске. Чекистскую часть обеспечивал Иван Павлуновский, полпред ВЧК по Сибири (то есть главный руководитель «красных» спецслужб на всей сибирской территории).

Главная ударная сила — «экспедиционный корпус» под командованием чекиста Петра Щетинкина.

За обеспечение снабжения, охрану тыла и всю организацию операции отвечал начальник штаба войск «красной» Сибири, бывший полковник, выпускник императорской Академии Генерального штаба Федор Афанасьев.

Части «белых» практически перестали существовать, выданный своими же Унгерн был привезен в Новониколаевск. Утверждение может показаться странным и сомнительным, но именно после «монгольской операции» Советская Россия стала (пусть неосознанно в тот момент) государством, а не «стороной в гражданской войне». Государством, которое имело полное право на пресечение угрозы своей безопасности извне — и доказало свою способность к этому.

Ни Китай, ни Япония ничем не ответили на «монгольский рейд».

«Руководжу занятием Урги, пленением барона Унгерна и разгромом его больших конных сил...» Эти фрагменты из следственных дел Михаила Матиясевича, красного командарма, сохранившиеся в архивах Службы безопасности Украины, были несколько лет назад опубликованы в газете «Киевские ведомости» (18 марта 2003 года).

Матиясевич, как и Унгерн — участник русско-японской войны. Несколько ранений, перебитые руки, тяжелая контузия головы... Первая мировая — полковник, на фронте. После 1917 года — в Красной Армии на командных должностях. Список должностей и время его перемеще-

ний по фронтам интересны.

Он все время появлялся там, куда его переводил бывший полковник, главком советских войск — Сергей Каменев, — и он все время опаздывал к месту главных, событий.

Опубликованные в Киеве документы просто потрясают.

«Монгольскую операцию я проводил вопреки нелепому приказу Афанасьева и наперекор мнению, для меня, конечно, необязательному, моих подчиненных. Афанасьев получил выговор от Главкома, а Монгольская операция закончилась блестяще. Результат: меня по дороге в Москву задерживают в Новониколаевске и спрашивают, а что мною делалось для подготовки Монгольской операции, и так ли она была обеспечена, как надо. Объяснением моим остались недовольны, и ордена Красного Знамени были даны всем, в том числе и Афанасьеву, кроме меня».

Матиясевича перевели в Киев начальником военной школы имени Сергея Каменева (!) и он, оскорбившись, «по совету врачей оставил службу и поселился в дачных условиях». Арестовывался в 1930-е годы дважды, по обвинениям в участии в «подпольной офицерской организации». На допросах охотно давал показания: «Меня всегда бросало в жар, когда меня спрашивали, почему у меня нет ордена Красного Знамени, а за вопросом всегда скрывалось подозрение, что за мной что-то значит не благовидное...».

Его ни разу не спрашивали про орден, а он всегда — про него. Его дважды выпускали там же, где он и жил и где его арестовывали, — в Киеве. Умер в начале августа 1941 года. Афанасьев расстрелян в 1937 году, «первый советский спецназовец» Щетинкин убит в Монголии в 1927-м, похоронен у нас, в Сквере Героев революции.

15 сентября 1921 года Унгерн был расстрелян в Новониколаевске, в подвале тюрьмы (на ее фундаменте и остатках подвала сегодня — Речной колледж на ул. Мичурина). Павлуновский, приезжая в свой родной Курск, любил показывать револьвер, из которого сам расстрелял Унгерна. Барон отказался на «суде» от последнего слова. «Я — ему: «Может, скажете что?». А он посмотрел — и под ноги плюнул. Даже не отвернулся».

Могила Унгерна неизвестна, так же, как могилы Павлуновского и Афанасьева. Но ее еще можно найти...

Нет в гражданских войнах ни победителей, ни побежденных.

Могил — и то нет.

1931 год. Бой в городе

В один из осенних дней 1931 года Новосибирск вздрогнул от ружейно-пулемётной стрельбы и взрывов. В Железнодорожном районе шел самый настоящий бой. Паника улеглась, не успев начаться. Это были всего лишь войсковые учения. Но вот какая необходимость заставила проводить их в городе, в жилых районах?

Учения явно носили чрезвычайный характер, и им придавалось большое значение. 30 августа 1931 года для непосредственного руководства учениями в Новосибирск прибыл сам наркомвоенмор Климент Ворошилов.

В Железнодорожном районе, в районе улицы Владимирской, рыли окопы полного профиля, сооружали огневые точки — прямо посреди жилой застройки! Жителей при этом никто никуда не переселял. Им просто настоятельно «порекомендовали» на время учений «не высываться».

Конечно, патроны были холостыми, а гранаты имитировались взрыв-пакетами, и все же... Подробностей тех учений практически не сохранилось, но кое-что осталось.

Экономист Алексей Тростонецкий в то время был совсем пацаном, но учения запомнил очень хорошо. Детская память — цепкая...

«В тридцатые годы в Новосибирск приезжал сам легендарный Клим Ворошилов. Он приезжал не просто так, а для того, чтобы отработать с красноармейцами тактику городского боя. Вот это было здорово! На одной из улиц Железнодорожного района, за переходным мостом, кажется, на Владимирском спуске, были нарыты окопы прямо возле домов. Нам, пацанам, было интересно, и мы сумели пробраться поближе и посмотреть. Ждали долго, когда «начнется», и вдруг забухало, забабыхало, застрекотало, стало страшно и весело, потом начали рваться взрыв-па-

кеты, и все исчезло в сплошном густом дыму — не стало видно ни домов, ни переходного моста, ни неба. А выстрелы катились дробным перекатом, фыркали, трещали, вжикали — война! Самого Ворошилова мы, конечно, не видели, но потом еще долго играли в войну, которая незаметно подкатывалась, приближалась к стране, и к ней готовились» («Мой Новосибирск», Н., 1999 год).

«Приемы городского боя» — это приемы обороны города. Так от кого же собрался обороняться вроде бы достаточно далекий от государственной границы Новосибирск? От крестьян!

Еще в январе 1930 года в Новосибирске на краевом совещании секретарей окружкомов партии зампреда крайисполкома Базовский заявил о необходимости форсировать темпы коллективизации: «Надо ставить вопрос о том, чтобы основную решающую работу по коллективизации закончить в течение ближайших трех месяцев... и не растягивать на два года». Это было принято как руковод-

ство к действию. Одновременно началась массовая высылка кулацких семей в районы Нарымского края. Результат не замедлил сказаться. На сельские (!) районы Сибири обрушился голод. Докладывая Роберту Эйхе, секретарю крайкома, о его причинах, члены специальной комиссии прямо отметили, что основными причинами стало изъятие у крестьян продовольственного хлеба и его нерациональное использование в колхозах. Голодали не только колхозники, но и единоличники. Нехватка продовольствия вызвала «нарастание эксцессов, волынок и других антисоветских проявлений, серьезно осложняя проведение ряда мероприятий в деревне». Насчет эксцессов — это было мягко сказано.

В селе назревал настоящий бунт — неповиновение и сопротивление стали открытыми. В секретных донесениях ГПУ примерам несть числа.

Жители с. Бураново Черепановского района оказали сопротивление аресту бежавших из ссылки кулаков и местного священника Федоровича, «набрасываясь со стя-

Вид на центральную часть города, 1930-е годы

Благодаря Колчаку многие сибиряки имели богатый опыт ведения партизанской войны

гами и ножами на ответработников и представителя ГПУ, причем некоторых из них избили. Поп Федорович открыто выступал с призывом расправы над представителем ОГПУ и администрации, ударом в набат созвав все население. В дальнейшем толпа разогнала совет колхоза и, выселив из кулацких домов колхозников, организовала охрану села и поща.

В с. Ярском Алексеевского района оказали сопротивление власти. 13 организаторов арестованы ОГПУ. Через Баксинский район, спасаясь от коллективизации, проезжало ежедневно до 300 подвод с крестьянскими семьями, направлявшимися вглубь таежных районов. В д. Макуриной Болотнинского района местные жители не допустили выселения на Север мельника Макурина. В выступлении приняли участие жители нескольких соседних деревень. Представители власти вынуждены были на несколько дней покинуть деревню.

В с. Никоновском Маслянинского района произошли массовые волнения, вызванные решением властей удерживать с вышедших из колхозов 15% продовольственного хлеба. Толпа женщин (свыше 100 человек) сбила замки с хлебных амбаров и установила свои. Заметим — зерно не растаскивалось, просто на амбарах поменялись «символы власти».

И так далее, и так далее... Но это все были «цветочки»

— дело доходило до боевых столкновений с хорошо вооруженными и организованными крестьянскими повстанческими отрядами. А это было уже более чем серьезно.

В Муромцевском районе Барабинского округа произошло крупнейшее выступление против произвола коллективизации. Восстание охватило 28 деревень с населением в 20 тысяч человек. Непосредственно с оружием в руках действовали 1,5 тысячи человек. Из арестованных позднее 362 участников восстания, по данным ОГПУ, 50% составляли середняки, 28% — бедняки. В ходе нескольких боестолкновений с войсками повстанцы были рассеяны.

В Чумаковском районе активно действовал крестьянский повстанческий отряд, первоначально состоявший из 40-50 человек. «Захватив ряд поселков в верховьях р. Ичи и приступив к поголовной мобилизации всего мужского населения окружающих деревень, имели целью организовать всеобщее вооруженное выступление. Благодаря большому количеству скрывающихся беглых кулаков в Урманской тайге, значительной засоренности контрреволюционными элементами таежных поселков и проведенной бандой мобилизации численность последней возросла более 300 человек. Банда имела намерение занять районный центр и двинуться впоследствии на линию железной дороги».

Повстанцы были разбиты в тяжелом бою армейскими частями, но... Можно себе представить, если бы повстанцы двинулись по «железке» к городу, обрастая по пути все новыми и новыми бойцами. А ведь недостатка в добровольцах не было бы...

Угроза была вполне реальной, в воздухе ощутимо запахло возможностью «гражданской войны». Так что учения по обороне города были более чем актуальными и необходимыми.

Потому и придавалось им такое значение, потому и призывал на них сам нарком Ворошилов.

Слава Богу, полученные навыки красноармейцам не приходилось применять и проблемы удавалось решать силами ОГПУ. И все-таки...

Проведение масштабных армейских учений в городе, в жилых секторах, — случай беспрецедентный. И не только в нашей стране, но и в мире. Хорошо хоть авиацию не задействовали — как-то трудно себе представить бомбардировку жилых кварталов «учебными» бомбами. Да и не хочется представлять.

Лицензия на отстрел № 1937

Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и вовремя выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящите.

И. Сталин,
«О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», доклад на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г.

1937 год остался в народной памяти символом Большого Террора. Почему? Ведь стреляли и сажали и до, и после этой календарной даты. Дело в том, что безумие и хаос террора приобрели в том году абсолютно плановый характер — как в других отраслях народного хозяйства.

Не мог избежать этой адской плановости и Новосибирск.

До лета 1937 года «расстрельная» схема была проста. Из республик, краев и областей Союза ССР в Москву присылались на утверждение поименные списки «по первой категории» (то есть — приговоренных к расстрелу). Списки содержали краткие данные — год и место рождения, адрес и должность на настоящий момент.

Сталин и члены Политбюро чи-

тали, вникали, кого-то вычеркивали, участь остальных решало написанное синим карандашом «За. И. Ст.».

Терпение Сталина лопнуло в конце июня 1937 года. Пришел очередной «расстрельный» список из одной из областей. Два секретаря обкома, секретари горкомов и райкомов, а данные на последнего человека Сталина взбесили: «без определенного места жительства, безработный с 1919 года». Сталин грубо выругался по-грузински: «Шени дадемо трахия! Я еще и за каждым бродягой должен следить?!»

Список раздраженно подписал, и прах бомжа, пройдя через крематорий, лег на кладбище московского Донского монастыря. Рядом с Тухачевским, Якиром, Уборевичем. Точнее — поверх их пепла. Равенство было всеобщим, от маршала до бомжа.

Но времени на утверждение такого «уравнивания» уходило много. Сталин читал внимательно, вспоминал, требовал подробностей. Дважды из «расстрельных» списков вычеркивалась им фамилия председателя ЗапСибкрайисполкома Федора Грядинского. Не из гуманизма — в Новосибирске готовился показательный процесс «правотроцкистских шпионов и диверсантов», и Грядинский должен был пойти «паровозом». Но он ничего не сказал и ни на кого не показал. Прах захоронен где-то на полях ведомственного совхоза НКВД «Коммунарка» под Москвой.

Красный проспект, 1920-е годы. 9 ноября 1929 года Новосибирский окрисполком принял постановление о сносе часовни, построенной в 1914 году. Снесли и деревянные торговые павильоны вдоль проспекта, а на их месте в 1935 году построили фонтан

Здание Промбанка, построено в 1927 году, позже было надстроено в кирпиче на два этажа, но без законченной архитектурной стилистики простояло до 1948 года

Новосибирский Горисполком (ранее размещался Промбанк). С 1948 по 1954 годы велись строительные работы по фасадной отделке здания, после чего оно приобрело монументальный масштаб (сейчас здание занимает мэрия)

Лопнувшее терпение Сталина вылилось в директиву «Об антисоветских элементах» за №863/ш, директива легла в основу одноименного постановления Политбюро, а затем и в текст оперативного приказа НКВД № 266.

Новшество было в том, что Москва утверждала лимиты на террор, а не персональные списки. Кошмар спускался «на места». Первый секретарь крайкома Западной Сибири Роберт Эйхе рапортовал шифрограммой уже через пару дней, 8 июля 1937 года: «Москва, ЦК ВКП(б), тов. Сталину... В условиях Западной Сибири предложение ЦК об очистке колхозов, совхозов и предприятий от беглых кулаков и уголовников является исключительно важным и правильным.

По ориентировочным данным, поступившим от 110 районов, беглых кулаков и уголовников числится 25 тысяч человек, из них наиболее враждебными и активными являются 6800 кулаков и 4200 уголовников. «Тройку» прошу утвердить в следующем составе: начальник Управления НКВД Миронов (председатель), секретарь крайкома Эйхе, краевой прокурор Барков. Секретарь крайкома Эйхе».

Сталину бодрый рапорт не понравился. Эйхе явно не хотел брать на себя лишних обязательств даже по цифрам. Вот из Иркутской области уже дополнительную шифрограмму прислали: «Просим ЦК ВКП(б) разрешить дополнительный лимит по первой категории (то есть расстрел. — А. К.) для Иркутской области 4 тысячи». Примечательно, что к цифре не прилагалось определения: «...человек», «...подозреваемых», «...осужденных». Сталин подчеркнул синим карандашом слова «по первой категории» и «4 тысячи» и размашисто расписался: «За. И. Сталин».

Рядом, как положено, расписались

«за» Ежов, Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян.

Иркутск проявлял инициативу, а вот Новосибирск явно осторожничал. Сталин по линии НКВД был информирован о разработке в Новосибирске «повстанческого заговора». Арестовано было к лету 1937 года уже более 10 тысяч человек.

Цифра практически полностью совпала с запрашиваемым Эйхе «лимитом на расстрел». Сталину Эйхе был по-своему симпатичен. Правда, он явно не уловил «ветер времени».

На февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года Эйхе долго и нудно говорил, как важно, в связи с предстоящими первыми выборами в Верховный Совет СССР, вести агитационную работу с избирателями (дескать, мало пропагандистских материалов присылается, надо намного больше). Но главный-то доклад, ради которого пленум и созывался, делал сам Сталин: «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Какие там выборы, это — важнее!

Эйхе попытался поправиться и выступил на пленуме вторично. «Идея Урало-Кузнецкого комбината была выдвинута т. Сталиным и с успехом осуществлялась под непосредственным его руководством и при непосредственной помощи ЦК, что вызывало особую ненависть врагов, — это должно было заставить нас также быть гораздо более бдительными, чем мы оказались на деле...»

Эйхе «переводил стрелки» на Кузбасс, который и так чистили уже по третьему кругу. Второй «Московский процесс», состоявшийся еще в январе 1937 года, получил 7 из 17 обвиняемых «от Сибири», и всех их так или иначе связывали с Кузбассом. Так что Эйхе своим выступлением «топил» тех, кто уже и так «утонул».

Участники пленума прекрасно поняли идею Эйхе — Кузбасс так и так не спасти, но вот в остальном... Это было единственное выступление на пленуме, прерванное ведущим, секретарем ЦК Андреевым.

Стенограмма зафиксировала реплики в адрес Эйхе: «Андреев: Пора кончать. Голоса с мест: Продлить ему еще, ведь все-таки Сибирь выступает».

Сталин позвонил Эйхе и сказал: «Роберт Индрикович (он любил произносить необычные имена. — А. К.), не надо останавливаться на достигнутом. Вперед надо идти!». Эйхе, естественно, обещал. Он пытался «исправиться», только за август 1937 года лично утвердил 4737 приговоров новосибирской «тройки», из них 3230 — «расстрельные». Но дове-

Один из проектов фасада здания Горисполкома, 1947 год

рие Сталина он потерял. Усомнившийся — тот же враг! Арестовали Эйхе в апреле 1938 года, расстреляли в феврале 1940 года. Пепел после крематория лег все на то же кладбище московского Донского монастыря.

А репрессии били по всем. Равенство в приговорах и расстрелах наступило в стране. 17 января 1938 года «Правда» (орган ЦК партии) опубликовала статью Михаила Кольцова «О лжеразоблачителях и клеветниках».

Пленум ЦК с повесткой «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии...» еще шел — закончится он 20 января.

Но Самый Главный Журналист СССР получал информацию «из дополнительных» источников. Он, прошедший Испанию, действительно имел влияние на умы людей. Старший брат карикатуриста Бориса Ефимова, Михаил Кольцов расстрелян в феврале 1940 года.

В его статье в «Правде», в частности, сообщалось: «В Новосибирской области исключили из партии некоего

Крутилина — якобы за сокрытие социального происхождения и родственную связь с вредителем. Крутилин считает предъявленное ему обвинение клеветой и местью за многолетнюю борьбу с вредителями в области хлебопечения. Дело его дожидается пересмотра. Пока же Крутилина сняли с работы.

Исключили из партии и сняли с работы его жену. Добились исключения из партии и снятия с работы сестры Крутилина, живущей в Саратове. Кроме того, перестраховщики послали письмо в ленинградский вуз, где учится сын Крутилина; и ставят вопрос об исключении его из вуза».

Сегодня, наверное, кто-то даже усмехнется над этой историей...

А тогда люди по ночам вслушивались в звук шагов в подъезде и — сидели еще до ареста.

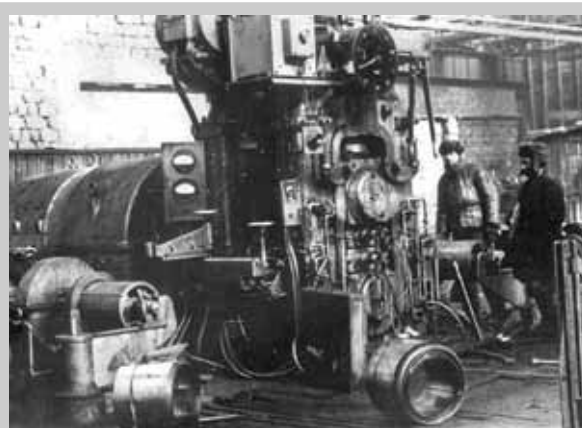
Война, которая не пришла в город

Новосибирск, глубоко тыловой город, мог в годы Великой Отечественной войны стать городом фронтовым. Этого не случилось.

Благодаря мужеству бойцов сибирских дивизий, сокрывавших в боях на западных фронтах замыслы врага. И умелой работе новосибирских контрразведчиков, предотвративших диверсии на оборонных предприятиях города.

То, что произошло с военной промышленностью страны в 1941 г., в первые месяцы германского нападения, можно назвать кратко — «катастрофа».

Даже по официальным данным, которые обнародовал зампреда правительства СССР Николай Вознесенский еще в 1948 г., с июня по ноябрь 1941 г. валовая продукция промышленности страны упала в 2,1 раза. Выпуск основного сырья для «оборонки», проката черных металлов, сократился в 3,1 раза; проката цветных металлов — в 430 раз. Армии фактически было просто нечем воевать.

В годы Великой Отечественной войны оборонные предприятия контролировались с особой тщательностью

Это был бы разгром, если бы не поистине героические усилия тех, кто организовывал и обеспечивал эвакуацию предприятий на восток, и тех, кто в тылу организовывал их работу на новом месте практически с нуля. В тылу создавалась в кратчайшие сроки новая оборонно-промышленная база, и одним из главных центров ее стал Новосибирск. И именно эта база теперь обеспечивала полноценное и бесперебойное снабжение фронта оружием и боеприпасами.

Пожалуй, то, что экономического разгрома СССР не произошло, понимал в Германии генерал Георг Томас, начальник экономического управления Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии. Военный экономист, он прекрасно осознавал, что война выигрывается (и проигрывается) отнюдь не только непосредственно на фронте. Пока есть базы снабжения, пока работает промышленность обороняющегося государства, любые фронтовые успехи захватчика, по большому счету, можно считать только временными. Для успеха необходимо лишить противника его оборонных баз.

В меморандуме на имя Гитлера Томас изложил дерзкий и неожиданный план по ликвидации сибирской оборонной базы СССР, абсолютно точно указав на три главных ее центра — Новосибирск, Красноярск и Омск.

Для дерзкого рейда предлагалось использовать десантные войска и средства, сосредоточенные на побережье

Франции для вторжения в Англию. Десант в 60 тыс. человек должен был, маскируясь под торговые суда, дойти до Советского Севера, обогнуть единственную военноморскую базу в Мурманске и, войдя в Карское море, следовать к устьям Оби и Енисея.

Здесь, разделившись, на собственных и захваченных плавсредствах десант должен был добраться до трех упомянутых сибирских городов и захватить их.

Особого сопротивления не предвиделось — кадровые части СибВО во главе с командующим округом генерал-лейтенантом Калининым в виде 24-й армии ушли на фронт. Оставались части войск НКВД, охранявшие лагеря. Расчет делался и на возможность восстания в лагерях заключенных. СССР лишился своей практически единственной оборонной базы, и...

Все расчеты поломали сибирские бойцы генерала Калинина, сорвавшие блицкриг. Десант не состоялся. А генерал Томас, примкнувший в 1944 г. к «Июльскому заговору» против Гитлера, был отправлен в концлагерь Дахау, откуда его освободили американцы. Им-то на допросах он много и подробно рассказывал о том, что если бы был «сибирский десант» — все могло пойти по-другому.

Впрочем, для гитлеровцев Новосибирск был возможной целью для удара не только «извне», но и «изнутри». 2 июля 1942 г. на пленуме Новосибирского обкома ВКП(б) секретарь обкома, уполномоченный Госкомитета Обороны Михаил Кулагин говорил: «...Наша область является объектом самой активной агрессии фашистов... Недавно поймали одного из диверсантов, заброшенного в октябре 1941 г. Этот диверсант устроился на заводе им. Чкалова и готовил большую по замыслам и размеру диверсию. Такой же диверсант, заброшенный немцами, был недавно задержан и разоблачен чекистами на комбинате №179 («Сибсельмаш», крупнейшее предприятие по выпуску боеприпасов. — А. К.), куда он уст-

Форма лейтенанта железнодорожных частей войск НКВД

Форма воентехника авиачастей войск НКВД

роился для того, чтобы... подготовить взрыв.

Нашими наркомвнудельцами пару месяцев назад была раскрыта шпионская подрывная организация, действовавшая по заданиям германской разведки. Эти предатели, продавшие гестапо, передавали врагу сведения о нашей промышленности и по указанию своих хозяев готовили взрывы на крупнейших предприятиях...

Эта организация не совершила своих диверсионных актов лишь потому, что наши чекисты не прозевали и своевременно эту организацию арестовали.

И это не пропаганда — Кулагин выступал перед теми, кого «агитировать за Советскую власть» не надо было.

Да и опубликован был текст его секретного доклада впервые в 2005 г. Тогда же, когда и его многочисленные записки времен войны в НКВД с требованиями обеспечить охрану и секретность производств, тщательную проверку принимаемых на работу в «оборонку» людей. Рассекреченные сегодня данные архивов свидетельствуют, что беспокойство Кулагина было абсолютно обоснованным.

По данным ФСБ, за годы войны в нашей области контрразведчиками было задержано 182 агента немецкой разведки, 96 участников диверсионных групп. В город вместе с эвакуированными попадали и немецкие пропагандистские листовки. С их читателями и распространителями, естественно, поступали «по законам военного времени».

В марте 1942 г. на заводе №153 (им. Чкалова, — А. К.) была обезврежена антисоветская группа из числа лиц, эвакуированных из Киева. Группа вынашивала планы перехода на сторону немцев. В октябре 1942 г. выявлена и арестована группа рабочих завода №179, занимавшихся саботажем на выпуске боеприпасов.

Ее члены намеревались сбежать в леса под Новосибирском с целью создания повстанческого отряда. При аресте у членов группы изъята фашистская пропагандистская литература, огнестрельное и холодное оружие,

Проспект Сталина, 1940-е годы

взрывчатые вещества. В апреле 1945 г. на заводе им. Воскова (Инструментальный завод. — А. К.) вскрыта и арестована антисоветская группа во главе с германским диверсантом. Попав в 1941 г. в плен и перейдя к немцам, этот человек прошел специальную подготовку и был заброшен в советский тыл.

На заводе организовал группу лиц, занимающуюся порчей оборудования, саботажем, намеренным выпуском бракованной продукции. Готовились убийства руководителей предприятия и взрыв одного из цехов завода.

Таких и им подобных сообщений в ныне рассекреченных оперативных сводках контрразведчиков — масса. Взрыв всего одного склада готовой продукции «Сибсельмаша» был бы таким, что нью-йоркская трагедия 11 сентября 2001 г. показалась бы детским фейерверком. Взрыва не было, не появились под Новосибирском гитлеровские десантники и поддерживающие их повстанческие отряды.

Благодаря мужеству сибирских бойцов на фронтах и самоотверженной работе новосибирских контрразведчиков в тылу. Хотя солдаты вермахта в Новосибирск все же попали. Позднее — в качестве военнопленных.

Крылатые «катюши» «Сибсельмаша»

В годы Великой Отечественной войны Новосибирск стал одной из основных промышленных баз, поставлявших в массовом количестве остро необходимые фронту боеприпасы. В том числе — и уникальные ракетные снаряды М-8, которыми впервые в мире была вооружена советская авиация.

Авиационные реактивные снаряды РС-82 (после модернизации — «изделие М-8») поступили на вооружение советской авиации еще в 1939 году и были впервые применены в

том же году в боях с японской авиацией во время конфликта на Халхин-Голе. Эффект был просто потрясающим.

В первом же бою массовым ракетным залпом пяти советских истребителей (во главе с летчиком Николаем Звонаревым) была одномоментно (!) полностью уничтожена группа японских самолетов. Примечательно, что противник даже не понял, что произошло. В первых отчетах командованию японцы писали, что самолеты были уничтожены «внезапным небесным громом». Экспертная комиссия, исследовавшая остатки самолетов, пришла к выводу, что, «вероятнее всего самолеты были уничтожены огнем 76 мм орудий», однако тут же отмечалось, что «абсолютно непонятна и сомнительна сама возможность» установки подобных орудий на самолеты Красной Армии.

Для того, чтобы понять недоумение японских экспертов 1939-го года, достаточно сказать, что калибр самых крупнокалиберных (извините за тавтологию!) современных авиационных пушек не превышает 40 мм. В общем, приходилось все списывать на некий «небесный гром». Тем более что аналогов подобного оружия ни у японцев, ни просто в мире тогда не было. А в СССР в массовом (подчеркну — в массовом!) порядке ракетами вооружались истребители И-15, И-16 и И-153, бомбардировщики СБ (позднее — и штурмовики Ил-2).

Тогда же, на Халхин-Голе, после практического применения ракет в боевых условиях (то самое модернизированное «изделие М-8») выяснилась большая эффективность применения ракет против скоплений живой силы и техники противника на земле, а также против оборонительных сооружений и транспортных узлов. Интересно, что японцы поделились информацией о «небесном громе» со своей союзницей — гитлеровской Германией (в которой проводились эксперименты по созданию ракет «воздух — воздух» и «воздух — земля»).

Однако, ознакомившись с результатами экспертиз германские инженеры напрочь отвергли возможность создания Советами боевых образцов авиационного ракетного вооружения. Результаты, как говорится, «списали в загадки». «Разгадки» наступили позднее — после 1941-го года.

...Новосибирск стал одним из центров практического боевого советского ракетостроения после начала войны. Уже 23 октября 1941 года бюро обкома ВКП(б) принимает решение о мерах по развертыванию в Новосибирской области производства «изделия М-8». Головным предприя-

Реактивные снаряды РС-82 под крылом Ил-2

тием по «кооперации» производства ракет был определен «комбинат №179» — сегодняшний «Сибсельмаш».

И, собственно, уже тогда никого не обманывало «мирное» название предприятия. 10 июля 1941 года главная газета страны «Правда» оповестила всех: «Промышленность — техническая и материальная база фронта. У нас не может теперь быть «мирных предприятий». Каждый завод, каждая фабрика должны работать для удовлетворения военных нужд. Даже высокие темпы мирного времени нас теперь удовлетворить

не могут... От скоростного проектирования до скоростного освоения серийной продукции должна идти единая нить волевого напряжения всех усилий партийных и хозяйственных организаций, командиров производства, рабочих и служащих». Яснее не скажешь.

Да и решения бюро обкома (принятое, кстати, в дни, когда стоял вопрос об эвакуации Москвы и шло повальное бегство из города жителей столицы и чиновников) двусмысленностью не грешили, называя производство снарядов М-8 «важнейшим заданием по производству боеприпасов для фронта». Об объемах выпуска можно судить хотя бы по тому, что уже на первый месяц производства, согласно тому же постановлению бюро обкома, было предписано «обязать управляющего по стройтресту № 31 организовать изготовление тары для укупорки изделий М-8 в количестве 15 тысяч штук в месяц для завода имени Воскова (Инструменталь-

ный завод. — А. П.)». Всего в изготовлении комплектующих для производства ракет было задействовано 12 предприятий области. Для непонятливых решение бюро обкома за подписями секретаря Кулагина и «секретаря обкома ВКП(б) по оборонной промышленности» Семина повторяло еще раз: «...задания по производству элементов снарядов М-8 руководителями заводов, городских и областных организаций должны выполняться быстро, в первую очередь, как важнейшее задание по снабжению фронта боеприпасами». Понятно, что означала подобная директива в случае ее неисполнения в условиях военного времени.

Эвакуированные из европейской части страны заводы еще не развернулись, московский завод «Компрессор» (головное предприятие по довоенному выпуску реактивных снарядов) сам готовился к эвакуации. А в Новосибирске уже полным ходом шло производство снарядов для авиационных и наземных «катюш» и — их отправка на фронт. К апрелю 1942 года только на снаряжательном заводе №635 были готовы мастерские по выпуску пяти тысяч «изделий М-8» в сутки (!).

В 1943 году план ежесуточного выпуска ракет был доведен до 6 тысяч. Причем качество «изделий» было на высоком уровне. А для охраны их секрета были приняты все необходимые меры. В том числе и когда «изделие» стало не только авиационным, но и «наземным». В постановлении бюро Новосибирского обкома ВКП(б) 14 июня 1942 года говорилось: «Обязать начальника областного управления НКВД т.Малинина немедленно установить специальную охрану системы для стрельбы снарядами М-8 на новосибирском полигоне (станция Чик). Секретарь обкома — Кулагин».

А работали на заводах простые новосибирцы, мальчишки и девочки с городских окраин, эвакуированные из оккупированных немцами районов европейской России. Ели здесь же, на работе, в заводских столовых. Где (данные меню одной из подобных столовых) на обед на «общий стол» полагалось два блюда — «суп-лапша, лапша отварная». И — делали ракеты. Те самые, которые били, били и били оккупантов. Очень хорошо «аукалась» им на фронте новосибирская «отварная лапша» с «изделием М-8».

И вот еще, кстати, интересная вещь. При отступлении 1941 года были утеряны и уничтожены практически все комплекты заводской технической документации на производство М-8. Новосибирск, начиная по приказу Госкомитета обороны срочное производство ракет, запросил из Москвы... образцы изделий! Именно по ним новоси-

бирские инженеры составили полный комплект технической документации на комплектующие, по которым, собственно, и шло успешное производство первых советских реактивных снарядов вплоть до конца войны. «Сибсельмаш» и «Труд», инструментальный и приборостроительный заводы за тысячи километров своей продукцией били по врагу.

А вот немцы, захватившие еще в начале войны в приграничных округах образцы М-8 (а позднее — и «Катюш», БМ-13) так и не смогли не только создать что-то подобное этой достаточно нехитрой по сегодняшним временам ракетной технике, но и просто скопировать ее.

Новосибирские пацаны и девочки со средним (и то не всегда) образованием, выпускавшие эти первые советские ракеты, оказались умнее и проворнее хваленых германских инженеров.

Говорят, что именно на «Сибсельмаше» позднее, уже в 1970-е годы, родился известный советский анекдот про «сенокосилки с вертикальным взлетом».

Что ж, основания для этого были.

«Вражеская» техника в новосибирских руках

На оборонных предприятиях города и сто, и двадцать лет назад работало «вражеское» высококачественное оборудование. И речь не о трофейной технике. Все это оборудование было получено абсолютно законным путем. Ну, иногда — почти законным.

Основной оборонной продукцией дореволюционного Новониколаевска были хлеб и сухари. Возможно, кому-то это покажется смешным. Однако достаточно представить голодные фронт и тыл, чтобы смех утих.

Военно-сухарный завод, 1903 г. Производил 1 млн пудов сухарей в год для обеспечения нужд армии

Уже с 1905 года выдавала свою продукцию паровая вальцовая мельница «Алтайской промышленной фабричной компании». Находилась она в районе паровой пристани (сегодня — ул. Фабричная) и производила до 130 тонн сортовой муки в сутки. Деятельность мельницы обеспечивали три паровых двигателя германской фирмы «Сименс», работавшие на каменном угле. Они же одновременно являлись и электрогенераторами — помещения мельницы освещались электричеством. Что позволяло организовать производство по практически непрерывному циклу — в три смены.

Таковыми же «сименсовскими» паровыми двигателями был оснащен и военный-сухарный завод, осуществлявший «казенные» поставки для нужд русской армии. Да и на мельнице Ивана Лукашина стояли те же «сименсовские» движки — наиболее современные к тому времени. «Лукашинская мельница» кормит горожан до сих пор — сегодня это «Мелькомбинат №2». Ох, кусали, наверное, лок-

ти в германской фирме «Сименс» после начала Первой мировой войны!

Их продукция обеспечивала производство в далеком Новониколаевске и сухарей для пайков действующей русской армии, и хлеба для тех, кто работал в тылу или бежал из прифронтовой полосы. Германская техника работала «на совесть». Но что делать! — оборудование было куплено в мирное время, в точном соответствии со всеми законами.

Не зря Ленин в свое время высказывался в том смысле, что империалисты — люди жадные. И, в конце концов, сами же нам, Советам, продадут ту веревку, на которой мы их повесим.

Этому утверждению Ильича имеется много подтверждений, в том числе — и в архивных документах, совсем недавно рассекреченных в Новосибирске. Вот, скажем, в сентябре 1941 года уполномоченный Госкомитета обороны, секретарь Новосибирского обкома ВКП(б), докладывал шиф-

ровкой Сталину в Москву о положении дел на все еще строящемся, но уже вовсю выпускающем продукцию комбинате №179 Наркомата боеприпасов (ПО «Сибсельмаш». — А. К.): «В ближайшие дни заканчивается и вводится в действие снарядный завод с оборудованием фирмы «Шкода» производительностью в месяц: снарядов калибра 122 мм — 83 тыс. штук, снарядов калибра 152 мм — 83 тыс. штук».

На заседании бюро обкома 22 сентября 1941 года было записано по поводу того же комбината: «Ввести в действие на полную мощность заводы комбината в следующие сроки: ...по объекту 4А (оборудование фирмы б. (вероятно — «бывшей». — А. К.) «Шкода»): корпуса снарядов 122 мм и 152 мм — к 1 декабря 1941 года».

Еще раньше, 11 сентября 1941 года, Кулагин в письме Сталину особо останавливается на нуждах «завода №4А» с просьбой перебросить сюда 3 000 квалифицированных рабочих, 270 наладчиков станков, 90 мастеров и 80 инженеров «на руководящую работу». И еще раньше, 3 июля, бюро обкома партии рассматривало проблемы скорейшего завершения монтажа оборудования на «объекте №4А».

«Шкода» — известная фирменная марка чехословацкого машиностроения. Можно предположить, что импортные «шкодовские» станки попали на новосибирский «Сибсельмаш» вместе с оборудованием эвакуированных предприятий. Но нет — ни их рабочие, ни, тем более, их оборудование к 3 июля 1941 года еще не прибыли в Новосибирск.

Это подтверждают и документы. Новосибирский обком партии еще 8 января 1941 года докладывал в ЦК партии и Совнарком СССР о том, что требуется для обеспечения «производства 4А (оборудование фирмы «Шкода»)».

А начальник строительства «комбината №179» Сергей Полухин уже 18 июля 1940 года докладывал в обком о состоянии строительства, выпуске продукции и положении дел на отдельных особо важных заводах комбината. Упомянулся и «объект №4А — снарядное производство на «шкодовском» оборудовании».

Так что чехословацкие станки на главном предприятии по производству за Уралом боеприпасов появились задолго до войны. Маленькая подробность — никакой Чехословакии в 1940 году еще не существовало. Она была «мирно» оккупирована Германией еще до начала Второй мировой войны.

А заводы «Шкода» продолжали работать, теперь — на Гитлера. Выпуская оружие, танки, оборудование, но главное — самые высокоточные по меркам тех лет

металлообрабатывающие станки. Без которых «дохнет» сначала военная промышленность, а за ней — и армия. И вот эти-то «шкодовские» станки, лучшие на тот момент в мире, после заключения в августе 1939 года «договора Молотова — Риббентропа» гитлеровская Германия поставляла в СССР.

Поставки на «мирный» «Сибкомбайн» импортного оборудования шли массово, объем станков исчислялся сотнями и тысячами.

В сентябре 1941-го Кулагин докладывал Сталину, что на «комбинате №179» работают 4 253 станка.

По разным данным, от 1/4 до 1/3 от их числа составляли довоенные «шкодовские» поставки. Для обучения местных специалистов работе на новой технике в город прибыли специалисты из Германии. Что правильно: поставка технического описания — это одно, а обучение на практике — другое. Немцев поселили в «Гостинице Дома Советов».

Вообще-то у нее было второе название — жилкомплекс «Динамо», поскольку строилось все это великолепие на деньги и под патронажем НКВД. По иронии судьбы сегодня в этом здании на Красном проспекте расположено консульство Германии. Через дорогу от управления НКВД — с тыльной его стороны, зато с роскошным видом на внутреннюю следственную тюрьму. Как бы ни на что не намекая.

«Спецы» буквально выли от тоски. Развлечения? — Да вот же, через дорогу, кинотеатр им. Маяковского (еще «старый», но роскошный) — на пересечении Красного и Октябрьской. Хорошо посидеть и покушать? — Так ресторан же в гостинице, и официанты (не все, конечно) немецким языком прекрасно владеют! Но, несмотря на все неудобства, немцы обучили наших «спецов», которые потом не только сами эксплуатировали технику, но и других обучали.

«Шкодовский» опыт в Новосибирске был востребован в начале 1980-х годов. Мне рассказывали замечательную историю люди, непосредственно причастные ко всему происходившему.

В декабре 1979 года советские войска вошли в Афганистан, и США (а за ними — и страны НАТО) объявили фактически «экономический бойкот» нашей стране. Какие там «изделия двойного назначения» (те, что могут использоваться и в не совсем мирных целях) — с поставками западного зерна в СССР и то начались перебои.

И тем не менее в одном из новосибирских НИИ очути-

лось аккурат в 1980 году чудо западной техники — «Эмма-80» (цифра — год пуска разработки в производство) производства то ли британской, то ли вообще американской фирмы «Квест». Чудо считывало информацию как с рулонных перфолент, так и с магнитных носителей. Проще говоря — с магнитофонных пленок. И «рисовало» световым лучом на фотостеклах или листах фотопленки матрицы электронных плат, причем — с необыкновенной точностью и скоростью. Умная машина, занявшая две комнаты, сразу получила у всех, кто имел доступ к самому факту ее существования, ласковое прозвище «Эммочка». В официальных бумагах называлась она то «координатографом», то «фотоплоттером», то обоими именами через дефис.

Ее невозможно было с Запада украсть (из-за размеров) — ее вполне официально купили. Через Югославию, которая тогда была вроде и социалистической страной, а вроде и не совсем. Поэтому на нее никакое «эмбарго» не распространялось. Югославы получили у Запада «машинку», научились на ней работать и продали нам. И, естественно, прислали своих специалистов — для того чтобы научить наших работе с мудреной техникой. А также помочь с монтажом.

Две недели лифт в НИИ работал только до 7 этажа, где монтировали «Эммочку», — возили иностранных «спецов» в сопровождении аккуратных, вежливых, улыбающихся молодых людей в одинаковых костюмах и с одинаковой стрижкой. «Спецы» были от тоски, несмотря на то, что водили их не только в кинотеатры, но и в Оперный. Через три недели, закончив работу, они уехали.

Чудо в новосибирском НИИ «рисовало» своим лучом на листовой фотопленке фирмы «Дюпон» (50х70 см, поставленной в невероятных количествах оттуда же, с Запада) другое чудо, уже советское и Западом до сих пор не превзойденное. Электронную начинку многоцелевого противоздушного и противоракетного комплекса С-300. Коротко говоря, «Эммочка» «рисовала» все электронное обеспечение для оружия, способного сбить все, что летает или даже просто шевелится в воздухе. «Натовцы» говорят, что С-300 — это шедевр.

На память от кратковременного знакомства с «Эммочкой» у меня осталась эта история.

Да еще запись в трудовой книжке, которая своей непонятностью приводит уже 20 лет в бешенство кадровиков — «фотограф прецизионной фотолитографии».

Честно — я тоже не знаю, что это такое.

Очень «неудобный» командарм

Что «Москву в 1941 году спасли сибиряки», известно всем. Правда, без подробностей. Особенно почему-то обходят стороной имя того, кто сибиряками, спасшими столицу, командовал. Не случайно.

Первый раз это произошло отнюдь не в декабре 1941 года. Да и «неудобный» для истории генерал Степан Калинин, командующий СибВО, в первый раз вошел в историю еще в марте 1918 года, остановив аж за Волгой «защитников Отечества», в честь которых главный армейский праздник страны до сих пор в феврале отмечается.

То, что никаких «побед под Псковом и Нарвой» Красная Армия 23 февраля 1918 года не одерживала — не секрет. Владимир Ленин в вечерней «Правде» от 25 февраля 1918 года писал о том, что «неделя 18-24 февраля, неделя военного наступления Германии явилась горьким, обидным, тяжелым, но необходимым уроком... Мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции,

Могила С.А. Калинина на Химкинском кладбище в Москве

об отказе защищать даже нарвскую линию... В Советской республике нет армии».

В ночь на 24 февраля 1918 года Совнарком принял ультимативные требования Германии о «неподъемных» условиях мира. Те, кто должен был геройски защищать Псков и Нарву, в основном — моряки под командованием члена Совнаркома, наркома по морским делам Павла Дыбенко, бежали на восток, даже не увидев противника. Бежали быстро и далеко, причем всерьез намереваясь стрелять в каждого, кто этот бег попыбует остановить.

«Героев 23 февраля» остановил за Волгой, в Самаре, в начале апреля того же года тогда еще просто «прапорщик военного времени» Степан Калинин, член местного ревкома.

Он, подняв местные части, по сути пресек вооруженный мятеж. Дыбенко был возвращен в столицу и расстрелян в 1938 году совсем по другому делу.

...22 июня 1941 года генерал-лейтенант Степан Калинин поднял по команде «В ружье!» Сибирский военный округ, которым командовал.

Через три дня округа не стало — он в виде 24-й армии вместе со своим командармом Калининым был брошен в бои на Западный фронт.

Кадровая Красная Армия была практически полностью уничтожена в результате нападения Германии, сибиряки Калинина были ее одним из немногих оставшихся резервов. Шесть сибирских дивизий 24-й дрались по-сибирски, до конца.

Известные строчки «Я убит подо Ржевом...» они могли бы отнести к себе (в том числе и там находились позиции 24-й армии). Сибиряки 24-й впервые «ударили по зубам» противнику в маленькой, но наступательной операции под Ельней.

24-й армии не стало в боях под Вязьмой. Своими жизнями армия спасала Москву. Последние кадровые сибирские части гибли, давая передышку для формирования там, в тылу, новых частей. От шести дивизий 24-й не осталось практически никого.

От всего «довоенного» СибВО...

Насколько успешно (в тех условиях) Калинин командовал обороной — пусть спорят военные историки. Однако он, одновременно с оборонительными боями, в которые сибиряки вступили буквально «с колес», занимался восстановлением армии. Не 24-й, а армии страны в целом. Ужас 1941 года состоял в том, что после удара кад-

ровая Красная Армия перестала существовать в принципе (за редкими исключениями).

Отступления не было — на восток катился вал неорганизованных и дезорганизованных людей, одетых в военную форму со знаками различия бойцов и командиров.

Из этого хаоса Калинин буквально на ходу формировал новые боеспособные части Красной Армии, способные воевать. Пригодился опыт 1918 года и практика «угловоров» недоброй памяти «братишек» Дыбенко, превращения их в армейские подразделения.

Степан Андрианович оказался единственным из высшего генералитета, попытавшимся и не побоявшимся тогда, в 1941-м, по горячим следам проанализировать, что произошло в первые недели войны и что необходимо делать (его секретную докладную записку опубликуют только в 2001 году).

Калинин в этом уникальном, порой очень сумбурном тексте на примерах показывает главное — армии больше нет, ее необходимо срочно формировать фактически заново, причем в кратчайшие сроки. Страну защищать некому и нечем! Докладная была прочитана, оценена, и именно Калинин в качестве уполномоченного Госкомитета обороны был направлен в СибВО для формирования новых частей.

«Калининский призыв» (как называли тогда мобилизованных им) был хоть как-то обучен и хоть немного накормлен перед фронтом. Их научили прицельной (а не бессмысленной) стрельбе из винтовки. Метанию гранат не просто в «силуэт танка», а в его уязвимые места. На учебу отводилось мало времени, всего семь дней, но на фронт уже уходила не шальная «братва», не толпа в военных шинелях, а именно армия. Почему «братва»?

В своих воспоминаниях Калинин рассказывал о том, что части им в Сибири формировались в том числе и «в барачных городках для лесорубов» («Размышления о минувшем», М., 1963 г.): «Командир будущей дивизии или бригады подбирал себе из резерва нескольких офицеров административно-хозяйственной службы, получал несколько автомашин, лагерные палатки... Одновременно в формирующуюся часть поступал и рядовой состав».

За несколько недель Калинин сформировал и отправил на фронт двенадцать новых, полноценных дивизий. Две армии.

Еще через некоторое время в качестве командующего Приволжским военным округом Калинин обеспечил формирование еще шести полноценных дивизий. И это

— не считая маршевых рот, батальонов для пополнения фронтовых частей. Чуть позже то, что он готовил для фронта именно обученные части, а не гнал «пушечное мясо», Калинин поставят в вину.

24 июня 1944 года он был арестован «за антисоветские разговоры». При аресте изъяли 7 тетрадей дневников, содержащих не столько личные записи, сколько разработки по улучшению мобилизационной готовности войск. Исходивших, в том числе, из уроков 1941 года. Писал генерал для себя, поэтому в оценках мало стеснялся. Да он и на заседании Военного трибунала не смолчал, и его слова остались в материалах дела: «Я не был против комиссаров в армии, как не был и против политической подготовки бойцов. Но в 1942 году во время инспектирования 11-го запасного артиллерийского полка в Омске, увидев курсантов в поле за изучением истории ВКП(б), я действительно сказал, что не Марксом вам придется бить врага, а оружием».

Ох, не на Маркса грешил генерал! Автором той самой, единственной «теоретической» главы «Краткого курса истории ВКП(б)» числится Иосиф Сталин. Уровень тех, кто судил генерала, можно оценить. Они сарказма, слава Богу, не поняли. Калинин получил всего лишь 25 лет.

В тех самых «барачных лагерях лесорубов». Ему то снижали срок, то добавляли (он и в лагере умудрился «отметиться» своим языком). Амнистировали, реабилитировали. Восстанавливали в партии, в звании. Даже воспоминания издали.

Он сформировал, обучил и подготовил для фронта как минимум пять армий. Правда, на здании штаба СибВО, которым Калинин когда-то командовал, мемориальной доски в его честь нет.

PS. В «Балладе о Москве» Александра Твардовского (которая по причине упоминания в ней имени Сталина с 1950-х годов не публиковалась) есть от имени Сталина и оценка работы генерала Калинина. Это придуманное, конечно, поэтом обращение вождя к защитникам Москвы 1941 года:

*«И вот до них доходит весть,
Вождя родное слово:
— Подмога — есть. Полков — не счесть.
И к бою все готовы».*

На стихи Твардовского в свое оправдание Калинин на следствии не ссылался.

Забывтый подвиг забытой дивизии

99-я стрелковая дивизия считалась в предвоенной Красной Армии лучшей, «элитной». Ее неофициально называли «сибирской» — потому что в подавляющем большинстве она комплектовалась призывниками из Новосибирска, Бийска, Барнаула, Томска.

Свою «элитность» сибиряки из 99-й показали в первые дни войны. Однако вскоре о дивизии стыдливо перестали упоминать. Предвоенный комдив оказался «изъяном» — им был Андрей Власов.

...Перемышль — небольшой город со старой крепостью, стоящий на самой линии довоенной советско-германской границы. Он имел важное стратегическое значение — прежде всего за счет моста через р. Сан. Для несения службы по охране границы здесь расположили 92-й погранотряд (вооруженный винтовками и двумя десятками

станковых пулеметов). Прикрывали пограничников части 99-й стрелковой «сибирской» дивизии. В январе 1940 года у дивизии появился новый комдив — полковник, а несколько месяцев спустя — генерал-майор Андрей Власов. Новый комдив жестко взялся за боевую учебу. Но умудрился наладить и нехитрый солдатский быт. Известна поговорка: «Солдат воюет на учении — повар дрыхнет у котла». Спанье

А.А. Власов до перехода на сторону немцев

прекратилось — интенданты, штабисты, возчики, повара и т.д. на всех учениях проходили подготовку рядом с обычными бойцами. Однако на своевременном питании бойцов это не отражалось. Практиковался принцип «смежных специальностей» — стрелков учили саперным премудростям, интендантов — прицельной стрельбе из пулемета. Вдвое увеличились выезды на стрельбища, причем комдив, объезжая подразделения, не чурался лично выйти на огневой рубеж. Хотя длинная, нескладная фигура да еще в очках на стрельбище выглядела очень нелепо. А он не стеснялся — стрелял отменно. Собственно, результаты проявились достаточно быстро. 25—27 сентября 1940 года на инспекторском смотровом учении нарком обороны маршал Советского Союза Семен Тимошенко поставил «хорошую» оценку «сибирской» 99-й, ей вручили переходящее почетное знамя Красной Армии.

Уже по этому факту можно судить, как обстояли на тот момент дела с боевой подготовкой в армии в целом, — какие же оценки получили остальные части?..

3 октября 1940 «Красная звезда», Центральный орган Наркомата обороны СССР, публикует обширную статью Власова об опыте 99-й «сибирской». Статья называлась «Новые методы учебы» и призывала войска «учиться всем приемам и методам ведения современного боя». Автор цитировал Александра Суворова. И то, и другое резало слух. Какие еще «все приемы и методы»? Наступление и

только наступление! Если бы кто-нибудь тогда сообразил, что «принцип смежных специальностей» — это обучение бойцов необходимым навыкам обороны, Власову было бы несдобровать. Настрой тогда был только на команду «Вперед!», тому только и учили бойцов в соседних частях. Да и упоминание Суворова звучало странно. Тогда еще не пришла мода на имена и опыт подзабытых русских полководцев.

9 ноября 1940 года та же «Красная звезда» печатает статью корреспондентов Огина и Кроля, побывавших у «сибиряков» Власова — «Командир передовой дивизии». «Слово» было сказано официально, с самого верха — «передовая дивизия». Это, собственно, был «перст указующий» для всех остальных. А для особо непонятливых «Красная звезда» пошла вообще на беспрецедентный шаг. 23 февраля 1941 года в номере, посвященном годовщине Красной Армии (!), статья была перепечатана, да еще и с припиской, что, дескать, «по многочисленным просьбам из войск».

Однако Власова у «сибиряков» уже не было. Его опыт был оценен, и 17 января 1941 года генерал ушел на повышение — командовать 4-м механизированным корпусом Киевского Особого военного округа. 6 февраля того же года, за умелую организацию боевой подготовки, он награждается высшим орденом страны — орденом Ленина. Новым комдивом 99-й стрелковой «сибирской» стал полковник Дементьев. Дивизия представляла собой хорошо отлаженный военный механизм, и, увы, свое мастерство «сибирякам» пришлось продемонстрировать очень скоро...

22 июня 1941 года на Перемышль, стоявший прямо на границе, обрушился шквал артиллерийского огня. Практически рассеянные, разрозненные части погранотряда держались, как могли, несколько часов. Кстати, именно в Перемышле в первый день войны родилось то, что потом назовут «народным ополчением», — вместе с пограничниками за оружие взялись рабочие, служащие, учащиеся. Но — пришлось отойти на окраину города. Против Перемышля, кроме строевых войск вермахта, бросили и спецназ — 1-й батальон СС «Бранденбург» и созданный из обученных активистов Организации украинских националистов батальон «Нахтигаль». После отвода 24 июня их из зоны

Знаменитый призыв «Ни шагу назад, сибиряки!» сибирские гвардейские дивизии пронесли через всю войну

боев обе спецназовские части немцам пришлось формировать чуть ли не с нуля.

Подошедшая 99-я стрелковая с ходу вступила в бой, и уже к утру 23 июня вместе с пограничниками освободила город. Это был первый контрудар Великой Отечественной. Дивизия заняла оборону, и вот тут-то пригодились «смежные специальности», которым учил бойцов Власов. Там, где не было вообще ничего, вдруг появились хорошо укрепленные окопы полного профиля. Просто потому, что каждый боец 99-й был еще и немножко сапером. Дивизия и контратаковала (при возможности), и цепко держала оборону. При этом сохранив связь с командованием. Немцы были поражены — они столкнулись с «каким-то другим» противником, чем на многих участках фронта.

Удивляться пришлось не только немцам. 25 июня представитель ставки ВГК Георгий Жуков по прямому проводу связался с командармом-26 Родионом Косенко: «В чьих руках Перемышль? — В наших! — Сколько, считаете, перед вами войск противника? — Против 99-й дивизии до двух пехотных дивизий и мотоциклетная часть до 200 мотоциклов». На самом деле Перемышль атаковали четыре германские дивизии.

99-я «держала» город неделю (!), после чего, четко по полученному приказу, оставила позиции. В полном боевом порядке, с арьергардными боями. 22 июля 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР 99-я стрелковая «сибирская» дивизия была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

Могут сказать — ну что же, была ведь еще и Брестская крепость! Кошунственно сравнивать героизм бойцов 1941 года. Но разница есть. В Бресте дрались разрозненные бойцы из разных частей, без командования, без связи. Перемышль «держала» единая воинская часть, сохранившая и связь и командование. «Сибиряки» 99-й показали свою выучку на практике — они воевали как настоящие профессионалы.

А потом были другие бои и другие походы. Было и гвардейское звание — «сибиряки» стали 88-й гвардейской Краснознаменной дивизией. На знамени прибавилось орденов — Ленина, Суворова II степени, Богдана Хмельницкого. И о 99-й дивизии снова писали — на этот раз «Правда».

А потом о «передовой дивизии» как-то вдруг перестали без особой необходимости вспоминать. Она обороняла Ростов-на-Дону и Сталинград, штурмовала Берлин. Ее, конеч-

но, упоминали — трудно скрыть профессионализм и героизм! — но уже не акцентируя, что она «передовая». Превзошло всех академическое (!) издание Минобороны СССР «Советская военная энциклопедия». Во-первых, Перемышль в нем зачем-то вернули прежнее польское название Пшемисль. Во-вторых, в истории города о боях 1941 года сказано скороговорочкой — обороняли, дескать, «советские воинские части и пограничники». Зато про бои за Перемышль 1944 года — подробно, с указанием начальства.

Ларчик, собственно, открывается просто. С 12 июля 1942 года Власов оказался в немецком плену, где стал создателем Русской освободительной армии. И о подвиге «сибиряков» 99-й стали аккуратно «забывать».

Хотя причем здесь были они-то, действительно обученные Власовым, но честно, героически воевавшие «за нашу Советскую Родину»...

Грузовик, убитый атомной бомбой

«Холодная война» с ее гонкой за мирным (и не очень) атомом превратила Новосибирск в один из «атомградов». Правда, попутно городу пришлось пожертвовать собственным автозаводом. «Новосибирские» грузовики и автобусы сегодня выпускаются в Минске.

Плановость советского хозяйства порой творила странные штуки. Молодая страна росла, и первоочередные ее требования и планы иногда приходилось менять «на лету» — в силу очередной срочной необходимости. Новосибирск не стал исключением из общего правила.

Завод горного оборудования превратился в авиастроительный им. Чкалова. Но и это «плановое превращение» не стало самым таинственным. С 1939 года на так называемой «площадке № 335» в городе строились попеременно то авиамоторный, то текстильный, то автомобильный заводы. Последнему повезло больше — его строили, строили и, наконец, построили.

В 1948 году из ворот автозавода выкатилось первое изделие — грузовик НАЗ-253. Он должен был стать «первой ласточкой» нового гиганта автомобилестроения, но оказался только первым и единственным новосибирским автомобилем. Страна нуждалась в других «изделиях», и славой «столицы автостроя» Новосибирску пришлось пожертвовать.

25 сентября 1948 года на заседании специального комитета при Совете Министров СССР было принято решение «О месте строительства второго металлургического завода — дублера завода №12».

«Специальный комитет при Совмине» возглавлял Лаврентий Берия, а занимался этот орган атомной проблемой. О предназначении завода №12 в те времена знали только посвященные. Это было предприятие по переработке урановой руды в подмосковном городе Электросталь. «Дублер» должен был находиться где-нибудь за Уралом, чтобы в случае вражеской атаки с воздуха до него не могли долететь бомбардировщики. Выбрали Новосибирск — площадку автозавода.

Новый «профиль» предприятия требовался стране позарез. Ни о каком «ядерном паритете» в те годы речи и не шло. В директиве Объединенного комитета военного планирования США № 432/д от 14 декабря 1945 года, принятой в связи с директивами комитета начальников шта-

бов о подготовке к атомной бомбардировке 20 советских городов, было сказано: «На карте к приложению «А» ... указаны 20 основных городов промышленных центров Советского Союза, и Транссибирской магистрали — главной советской линии коммуникации. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь семнадцати из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль».

Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз и используя все 196 бомб (куда входят 100% резерва), Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим».

К 1949 году на вооружении США находилось уже более 340 атомных бомб. Что по планам 1945 года, что по планам 1949 свои килотонны (наряду с Москвой, Ленинградом и столицами союзных республик) должен был получить и Новосибирск. По плану «Дропшот» у нас в городе (в одном из 12 советских городов) должна была дислоцироваться оккупационная дивизия «сил ООН».

Чем могли ответить мы?

В недавно рассекреченном постановлении Совмина СССР от 29 октября 1949 года сказано: «Принять предложение Специального комитета при СМ СССР об утверждении на 1949-54 гг. плана изготовления готовых изделий (кроме 1 изделия, израсходованного для проверки конструкции)... в том числе: в 1949 году — 2 ед.; в 1950 году — 7 ед.; в 1954 году — 54 ед.»

В СССР, при всей внешней пропагандистской бодрости, в отличие от США ядерные бомбы считали поштучно. Так что первоочередной проблемой было создание именно этих «изделий». В ущерб грузовикам, текстилю и холодильникам. «Дублер» электросталевского завода № 12 переехал в Новосибирск, на ту самую «площадку № 335», «выжив» с нее только что построенный автомобильный завод.

Завод со всем оборудованием переехал в Минск, и сегодня официальная история Минского автозавода ра-

Опытный образец грузовика НАЗ-253

достно сообщает, что «в 1948 году стало возможным организовать серийное производство автомобилей, а с завершением строительства выйти на проектные мощности и даже превзойти их». Просто по мановению волшебной палочки... «Приехавшей» из Новосибирска.

Сегодня МАЗ строит автомобили по евростандартам и с успехом торгует ими по всему миру. А тогда, в 1948 году, на «освобожденное» будущим МАЗом место вселился «почтовый ящик №80». Сегодня больше известный как Новосибирский завод химконцентратов, давший жизнь целому Калининскому району города.

Кстати, то ли по привычке к секретности, то ли просто по ошибке «Энциклопедии «Новосибирск» НЗХК отнесен к предприятиям цветной металлургии. Хотя начинал как дублер «металлургического завода №12».

На строительство нового предприятия по производству «изделий первой необходимости» только «вольных» специалистов было направлено около 25 тысяч человек. Не считая солдат и военнопленных. Солдаты, занятые на строительстве, бодро пели новую строевую песню «Про мирный атом», написанную вечным гимнописцем Сергеем Михалковым «на злобу дня».

*Мы недавно проводили
Испытанья нашей силе.
Мы довольны от души —
Достиженья хороши!*

*Все — на славу удалось,
Там, где нужно, взорвалось!*

*Мы довольны результатом —
Недурен советский атом!
Подтвердил товарищ Сталин,
Что мы бомбу испытали*

Площадь Ленина, 1960-е годы

*И что впредь еще не раз
Будут опыты у нас.
Бомбы — будут! Бомбы — есть!
Это надо вам учесть!*

Газеты печатали карикатуры Кукрыниксов и Бориса Ефимова: президент США Трумэн размахивал бомбочкой с изображением символа атома — перекрещенных орбит электронов. Через двадцать лет «агрессивный» символ оказался вполне мирным. И даже попал на герб Новосибирска, «рассекретив» город окончательно перед всеми нехорошими разведками.

В постановлении горсовета от 23 декабря 1970 года про описание герба говорилось: «Шестерня, колос и орбиты движущихся электронов указывают на то, что Новосибирск — город большой индустрии, науки и культуры, а также символизируют нерушимое единство рабочих, крестьян и интеллигенции». Герб был утвержден «в соответствии с пожеланиями общественных организаций и трудящихся — об учреждении герба города Новосибирска — отличительного знака, отражающего его специфические особенности».

Грузовик НАЗ-253 не попал никуда. Он прожил так недолго, что ему даже эмблему придумать не успели.

Здание обкома ВКП(б), 1938 год

Дело о «Деле 46-ти»

Генрих: Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

Ланцелот: Всех учили, но зачем ты оказался первым учеником?

Евгений Шварц, «Дракон»

В 1968 году в Новосибирске случилось сразу несколько событий, наложивших отпечаток на историю и города и Академгородка. Фестиваль бардов и «письмо 46-ти», подписанное научными сотрудниками против очередного политического процесса. И дело даже не в том, как сложились судьбы «подписантов». Сегодня можно с документами в руках рассказать, как повели себя их «научные начальники».

Как выяснилось, не только «рукописи не горят» — «не горят» и протоколы со стенограммами, содержащие выступления многих известных людей, о которых (выступлениях) хотелось бы забыть. Но это — история, и забывать ее просто нельзя.

В 1968 году в Москве состоялся суд над четырьмя диссидентами — Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой. Основное обвинение — составление «самиздатовского» сборника по материалам суда над писателями Синявским и Даниэлем. Суд проходил с многочисленными процессуальными нарушениями, не говоря уже о сути обвинений. Из новосибирского Академгородка в Москву, в несколько «инстанций», ушло письмо протеста, подписанное 46 научными работниками. Среди них — 4 доктора наук, 10 кандидатов, 5 членов КПСС.

Текст письма каким-то образом попал на радио «Голос Америки», был озвучен в эфире — вот тут-то все и

началось. Людей начали «топтать» — другое слово подобрать трудно.

Чудом сохранившиеся стенограммы закрытых партсобраний, партбюро, собраний актива институтов доносят живую и очень неожиданную речь многих известных ученых. Понятно, что команда «Фас!» была спущена сверху и «не реагировать» было нельзя, но реакция оказалась очень разной.

Выписка из протокола партсобрания Вычислительного центра СО АН СССР 11 апреля 1968 года, выступает Гурий Марчук, тогда — директор ВЦ: «Об идеологической работе я вспомнил в Беркли... Я пытался убедить, что у нас репрессий нет, но они спрашивают — а как же с Даниэлем и Синявским? И мне пришлось напомнить им, что эти люди продавали документы, порочащие наше государство, и тогда они со мной согласились... Обидно, что и у нас есть такой человек (подписавший письмо. — А. К.).

Мы все должны осудить, и я надеюсь, что парторганизация займется разбором — почему среди хороших людей находятся проходимцы».

Будущий академик и президент АН СССР делился своими воспоминаниями о Беркли перед людьми, 99% которых знало, что никогда в жизни им дальше Кыштовки выехать никто не позволит. Он врал, знал, что врет, и это знали те, кто его слушал. Синявский и Даниэль были осуждены за публикацию за рубежом своих литературных произведений. Назвать это «продажей документов» язык не повернулся даже у следствия.

Стенограммы партбюро и партийного собрания 2-5 апреля того же года в Институте теплофизики. Выступает директор Самсон Кутателадзе: «Я предлагаю осудить эту петицию, которая стала орудием в руках американской пропаганды, дискредитируя Советский строй и правосудие, авторитет Сибирского научного центра...

Идеологическая диверсия против коммунистических идей формируется всеми — от ЦРУ до Мао Цзе-дуна... По моему убеждению, большинство подписавшихся

знали, что «письмо» будет отправлено за границу... Недостаток нашей информации к этому делу отношения не имеет. О процессе писали 2 газеты — вполне достаточно. Любую информацию надо проводить через фильтр — твои убеждения».

«Письмо» было адресовано в ЦК, Совмин СССР, Генпрокуратуру, и для «подписантов» трансляция его по «вражескому» радио (с их фамилиями и должностями) была шоком.

Будущий академик, Герой Соцтруда Кутателадзе это прекрасно знал.

Сегодня Институт теплофизики носит его имя. 12 апреля на общем собрании сотрудников Института геологии и геофизики выступает директор Андрей Трофимук: «В истории нашего института этот день — самый черный день... К какому случаю они присоединились, чтобы выразить свой протест — лица, в моральном и политическом отношении, представляют собою мразь. Я согласен со всеми теми, кто требует наказания».

Среди «требований» было и предложение перевести «подписанта», доктора наук, в дворники на несколько месяцев. Институт носит имя академика, Героя Соцтруда, почетного гражданина Новосибирска Трофимука.

На заседании президиума СО АН тогда еще 36-летний член-корреспондент АН СССР Роальд Сагдеев бесился по

Никита Хрущев в новосибирском Академгородке, 1959 год

поводу подонков, чье письмо передает «Голос Америки».

«Выгнать всех из Академгородка, пусть идут грузить свинцовые чушки!» Женившись впоследствии на внучке президента США Эйзенхауэра, уехав в Америку и получив американское гражданство, Сагдеев вдруг как-то иначе стал смотреть на Штаты.

Он, профессор Мэрилендского университета, вряд ли рассказывал своим новым студентам о благотворном влиянии отгрузки свинцовых чушек на научный процесс.

Но были и другие директора.

Директор Института ядерной физики Герш Ицкович Будкер узнал о том, что идет сбор подписей под неким письмом. Он и в те времена «по национальности» не прятался — «ну куда лицо спрячешь?» — и просил для простоты общения звать его либо Андреем Михайловичем, либо Григорием Михайловичем.

И уж он-то прекрасно понимал, что будет с «подписантами» дальше. Ему надо было спасти людей и сохранить институт от разгрома. После разговора с директором письмом с более чем 250 подписями (только из одного института!) было порвано, и на все последующие вопросы Будкер отвечал, что фамилий «подписантов» не помнит.

Восемь — отказались от «мусорной корзины», подтвердив свою подпись. Одному из них Будкер в беседе сказал: «Хотите на Голгофу? Она вам будет. Только других за собой не тяните — туда поодиночке ходят».

Институт ядерной физики носит сегодня имя академика Будкера. Директор Института математики Сергей Соболев (письмо подписали четыре сотрудника института) пытался спустить все «на тормозах», подсказывая «верный ход».

«Мы должны осудить их безответственный, легкомысленный поступок». Директор Института цитологии и генетики Дмитрий Беляев: «Думаю, она (сотрудница института, одна из «подписантов») не является нашим врагом и подписала это письмо по ошибке, вследствие своей политической незрелости и безответственности».

Никто из «подписантов» «спасательного круга» не принял.

Для того чтобы понять, что пытались сделать Соболев, Будкер и Беляев, надо понимать реалии того времени. «Подзуженные» не в меру ретивыми идеологами рабочие «Сибакademстроя» готовились бить «зажравшихся жидов» в Академгородке. Погром удалось предотвратить чудом, все ограничилось опять-таки письмом. Дескать, рабочим «Сибакademстроя» безразлично, кто живет в выстроенных ими домах. И поэтому требуем выселения их («подписантов») из Академгородка. Куда там нынешним ЖЭУ с их претензиями!

46 «подписантов» расплатились за одну свою подпись всем — карьерой, жизнью. Они не стали академиками и членами-корреспондентами. Не потому, что мало и плохо работали — совсем по иным причинам. Под эти «разборки» в 1968 году «вытоптали» все, что можно было. Клубы «Под интегралом», «Гренада» и «Сигма». Общественный совет Дома Ученых...

Картинную галерею при ДУ тоже закрыли — «не те картины».

Тех, кто «топтал» — стоит вспомнить. И тех, кто пытался спасти людей.

Имена 46-ти подписантов не называю сознательно, их судьбы — это тема для отдельного разговора.

Улица Ленина, 1950-е годы

«Атаки» с воздуха

**К самолетам в небе над городом Новосибирск при-
вык давно. Однако порой при звуке моторов горожане
невольно вздрагивали. И на это имелись свои, очень
даже веские, причины.**

С увеличением количества самолетов, естественно, не могло не вырасти и количество происшествий с ними. Началось это в годы войны, когда завод №153 (НАПО им. Чкалова) развернул массовое производство истребителей Як-7Б и Як-9. Фронту требовалось все больше и больше самолетов. Однако на госконтроле при сдаче заводом новых машин «заказчикам» постоянно выявлялись мелкие и средние недочеты, которые сразу же и устранялись. Но...

В марте 1943 года секретарь новосибирского обкома по авиапромышленности Иван Хромов направил секретарю обкома и представителю Госкомитета обороны Кулагину отчет «Об авариях самолетов Як-7Б, Як-7В и Як-9 в воинских частях». Перечислялось количество происшествий в 5-й запасной авиабригаде СибВО. За год (с 1942 по 1943) в бригаде произошло 10 катастроф, 7 из них — с жертвами.

Хромов сообщал: «Командующий ВВС СибВО генерал-майор т. Шелухин заявил мне в присутствии заведующего авиаотделом ЦК т. Будникова, что он к заводу №153 не имеет никаких претензий относительно качества выпускаемых самолетов, и причины аварий кроются в том, что самолеты Як-7Б и Як-9 конструктивно не доведены...».

Развивая свою мысль, т. Шелухин делает вывод, что в условиях боя на фронтах самолеты Як-7Б больше выходят из строя не из-за огня противника, а в связи с конструктивными недостатками».

У генерала просто вырвалось наболевшее. Он-то отлично знал, что главный конструктор этих самолетов, Александр Яковлев, был еще и замнаркома авиапромышленности. И «чкаловцев», в самом начале войны освоивших выпуск неплохой боевой машины — ЛаГГ-3, буквально «сломали об колено», заставив свернуть только что налаженное производство и «штамповать» яковлевские самолеты.

Летом 1943 года после очередного испытательного полета самолета Як-9 катастрофа случилась уже над городом, над самым центром. Очевидцы рассказывали, что пилот явно пытался, ориентируясь на Красный проспект (радиосвязи не было!), дотянуть до центральной площади и там посадить забарахлившую машину. Не удалось.

Но хотя бы от городских жилых зданий он отвернул. Машина упала на Красном проспекте, рядом с мединститутом. «Вонзилась» в подвал одноэтажного деревянного домика, и там рванул движок и остатки топлива. В доме не разбились даже стекла, пилот — погиб. Он мог бы выпрыгнуть — и куда бы тогда рухнул неуправляемый самолет?

Хромова сняли с секретарей обкома, Шелухин тоже потерял свой пост. Это были, пожалуй, наиболее «статусные» результаты следствия, проведенного военной прокуратурой. Посадили несколько «стрелочников» — клей не тот и не так клали, фанера не та и так далее. После войны НАПО отказалось от сотрудничества с «фирмой Яковлева».

В июле 1954 года бортмеханик Поляков поднял в воз-

Аэропорт «Северный», 1940-е годы

дух пустой пассажирский Ил-12. Накануне он застал жену с любовником и решил отомстить. Его пытались «вывести» истребителями за пределы города и там уничтожить. Поляков не сдавался, несколько часов демонстрируя над авиагородком фигуры высшего пилотажа (а к ним самолет ну никак не был приспособлен, обязан был развалиться), а заодно имитируя «атаку» на дом неверной супруги.

Потом сел на аэродром и сдался.

Выяснилось, что бортмеханик перед полетом «для храбрости» хорошо приложился к разведенному спирту. Сел он не только на аэродром, но и в тюрьму. По слухам, воздушного умельца-акробата освободили досрочно.

14 июня 1965 года горожане, оказавшиеся в этот момент на коммунальном (Октябрьском) мосту, пережили незабываемые впечатления. Куда там сегодняшним «экстремалам»! Реактивный МиГ-17 зашел на мост, как будто для тарана, пролетел под ним и — спокойно вернулся на аэродром Толмачево.

«Героем дня» оказался 30-летний летчик Валентин Привалов. После окончания авиаучилища служил и летал под Калининградом. В 1961 году, как один из самых опытных пилотов, был направлен во вновь создаваемую армию ПВО.

Летом 1965 года четверка истребителей (в числе которых был Привалов) прилетела в Новосибирск на аэродром Толмачево — для участия в тренировках операторов РЛС и участия в сборах командиров полков СибВО.

Сразу после приземления Привалов был арестован. На первых же допросах показал, что у него было «все рассчитано». Дескать, несколько раз плавал у моста и под мостом, замерил ширину между «быками» моста и высоту от воды до пролетов. У следователя, в общем-то, уже лежали результаты экспертиз, что ни на какие внешние нагрузки от рева реактивного самолета мост, естественно, рассчитан не был. А если бы был удар?

Часть коммунального моста была бы разрушена, оборваны коммуникации между левым и правым берегом города, были бы и человеческие жертвы. Об их возможности у нас по традиции вспоминают в последнюю очередь.

Следователь просто разозлился:

Дом №43/1 на улице Степной сразу после катастрофы и то, что осталось от самолета (1976 год)

«Что ты мерил?! Как и чем?! Линеечкой?! А высоту до воды — гирькой на ниточке? Так я сейчас в КГБ звоню, пусть они с тобой разбираются, как и что ты на стратегическом мосту замерял!»

Летчик кинулся в объяснения, что у него большой опыт полетов на малой высоте, вспомнил и фильм 1940 года «Валерий Чкалов». Фильм, который взбеленил пилотов и вдохновил курсантов.

«Первый воздушный хулиган» Чкалов, оказывается, «был в поиске». Примерно так оправдывался и Привалов — дескать, польза от опыта неоценимая.

Следовательно, в переводе на обычный русский язык, сказал: «Вы, пожалуйста, постройте где-нибудь в стороне от города мост, соберите на него добровольцев с Владимировки и — летайте сколько хотите. Если, конечно, начальство вам самолет даст». Начальство — дало. Дело было закрыто.

Министр обороны СССР маршал Малиновский лично приказал допустить «лихача» к дальнейшим полетам. Привалов уволился из авиации только в конце 1970-х, в чине подполковника. Его «рекорд» даже далекая от проблем авиации «Энциклопедия «Новосибирск» называет «трюком». Никакого практического — учебного и боевого — применения «взбрыки» Чкалова (на «тихоходке») и Привалова (на реактивном) не получили ни у нас, ни вообще нигде.

Кстати, после этого случая Привалова перевели куда подальше — в Заполярье. Где он и получил орден Красной Звезды «за освоение ледовых аэродромов». Мостов в Заполярье не было.

И последний случай произошел в сентябре 1976 года, когда впавший в безумие пилот направил свой Ан-2 на «панельку» на улице Степной. Он считал, что там находятся сбежавшая от него жена, ребенок и теща. Никого из них не было дома. А сам дом чудом не рухнул, погибло 12 человек.

О судьбе безумца говорили разное: «Голова только осталась!», «А голову-то и не нашли!». Родственников погибших это не интересовало. После спешного ремонта дома всем желающим жильцам помогли обменять квартиры.

Вот такие вот крутые виражи закручивали «крылья Родины» над городом! Тут все сплелось в один клубок — и необходимость, и любовь, и подвиг, и безумие, и авантюризм.

Наши были первыми

Новосибирску везло на то, чтобы первым попасть в начало событий, которые принято называть «историческими».

Так, в ноябре 1982 года именно новосибирская газета первой в стране сообщила о кончине Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева.

А в августе 1991 года именно из Новосибирска Москва узнала, что в столице нашей Родины случился ГКЧП.

Несмотря на название, газета «Вечерний Новосибирск» в начале 80-х выходила по утрам. В киосках не залеживалась, и с 8 до 9 утра тираж расходился полностью. Люди разбирали «Вечерку», идя на работу. Подписки на газету не было. Ее редактор, журналист, как говорится, от Бога, Анатолий Гурдин, даже в тех условиях сумел сделать газету живой и интересной для горожан.

За несколько лет до смерти, в 1978 году, во время «рабочей поездки» по Сибири Л.И. Брежнев навещал и Новосибирск

Он, упаси Боже, не был диссидентом — был советским журналистом в лучшем смысле этого слова (Кольцов, Аджубей, Песков и Аграновский тоже не в безвоздушном пространстве работали — а делали в тех условиях, которые были, все, что можно, для читателя).

11 ноября 1982 года ничем не отличалось от других обычных дней. Утром вышла «Вечерка» («№258 (7543), четверг, 11 ноября 1982 года. Цена 3 коп.»). С лозунгом на первой полосе: «Пятилетке — ударный труд!». С фоторепортажем — «На вахте — приборостроители». С большим материалом Т. Шевелевой, председателя совета мастеров завода точного машиностроения, под заголовком «Чувствуют себя хозяевами» и под рубрикой «Слово — участникам соревнования»: «Есть и еще одна славная традиция на участке — встречать «свой» новый год, который настает, когда завершается годовая программа. В этот день на участке зажигает огни елочка. И вполне понятно, что настроение у всех радостное».

«Последние телеграммы» из-за рубежа: «Американское антивоенное движение укрепляет свои ряды», «Повстанцы Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти продолжают активные боевые действия в различных районах Сальвадора», «Нью-Йорк снова оказался в тисках кризиса»...

В 8 утра по московскому времени (тогда — в 12 по новосибирскому) радио сообщило о смерти Брежнева. Нас, «комсомольский актив» старшеклассников, срочно сорвав с уроков, собрали в Центральном райкоме комсомола на Коммунистической.

Райкомовский «комсомолец» зачитал нам короткое сообщение ТАСС, извещавшее о смерти человека, который, как Сталин для наших родителей, казался нам «вечно живым». Девочка из 24-й школы после паузы буквально взвыла: «Это значит — война будет?!» Сейчас это, наверное, смешно, но тогда...

Через два года, в армии, на командном пункте ПВО на Камчатке я услышал, что «наша основная боевая задача — успеть доложить за 4 минуты, что ОНИ летят». Все это было всерьез. Райкомовец буквально рявкнул, что никакой войны не будет и что главное — правильно провести траурные митинги, не теряя при этом бдительности.

В 15 часов (по новосибирскому времени) открылись, после перерыва, газетные киоски. Киоскерша, которая меня, постоянного «газетного» покупателя, знала, сказала: «Вечерку» опять привезли. Но она какая-то другая». На первой стра-

нице «этой» «Вечерки» был портрет Брежнева в траурной рамке, номер был тот же («№258 (7543), четверг, 11 ноября 1982 года. Цена 3 коп.»), и только одно отличие: примечание «Специальный выпуск». Первая страница была изменена, кроме траурного сообщения и портрета Брежнева, изменилось и название материала Т. Шевелевой, председателя совета мастеров завода точного машиностроения, вышедшего утром под заголовком «Чувствуют себя хозяевами». Теперь материал назывался «Чем крепок коллектив».

Новые веяния стали понятны, когда через сутки, 12 ноября 1982 года, все газеты стали писать о «коллективном руководстве». Примечательно, кстати, что, кроме фоторепортажа, из газеты с первой страницы исчезли три сообщения из «Последних телеграмм» (о событиях в мире): «Стихийное бедствие», «Нарушение гражданских прав» и... «Крах заговора». За три (три!) часа, прошедшие после прихода траурного известия по радио, «вечеркинцы» успели, проявив даже по нынешним временам неслыханную оперативность, не только подготовить спецвыпуск газеты, но и отпечатать его и развезти по киоскам.

Времена были другие, и никакая «газетная самостоятельность» была в принципе невозможна. Никто не дал бы ни газетной бумаги, ни времени на печать, ни на развоз газеты по киоскам «Союзпечати».

Да и не один киоск такую «самостоятельность» без команды «сверху» в продажу не принял бы.

Интересно, что о таком чрезвычайном событии, как выпуск двух номеров газеты в один день не помнит никто. В подшивке «Вечерки» в самой редакции лежит только «спецвыпуск», а вот «обычный» номер с фоторепортажем о приборостроителях — отсутствует.

«Ветераны» газеты искренне уверяют, что вышла в тот день только одна газета — «с портретом». В библиотеках, правда, в подшивках присутствует именно «обычный» номер, а спецвыпуск начисто отсутствует. Ситуацию ненамного смогли прояснить и воспоминания бывших работников горкома КПСС.

«Газетный казус» не помнил практически никто. Однако две версии оказались интересными. И обе — связанные с тогдашним первым секретарем горкома Георгием Алешиным. Который, собственно, и дал «отмашку» на срочное появление «спецвыпуска». Согласно первой, именно после этого Алешин был замечен в Москве и переведен в инспекторскую группу ЦК КПСС.

Однако в ЦК Алешин попал только в 1985 году, когда

«оперативность памяти Брежнева» выглядела бы скорее «компроматом». По второй версии, именно редактор «Вечерки» Гордин вспомнил о практике «экстренных выпусков» советских газет с бюллетенями о здоровье Ленина в 1918 году. И — уговорил Алешина, который на свой страх и риск дал «отмашку» и газете, и типографии, и «Союзпечати». Тираж, конечно, был небольшой (8 тысяч), но разошелся буквально в минуты.

«Вечерний Новосибирск» стал первой газетой в СССР, подтвердившей печатным словом смерть лидера страны.

«Правда», «Известия», да и областная «Советская Сибирь» сообщили о происшедшем только 12 ноября. Подробно, с публикацией «Обращения к советскому народу...» и медицинского заключения, но — на сутки позже, чем наша городская «Вечерка».

...19 августа 1991 года один из новосибирских журналов включил в 8 часов утра радиоточку. И — услышал полный набор документов ГКЧП. Позвонил в Москву, известному советскому диссиденту Сергею Григорьянцу (12 лет лагерей «за политику»), который тогда руководил абсолютно неофициальным информгентством «Ежедневная Гласность», которое, в свою очередь было таким же абсолютно неофициальным корпунктом радиостанции «Свобода» в Москве.

Сергей Иванович первым делом поинтересовался у новосибирского корреспондента, сколько он выпил накануне. Потом включил магнитофон и с телефонной трубки, из Новосибирска, записывал все эти тексты.

Дозвонился до Германии, до дежурного по «Свободе», который практически непьющему Григорьянцу задал примерно тот же вопрос, который до этого от него ушел в Новосибирск.

В суете событий тех дней никто не обратил внимания, что радио «Свобода» из Германии начало передавать и комментировать документы ГКЧП несколько раньше, чем Всесоюзное радио в СССР.

Ларчик открывался просто — разницей в часовых поясах (тогда Новосибирск «опережал» столицу уже на три часа). Судя по всему, на конвертах с судьбоносными бумагами стояло, что их надо транслировать в 8 утра.

Без уточнения — по какому именно времени? Система телерадиотрансляции «Орбита-3» четко отработала задачу, и в Новосибирске о «путче» узнали раньше, чем в Москве.

В 8 утра. Но — по местному времени.

Азбука города. Буква «М»

Метро для новосибирцев давно стало родным и привычным. Уже трудно себе представить, что когда-то «подземки» в городе не было. За два десятка лет существования «подземка» (как и положено «порядочному» подземелью) обзавелась своими легендами и мифами.

Впрочем, и сама история ее появления в городе больше похожа на легенду.

На месте будущей станции «Октябрьская» 12 мая 1979 года была забита первая свая Новосибирского метро

Строительство метро на проспекте Маркса (станция «Студенческая» была открыта в составе первого пускового участка 7 января 1986 года)

«Метро нужно!» — все началось с этих слов в 1963 году. Нет, конечно, с мечтательным вздохом такие слова произносились и раньше.

Мало кто помнит, но каким-то мистическим образом Новосибирск пересекся со словом «метро» еще в 1937 году. Тогда, на Всемирной выставке в Париже Советский Союз взял «за архитектуру» два Гран-при. За проект «крячковского» стоквартирного дома в Новосибирске. И — за проект архитектурного решения станции метро «Маяковская» в Москве. Но это, было, как говорится, из серии «случайных совпадений». До реального соединения слов «метро» и «Новосибирск» было еще далеко.

В середине 1950-х в наброски проекта генплана развития города метро уже пытались заложить — правда, как говорится, «на пальцах», без какой-либо детальной проработки и обоснований. Эти «местные почеркушки» Москва выкинула из генплана тогда также без каких-либо объяснений.

Но в 1963 году случилось две вещи, которые сделали появление «своего» метро неизбежным.

Во-первых, город стал «миллионером» — родился миллионный житель Новосибирска. А метро по рангу полагалось только и исключительно «миллионникам». Но, как известно, «положено» — еще не значит, что «дадут».

И вот тут-то в силу вступило второе обстоятельство.

В 1963 году председателем новосибирского горисполкома («градоначальником», «мэром» города) стал Иван Павлович Севастьянов. Прошедший все ступеньки административно-партийной карьеры, он был управленцем «от Бога».

Город, собственно, во многом до последнего времени «выезжал» на «севастьяновском наследстве» — на том, что было создано и построено еще при нем, руководившем городом два десятка лет.

И те слова — «Метро нужно!» — были сказаны им буквально в первые дни «градоначальства», при обсуждении контуров нового генплана

развития города. Севастьянов был на редкость упрямым человеком (когда он руководил станцией «Новосибирск-Главный», «за глаза» заработал у подчиненных уважительное прозвище «Танк»). Он умел видеть перспективу не то что на годы — на десятилетия вперед (редкостное для руководителей качества), и его «нужно» подразумевало — «будет»! Только так.

И в том же 1963 году, не откладывая дела в долгий ящик, в Москву поехала группа инженеров «Новосибгражданпроекта» — получать методические указания по проектированию строительства метро. В столице над новосибирцами по-доброму посмеялись («Метро в Сибири?! Ну-ну!»), но всей необходимой документацией поделились.

Новосибирский проект начинался буквально «с нуля» — никакого опыта проектирования подобных сооружений не было. Приходилось считать и учитывать кучу факторов — от наличия грунтовых вод до плотности пассажиропотоков.

В работе принимало участие несколько новосибирских проектных организаций — «Новосибгражданпроект», «Сибгипротранс», «Промстройпроект», «Гипросвязь-4», «Гипромашпром»... Студенты НИИЖТа делали дипломные проекты по проектированию отдельных участков метро.

Ну, а «добрый гений» города, его «градоначальник» Севастьянов действовал, как говорится, «по своим каналам». Его хорошо знали во многих «высоких» кабинетах в Москве. Покажите мне сейчас любого подобного сибирского мэра?

Особенно рассчитывал Иван Павлович на помощь председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина. Его трудовая биография началась в 1930-е годы в Новосибирске, и к городу премьер относился по-доброму, по-землячески. Но идти к руководителю правительства с просьбой «Дайте нам метро!», не имея на руках никаких разработок и обоснований, было бы чистым безумием. И Севастьянов это, естественно, понимал.

В 1969 году, когда Косыгин приехал в Новосибирск с визитом, схема и план первого в Сибири метро были уже «вчерне» сверстаны. Севастьянов смотрел на годы вперед, поэтому мог позволить себе в обосновании метро некоторое, скажем так, «лукавство». «Сегодня средняя скорость трамвая и троллейбуса в городе 15-17 км/час, автобуса — 20 км/час, что почти в три раза ниже их технических возможностей и, конечно, не может в полной мере решить проблему перевозки пассажиров» («Новосибирский метрополитен. Материалы делегатам XXVIII городской партконференции»).

Все прекрасно помнят — не дороги были забиты, а транспорта не хватало. На остановках стояли толпы ожидающих пассажиров. Но не будь этого маленького «лукавства» тогда — сегодня, с постоянными транспортными пробками и той самой «средней скоростью», без метро город бы просто задохнулся. Так что не лукавил Севастьянов — он просто действительно просчитывал заранее будущее города, не жил «сегодняшним днем».

И вот тут-то, в 1969, он и завел разговор с Косыгиным. Дескать, и проект практически закончен, и нужно городу метро — позарез. Косыгин даже немного разозлился (на что Севастьянов и рассчитывал): «Ну так заканчивайте проект,

присылайте на утверждение и — вперед! Помогу». Но от слова до реальных дел были еще годы и годы.

Только в 1975 году Совмин РСФСР утвердил генеральную схему Новосибирского метро. А вокруг разработанного сибиряками его проекта начались «ведомственные пляски». Москва отказалась принимать на рассмотрение документ, завизированный штампом «Новосибиргражданпроекта». Дескать, организация не профильная «по метро», пусть работают специалисты «Метрогипротранса».

Оттуда задание спустили в бакинский филиал — «Бакметропроект», — где после долгих научных раздумий, изысканий, обчетов родился окончательный текст. Собственно, он настолько напоминал «новосибирский» проект, что нехорошее слово «плагиат» даже не прозвучало. Дело было не в авторстве — главное, был бы результат.

В 1978 году Совмин СССР проект новосибирского метро утвердил.

Правда — с изменениями. Севастьянов любил и берег исторический центр города от всяческих «застроек-перестроек». А по проекту выходы из метро на площа-

Чего только не строили на Красном проспекте за последние 25 лет — и станции метро, и подземные переходы

ди Ленина были «встроены» в здание нынешней мэрии, Архитектурного института (бывшей Высшей партшколы) и дома Сибкрайсоюза (сейчас больше известен ресторанами и магазином «Сотый»). «Градоначальник» взвился — говорят, что был у него разговор с Косыгиным, где Севастьянов особо упирал на дом Сибкрайсоюза. Там когда-то работал советский премьер.

И — выбил дополнительные средства на строительство «выносных» входов-выходов в метро. Вот только Городской корпус от «встройки» уберечь не удалось.

А потом — было 12 мая 1979 года и забивка первой сваи будущего метро на станции «Октябрьская». Говорят, на том митинге у «Танка» впервые увидели слезы на глазах — он всегда называл метро своим «душевным делом».

И — первый поезд в декабре 1985 года от «Красного проспекта» до «Студенческой». Сегодня метро — почти 14 километров путей, 12 станций.

Столица Сибири очень неплохо выглядит на мировом уровне! В бельгийском Брюсселе метро «не дотянуло» даже до 11-километровой отметки. В Риме на 11 километров метропути — 11 станций. В Нюрнберге — 11 станций на 7 километров. В столице Чехии Праге — 9 станций на 6,7 километров пути.

Ну, мы, правда, по глубине метро сильно уступаем Пхеньяну, где оно «зарыто» более чем на сто метров. Так, с другой стороны, столица Северной Кореи строила себе бомбоубежище, а мирная столица Сибири — всего лишь транспортные пути.

...Но самая большая загадка новосибирского метро (в том числе — и для самих метрополитеновцев) — это вечно «плачущая» станция «Студенческая». И ремонтировали сколько раз, и исследования проводили — а с потолка капает и капает. И главное, что никто не может внятно объяснить, откуда эта влага берется.

Хотя, собственно, еще в книге А. Гусева «Геологическое строение и полезные ископаемые района Новосибирска», изданной в 1934 году микроскопическим тиражом, скороговоркой упоминается наличие в этом районе подземных ручьев.

Однако со временем меняется даже геологическое строение и почвы. И ручьев-то, вроде бы, сейчас никаких в районе «Студенческой» нет.

А вот — капает и капает. Мистика...

Город детскими глазами

«Дети — наше будущее!» — расхожая формулировка одновременно и банальна, и правильна. Тем не менее, иногда достаточно интересно заглянуть в прошлое и узнать, как, к примеру, представляли свое будущее городские дети недавнего и очень давнего прошлого. И сравнить это с тем, что имеем сегодня.

Сочинения на тему «Как я провел лето» в школе писал каждый, и не однажды. Так же, как и сочинения на тему «Кем я хочу быть». Интересно было бы почитать сейчас подборки этих сочинений — 1950-х, 60-х, 70-х годов. Особенно интересно — подборку таких сочинений одного и того же школьника от первого до последнего школьного звонка. «Лето», собственно, менялось не сильно, как и варианты его проведения под присмотром старших — родителей или вожатых.

А вот как по мере взросления в разные годы меняется у

Газета юных пионеров, издание Сибкрайкома РЛКСМ, 1925-й год

школьников видение собственного будущего, говорит и о том, как им видится будущее страны. И еще больше — о том, какой детям видится страна именно в тот момент, когда пишется сочинение. Что с ней, со страной происходит. Воспоминания ветеранов, при их огромной ценности, это взгляд из «сегодня» во «вчера».

Взгляд людей, знающих, какой путь между «вчера» и «сегодня» пройден, и невольно отягощенный позднейшей оценкой (или — переоценкой) давних событий. Детские школьные сочинения

— своеобразная моментальная фотография того, что происходит вокруг.

В начале 1960-х годов в сочинениях тогдашних пацанов — поголовное желание быть «военными ракетчиками». Фамилия майора Воронова, чья зенитно-ракетная батарея сбила 1 мая 1960 г. американский разведывательный самолет «U-2» Гарри Пауэрса, в детском сознании объединяла очень многое, становясь почти мифологической. От чисто «дворового» восторга — «Мы им врезали!», до гордости за то, что наша техника «бьет» американскую. Значит, мы — круче, значит мы — лучше. Прошло всего несколько месяцев, и предметом школьных мечтаний «о будущем» стали совсем другие ракеты. Гагарин, Титов...

Сейчас вряд ли возможно уже представить, ЧТО ЭТО БЫЛО! Как фамильную реликвию мне показывали «пуговицу Гагарина», которую глава семьи, будучи подростком, оторвал от исторического кителя в восторженной давке во время одной из многочисленных поездок Первого космонавта по стране.

И в сочинениях пацаны поголовно практически до начала 1970-х, писали, что хотят быть только космо-

Средняя школа на улице Ермака, 1960-е годы

навтами. После полета Терешковой видение своего будущего юным «прекрасным полом» того времени перестало отличаться от мальчишеского. Спад пошел после гибели Комарова, а затем экипажа Волкова, Добровольского и Пацаева. Счет космических запусков шел уже десятками и становился как бы «привычным».

Детское сознание не воспринимает, что «война совсем не фейерверк, а просто трудная работа». И космос — тоже. Но сокращение потока «будущих космонавтов» в школьных сочинениях очень много говорит о стране — она освоила космос, и профессия «космонавт» становилась для детей «одной из...»

Рубеж 1960-х-1970-х: в сочинениях повальное желание стать «пограничниками». Только-только отгремели бои на Даманском полуострове. И имена ефрейтора Акулова, лейтенантов Стрельникова, Буйневича, Бубенина, полковника Леонова мальчишки очень даже хорошо знали. Герои-пограничники погибли, но не отступили; отомстили и победили. По огромному количеству «будущих пограничников» в школьных сочинениях можно судить о мироощущении тогдашних подростков.

Да и о том, что не такой уж плохой виделась им стра-

на, которую они готовы были защищать ценой жизни. Старые школьные преподаватели рассказывают, что количество «будущих военных» в школьных сочинениях резко упало в самом начале 1980-х, когда из Афганистана пошли цинковые гробы тех, кто по официальной версии «помогал афганским дехканам разбивать сады и убирать урожай».

Про сочинения конца 1980-х-начала 1990-х учителя вообще не любят вспоминать. Мальчики — практически все будущие «рэкетиры» или «кооператоры», девочки — «проститутки» и «секретарши».

Пожилая учительница (работала в одной из школ Центрального района города) до сих пор без слез и валидола не может вспоминать, что, когда в 1989 г. она в классе зачитала лучшее на ее взгляд по стилю и содержанию сочинение, — класс хохотал. Написавшая сочинение девочка хотела стать врачом. И это тоже много говорит о стране...

... 22 ноября 1918 г. новониколаевская газета «Народная Сибирь» в рубрике «Мимоходом» опубликовала небольшую заметку «В глубинах народных».

«Дети представляют прекрасный материал для изучения общественной жизни народа. Острая наблюдательность и восприимчивость детей — с одной сторо-

ны и детская непосредственность и болтливость — с другой дают изумительно богатый материал для бытописателя. В детях, как в зеркале, отражается всякое изменение в настроениях общественной жизни со всеми характерными чертами данного момента...

В одной из низших школ города на днях писали сочинение на тему «Когда я буду большим». Большинство девочек (в возрасте 8-9 лет) изъявили желание поступить на курсы, чтобы потом быть доктором или учительницей. Характерно, что некоторые из девочек решительно заявили, что докторшей они быть не желают, а поступят на «кулинарные курсы, чтобы стряпать и мыть полы»...

Очевидно, что черный физический труд уже потерял прежнее клеймо проклятья, а рассматривается, как и всякий другой труд, необходимый в обиходе.

У мальчиков того же возраста пропал былой интерес к ратным подвигам и военным отличиям; теперь они желают строить корабли, мосты через реки и прокладывать железные дороги...

И девочки, и мальчики сошлись в одном: когда они будут большими, то немедленно отправятся путешествовать...

Одна девочка, при общем смехе, очевидно в шутку, заявила, что когда она вырастет, то сделается спекулянткой...

Ноябрь 1918-го. Это пишут дети 8-9 лет, которые меньше чем за пару лет пережили подряд несколько даже не «перемен власти», а слома всего окружающего устройства. Царь, Временное правительство, ненадолго — Совдеп, потом — «сибирцы», за четыре дня до выхода газеты с этой публикацией Верховным правителем стал адмирал Александр Колчак. И представления детей о будущем, действитель-

Вокзальная магистраль, строительство многоэтажки (магазин «Золотой ключик»), 1970-е годы

но, отражают все «характерные черты данного момента».

Эти сочинения — «срез» жизни того, старого Новониколаевска. Их писали дети городских рабочих и инженеров, чиновников и железнодорожников, приказчиков и извозчиков. Дети купцов, мастеровых, торговцев, грузчиков. Пусть не смущает слово «низшая» в названии школы — это всего лишь по сегодняшней терминологии «начальная». А всеобщее начальное образование в Новониколаевске было введено еще в 1912 г. Для всех — без различия чинов и званий.

Неудивительно, что часть девочек категорически отвергли перспективу врачебной профессии. Город с 1914 г. был забит госпиталями — все видели изнанку благородной и престижной тогда врачебной профессии. В виде выноса в ведрах ампутированных конечностей. Эпидемии тифа и холеры, ударившие по городу в то время, внешней привлекательности профессии доктора у девочек также вряд ли могли способствовать. Грязь, кровь, гной, маты, трупы.

Исчезновение у новониколаевских мальчишек интереса к «ратным подвигам» тоже вполне объяснимо. На их глазах на территории Нового городского кладбища (на месте сегодняшней «Березовой рощи») за несколько лет Первой мировой вырос новый участок захоронений — «Воинский». Отцы на той войне сгинули неизвестно где — похороненные там же, где погибли. Но там хоть «наши» бились с «бошами». А уж за последний год (1917-1918), когда сосед начал стрелять в соседа, о какой-то привлекательности воинской службы говорить вообще не приходилось. «Мой дом — моя крепость», и, видимо, потому новониколаевские девочки так внезапно и массово заинтересовались домашним хозяйством.

Вокзальная площадь, гостиница «Новосибирск». Строительство закончено в 1985 году

Вот такая «история с моментальной фотографией» старых школьных сочинений. И все-таки немного обидно, что тогда, в то время, дети смеялись над шуткой одноклассницы, что она хочет стать «спекулянткой», а в наше, недавнее время хохот вызывало желание быть врачом.

«Народная Сибирь» была закрыта «колчаковской» администрацией через несколько дней после публикации о школьных сочинениях.

Вряд ли, конечно, именно за этот материал. Многие из тех новониколаевских авторов сочинений, мечтавших о строительстве мостов и путешествиях, совсем не могли представить себе, что они никогда не станут «большими».

Сохранятся ли для памяти сочинения сегодняшних школьников?

Сегодня, 6 июня 1906 г...

*«Весь день — как день:
Трудов исполнен малых
И мелочных забот.
Их веренища мимо глаз усталых
Ненужно проплывет».*

Александр Блок

«Крутнем» машину времени ровно на сто лет назад, день в день! Посмотрим на один рядовой день города Новониколаевска. Когда разглядываешь, что происходило в городе в день, когда не случилось ровным сче- том ничего, начинаешь лучше понимать, каким был город и чем жили горожане сто лет назад.

Итак, новониколаевская газета «Народная летопись» от 6 июня 1906 г. Почти ежедневная, первая и единственная на тот момент городская газета, издававшаяся Николаем Литвиновым. Писала для города и про то, что в городе происходило и город волновало. В этот день, 6 июня, сто лет назад, газета приглашала горожан в летний театр Общественного собрания на «комедию-фарс в 3-х действиях, соч. Мансфельда» «Разрушение Помпей», обещаая дивертисмент (подборку коротких сценических номеров) по окончании спектакля, а также танцы. Начало — в 9 вечера.

Новониколаевское добровольное пожарное общество информировало своих членов о предстоящем общем собрании и его повестке. Вопросы — более чем актуальные. Рассмотрение и утверждение отчета за прошлый год, награждение наиболее отличившихся «членов-дружинников Общества». А также — вопрос о займе денег на оборудование телефонной сети.

Это теперь, глядя из 2006 г., понятно, что это было зарождение городского телефона. А тогда — всего лишь один из пунктов повестки дня собрания. Наряду с рассмот-

рением предложения о комиссионной продаже новониколаевскими пожарными кровельного железа (что делать! И тогда приходилось заниматься «непрофильным бизнесом»). Горожане могли узнать, что «снова от 14 руб. с тысячи страхует дома и имущество Второе российское общество, учрежденное в 1835 году».

Заметим, что за сто лет страховой процент мало изменился. Несмотря на все перипетии с госустройством и переменами курса рубля. Да и «курса»-то у рубля тогда не было — было полновесное золотое содержание. «Госбанк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы (1 рубль — 1/15 империала, содержит 17,424 долей чистого золота)» — это было напечатано на каждой кредитке.

С этого дня, с 6-го июня, «на Дворцовой угол Асинкритовской» (перекресток нынешних ул. Революции и Чапыгина), начинала работу «Физико-механическая велосипедно-автомобильная мастерская для приема всевозможных работ»: «Имеется большая партия материала, запасных частей и принадлежностей для составления целых велосипедов. Принимаю на себя посредничество при заказе новых велосипедов, автомобилей, мотоциклов, беговых экипажей, пишущих машин, металлических тканей и плетений и проч. товары... С почтением, П. Г. Суханов».

Это при том что по состоянию на 1912 г. (через шесть лет, а для молодого города срок действительно шел «год за два») на весь город приходился 1 автомобиль и 1 мотоцикл (сохранившийся в краеведческом музее). А вот практика «составления целого из частей» жива и сегодня — так поступают с битыми и краденными машинами, правда, не публикуя об этом рекламных объявлений.

Город готов был и одеть, и обусть, и обиходить своих жителей. «В каменном магазине Ф. Д. Маштакова... кровати варшавские (т. е. практически импорт! — А. К.) с сеткой и матрацы, умывальники мраморные и железные, утюги простые и паровые, музыкальные инструменты — гитары, скрипки, мандолины, балалайки и бубны». Значит, был спрос. Иначе не стоило тратить на рекламу — сегодня, к примеру, что-то не видно рекламных объявлений о широкой продаже банджо и тамтамов. «Кому потребуется приобрести: ... колючую изгородь, сита, решета; гвозди проволоочные, кованые и резаные; ограды железные, ворота, балконы и беседки; стекла зеркальные, паркет дубовые и терракотовые — просим обращаться в техническое и комиссионное бюро «Работник». Учיתי-

Центр города, 1960-е годы

вали потребности всех — от покупателей решет и проволочных гвоздей до желающих получить терракотовый паркет. Не деля их при этом на потребителей «второго» и «первого» класса, «просили обращаться».

«Мужская, дамская и детская готовая обувь московских, варшавских и заграничных фабрик получена в большом выборе у Григория Даниловича Маштакова... Цены дешевые, в чем прошу убедиться лично!!!» Сейчас бы так — владелец нескольких магазинов просит убедиться покупателей в дешевизне. Да и слово «прошу» в отношении «продавец — покупатель» как-то до сих пор возвращается с большим скрипом.

И, конечно, общественная жизнь — как же без нее! Горожане буквально рвали газетные листки, в которых печатались репортажи с заседаний Государственной Думы — той, первой, столетие которой страна сегодня отмечает и будет отмечать, как минимум, до конца года.

Сейчас мы уже привыкли ко всему, что говорят и могут сказать депутаты, а тогда (тогда!) подобное впервые печа-

талось легально: «Щепкин говорит: ...Проект трудовой группы осуществим лишь революционным путем, при условии слияния армии и народа. Против трудовой группы все землевладельцы... (Аплодисменты). Многие отказываются от слова при аплодисментах. Зал почти пустует. Онацкий (малоросс) энергично доказывает — земля должна отойти к крестьянам без выкупа, ибо после присоединения Малороссии русское правительство раздарило ее своим дворянам. Председатель объявляет, что осталось еще только 25 ораторов. В 2 часа объявлен перерыв».

Публиковался наказ депутату Государственной Думы от избирателей «с. Сухой Терешки Хвалынского уезда Саратовской губернии» (видимо, как образец гражданской позиции для подражания). «С сердечной болью чувствуем, что русский народ

переживает теперь тяжелое положение... Вы будете стараться за народ, а народ будет грудью стоять за вас... 1) Земля, как дар Божий, не сделанный руками человека, должна отойти к народу без всякого выкупа; ...4) Косвенные налоги должны быть упразднены на предметы первой необходимости и заменены прогрессивно-подходящим налогом; ...11) Смертную казнь упразднить, а также отменить военное положение, усиленную охрану и обеспечить народу свободу слова, свободу печати, свободу совести, свободу собраний и союзов и неприкосновенность личности и жилища».

Ох, не избиратели «с. Сухой Терешки» этот наказ писали — что им, собственно, в Терешках свобода собраний и союзов? Да и от словосочетания «прогрессивно-подходящий налог» и сейчас, сто лет спустя, многие нынешние избиратели шарахаются и просят не материться. А уж тогда... Но читалось тогда это всерьез — «впервые прорвавшийся свободный голос народа!»

Весь пафос «центральных» сообщений напрочь сби-

вала опубликованная рядом городская хроника. «Была перерезана поездом корова, которая пролежала у полотна железной дороги целые сутки. Вчера корову хотели закопать на том же месте, куда она была сброшена с полотна, но урядник, вовремя явившийся, не позволил этого сделать. Корова увезена в более удобное в санитарном отношении место».

Он «маленький» был совсем, наш город, в 1906 г. Ему требовались и гвозди и цемент для строительства, и представление с дивертисментом для отдыха, и велосипеды для души. Он был большой и серьезный фрондер, читая речи столичных депутатов, но при этом основным городским событием оставалось все-таки захоронение безвестной коровы, попавшей под поезд в центре города.

Это было сто лет назад, день в день. В рядовой и ничем не примечательный, обыденный для Новониколаевска день 6 июня 1906 г.

Сегодня 6 июня 2006 года — рядовой, обычный для города день. Чем он запомнится?

Кстати, сто лет назад в этот день тоже, как и сегодня, был вторник.

Не наступайте собаке на хвост

Депутатам Новосибирского горсовета четвертого созыва посвящается

Политика — искусство находить общий язык с оппонентами, искать пресловутый «консенсус». Завтра — очередная сессия горсовета, где такие разные депутаты должны будут придти к общим решениям.

Хорошо бы им перед сессией сходить на Шамшурину, 62.

Там стоит дом-памятник тем, кто договариваться не умел.

Новосибирский Горсовдеп образца 1918 г. оказался уникальным по сварливости. И в первую очередь — из-за

большевиков (простите уж мне мой исторический антикоммунизм). Всего за полгода они успели в небольшом Новониколаевске (население около 70 тыс. человек, политических партий — 8, а активистов этих партий на круг выходило на весь город человек 70) поссориться со всеми политическими и общественными силами.

Причем так, что даже во времена социализма в пропагандистских книгах скупко намекалось на то, что не все в Новониколаевске товарищами правильно делалось.

Сначала большевики поссорились с «правыми» партиями, выйдя из городского Комитета общественной безопасности. Ну, «правые» — они правые и есть, «левым» с ними ссориться сам Бог велел.

Потом окончательно разругались с меньшевиками, с которыми, собственно, состояли до этого как бы в одной партии (РСДРП).

Потом пришел Октябрь и началось то, что в старых учебниках истории называлось «триумфальным шествием Советской власти». Смешно, но новониколаевский Совдеп поначалу перехода власти к Советам (то есть, собственно, к себе) не признал. Потребовался скандал и перевыборы для того, чтобы 14 декабря 1917 г. новосформированный Совдеп, наконец, заявил о том, что «вся власть в городе Новониколаевске и в уезде, как военная, так и гражданская, принадлежит Советам». Совдеп, руководство которого составляли большевики и левые эсеры, таким образом, поссорился и с городской Думой, и с Народным собранием. Заодно, задружившись с левыми эсерами, окончательно разругался с эсерами правыми.

Ссориться — так ссориться! Первыми шагами нового Совдепа стали национализация типографии Литвинова, банков, аптек и бань. Набор, казалось бы, странный, но легко объяснимый — все «объекты национализации» приносили в казну «живые», наличные деньги.

А при том, что собственно вопросами хозяйственной жизни города Совдеп тогда и не занимался (некогда!), это было совсем не лишним. Кстати, 30 января 1918 г. новониколаевские большевики докладывали в ЦК об обстановке: ««Экономическая жизнь в крайнем развале; торговля почти прекратилась».

Вместо того, чтобы торговлю хоть как-то организовать и поддержать, объявляется «борьба с мешочничеством» — то есть Красная Гвардия начала «шерстить» тех, кого сейчас называют «мелким и средним бизнесом».

Заодно поссорились с крестьянством, причем, как го-

Интернациональный батальон имени Карла Маркса, Новониколаевск, апрель 1918 года

ворится, «на ровном месте». Объявление о снижении цены на хлеб и муку вкупе с национализацией мукомольных предприятий означало только одно — у крестьянина из кармана вынули его деньги.

Рассорились под конец большевики и с единственными оставшимися у них союзниками — левыми эсерами. Последние стали упрекать их в отсутствии реальной работы. 11 мая левые эсеры впрямую выступили с критикой диктатуры большевиков. А первый председатель исполкома Совдепа левый эсер Игнатий Ботко плюнул в сердцах на свой пост и, сформировав отряд Красной гвардии в три сотни штыков, убыл на Забайкальский фронт (где и погиб).

Но верхом умения договариваться для новониколаевских большевиков стал, бесспорно, так называемый «мятеж чехословацкого корпуса». Вы никогда не пробовали наступить на хвост спящей бродячей собаке? А второй раз? А третий подряд? Странно, вам даже мысль об этом в голову не приходила, прежде всего думалось — а что будет?

Вот такой «спящей собакой» развалились по рельсам Сибирской железной дороги части чехословаков. Корпус был сформирован в свое время из пленных-добровольцев, желающих принять участие в борьбе за независимую Чехословакию в войне против Германии. Собственно, их единственной целью было — обеспечение свободного проезда на восток (чтобы потом пароходами — к себе).

После подписания Брестского мира у чехов в России

оказался двусмысленный статус. «Биться с немчурой за Чехию» они, вроде, уже не могли (мир!), но создавался-то корпус именно для этого. Именно legionеры корпуса оказались единственными боееспособными войсковыми частями в Новониколаевске в начале 1918 г. (о боевых качествах наспех формируемой Красной гвардии, о толпах солдат развалившейся русской армии можно не говорить).

И Совдеп ведет себя по отношению к корпусу точно как по отношению к той собаке. Для начала красногвардейцы обстреляли чешские патрули, охранявшие эшелоны корпуса, — якобы, «по ошибке». А в мае начались хождения представителей Совдепа к начальнику чешского эшелона капита-

ну Гайде с требованием сдать оружие. Ходили к Гайде и другие — белые подпольщики, согласовывая даты мятежа.

Цели только были разные. У «белых» — взять город, для чехов же это было просто обеспечением безопасности от непредсказуемого Совдепа. А те ходили и ходили — сдайте оружие! Все давили и давили «собаке» на хвост...

И 25 мая, после очередных заявленных Совдепом требований разоружиться и дать осмотреть эшелоны, «собака» гавкнула. Уже не подполье полковника Гришина-Алмазова стучалось к Гайде — он срочно разыскал его представителей, выдвинул корпус, и все было закончено в течение часа.

Члены Совдепа не смогли защитить ни город, ни даже самих себя. Их арестовали в Доме революции (сейчас — театр «Красный факел»), где они, вернувшись после жесткого разговора с Гайдой, заседали.

Дальше был арестный дом на Барнаульской (сейчас — Щетинкина, 62), куда пригнали арестованных. Шварц, член Совдепа, впоследствии вспоминал: «Охрану несли меньшевики и эсеры. Они поздравляли друг друга с победой, злорадно улыбаясь, выкрикивали в наш адрес: «Отцарствовали! Будет! Теперь наша власть!»

А 4 июня из этого дома были выведены и при попытке побега расстреляны чехами пять руководителей Совдепа. Три большевика (Серебренников, Петухов и Горбань) и два левоэсера (Шмурыгин и Полковников). Тела их были выданы родственникам для официальных похорон.

...А ведь «злорадно улыбавшиеся меньшевики и эсеры» — жители того же Новониколаевска, что и расстрелянная «пятерка». Ходили по одним улицам, жили в соседних домах, спорили до хрипоты на одних и тех же митингах. Это как же надо было всех «достать» в городе всего за полгода, чтобы дело кончилось выстрелами!

Очень прошу нынешних депутатов — сходите перед сессией к дому на Щетинкина, 62, и подумайте о том, что договариваться всегда лучше, чем ссориться.

А потом — зайдите в Сквер Героев и положите цветы к бюстам левоэсеров Шмурыгина и Полковникова. Их умудрились посмертно еще раз поссорить с бывшими коллегами по партии — на бюстах написано, что их расстреляли мифические «белоэсеры».

Может быть, ритуал стоит такой специальный завести для депутатов?

Перед каждой сессией, организованно, всем Советом — на Щетинкина, 62. Где можно постоять, помолчать и подумать — а надо ли наступать на хвост собаке?

Вечные беды народных избранников

*«Мы не пашем, не сеем, не строим —
Мы гордимся общественным строем.
Мы бумажные важные люди,
Мы и были, и есть — мы и будем».*

Песенка из к/ф «Забытая мелодия для флейты».

Как и сейчас, 90 лет назад городские народные избранники обладали, по сравнению с простыми гражданами, рядом привилегий и льгот. Власть менялась, а вот льготы оставались. И было их существование гораздо более насущным, чем сегодня вопрос о «мигалках» и спецномерах. Потому и 90 лет назад за «свое» избранники держались до последнего.

В 1917 году в городе существовало два центра власти — Совдеп, сформированный из представителей партий, общественных организаций и воинских частей; и Городское народное собрание (ГНС), впоследствии — Городская Дума, избранные хоть и по партийным спискам, но все же всем городским населением. Оба «центра власти» долгое время поддерживали друг друга, особенно — в борьбе с теми, кто их, собственно, и выбрал.

25 апреля 1917 года на первом же заседании ГНС эсеры, оказавшиеся в меньшинстве (избиратели предпочли эсеров), огласили свою декларацию: «фракция не может принять на себя в какой бы то ни было степени ответственность за результаты и последствия деятельности ГНС...

Объявление в новониколаевской газете «Русская речь». 1917 год

Гудимовская улица, 1910-е годы

Мы не можем участвовать ни в каких исполнительных органах ГНС». То есть фактически отказались от участия в решении насущных, сиюминутных городских проблем. Не отказываясь при этом от депутатского статуса.

Депутаты ГНС буквально в считанные дни (если не часы) ощутили свою повышенную значимость по сравнению с «простыми» жителями Новониколаевска. И не только его. После избрания уездного Народного собрания (примерно соответствует нынешнему областному Совету) на его торжественное открытие приглашенные представители исполкома ГНС не явились, сообщив через газеты причину — дескать, не были им отведены «отдельные места». Член исполкома ГНС эсер Храмов выразился более отчетливо: «Что мы, с музыкантами сидеть вместе будем, что ли?!»

Всего за пару месяцев до этого Храмов «сидел» под гласным надзором полиции.

Эсдеки свое обещание не работать в исполнительных органах ГНС сдержали. Несмотря на это, постоянно выступали в городском собрании с декларациями, заявлениями, протестами.

Так, на заседании ГНС 2 июня 1917 года фракция эсде-

ков потребовала, чтобы о вопросах, намеченных к рассмотрению в ГНС, оповещались широкие слои города. Зампред исполкома ГНС Марков-Доронин (эсер) меланхолично заметил: мол, хорошо выносить пожелания, но трудно их выполнять. Кто хочет тех или иных улучшений — пусть приходит и работает. Эсдек Сушкин возмутился: «Мы работаем в комиссиях, а на ротаторе печатать мы не умеем». Хотя эсдековская ежедневная газета «Голос Сибири» выходила вовсю, и не на ротаторе, а в типографии.

Впрочем, как только избиратели начинали задавать «неудобные» вопросы своим избранникам, ГНС и Совдеп сразу же поддерживали друг друга в разъяснениях о том, что «все равны, но некоторые — равнее всех».

Крестьяне, узнав, что суточные их избранников в губернском народном собрании составляют 7 руб. (оплата за проезд — отдельно), изумились: «На шею мужика падет несколько совершенно лишних десятков тысяч, и только у наших депутатов добавится в карманах сотни по две». Эсдековская газета «Голос Сибири» 14 мая 1917 года откровенно поглумилась в ответ: «Как видно из этого письма, деревня судит обо всем на свой деревенский аршин. Очевидно, 7 руб. для деревни величина огромная...

Здание государственных учреждений, позднее получившее название Сибирского подворья, построено в 1924-1925 годах

Суточное вознаграждение депутатам старицею окупится благодаря той экономии, которая получится благодаря тому, что народные деньги будут расходоваться под контролем истинных народных представителей».

При этом та же газета в те же дни сообщала: «При старой управе прислуживали девушки, которые, главным образом, заведовали разносной чая... За свой труд они получали по 15 руб. в месяц... Сейчас, при ГНС, условия их вознаграждения не изменены. ...При теперешней дороговизне невозможно существовать взрослому человеку на 15 руб. в месяц».

Как говорится, почувствуйте разницу — 7 руб. в сутки для депутата (не считая проезда) — это немного, а вот на 15 руб. в месяц «невозможно существовать взрослому человеку». «Пожалели» девушек с чайными стаканами.

Одной из главных привилегий для членов Совдепа и депутатов ГНС от воинских частей был запрет на их по-

сылку на фронт.

Однако на заседании Совдепа 27 мая 1917 года прапорщик Попов, представитель солдатского комитета 17 полка, огласил требование коллективного собрания представителей комитетов всех полков отозвать военных из обществ. организаций: «Военные должны исполнять свой долг в окопах».

Военные — лица, чуждые городу и городским вопросам, в городе не останутся, и если что их держит в ГНС и Совдепе, так это гарантия от отправки на фронт. На их место нужны люди из городского сословия.

Совдеп требования солдат просто не понял. Председатель военотдела Совдепа эсер Трубецкой начал объяснять, что работы у военных в Совдепе — просто невпроорот. Совдеп, дескать, командирует из своего состава представителей в областной, военный окружной и гарнизонный комитеты, а также «на те или иные съезды».

Единственный пример, когда Совдеп протестовал против посылки на фронт — прапорщик Стойлов, ввиду большой загруженности, «чрезвычайно завален работой». А денег за это никто не платит, хотя «в Совете существует принцип диетности, одинаковый для рабочей и солдатской среды». «Диета» — 2 руб. 50 коп. в день.

«Члены исполкома Совдепа находятся в непрерывной работе с раннего утра до поздней ночи; они не имеют возможности посещать свои части... время обеда — время как раз самой боевой работы. Позднее время, в которое приходится возвращаться из Совета, тоже не значит, что работа кончена. Приходя домой, им приходится продумать все вопросы, которые выявляет текущая жизнь и которые приходится обсуждать...

Все это вместе взятое вынуждало членов исполкома стать на диету, чтобы иметь возможность жить на частной квартире и так или иначе питаться». 7 рублей суточных — недостаточно, но, оказывается, что «диета» в 2-50 в день достаточна и для съема квартиры, и для пропитания.

Кстати, член Совдепа и депутат ГНС Адольф Клеппер назвал выступление представителя полковых коми-

тетов «контрреволюционным». Собственно, Клеппер был солдатом того самого 17-го полка и был избран в ГНС от солдат гарнизона. А тут вдруг — все бросить и на фронт?.. В сентябре 1917 года прапорщик Стойлов, на которого ссылались выше, заявил об уходе из Совдепа вообще и об отказе быть секретарем военного отдела Совдепа. Ушел на фронт с маршевой ротой.

...После падения Совдепа в мае 1918 года была восстановлена Городская дума. Не полностью — «сибирцами» были расстреляны ее депутаты, эсдеки-большевики Горбань, Петухов и Серебренников. При Совдепе расстреляли эсера-депутата Азеева.

В октябре 1918 года покончил жизнь самоубийством («от неустройства жизни в городе») депутат гордумы, эсдек-меньшевик Холкин. Одним из первых решений восстановленной при «сибирцах» Гордумы стало решение о выплате всем ее депутатам жалования за «вынужденный простой» при Совдепе. Получили по несколько тысяч. Следующим решением Думы был заем «у жителей города» в 2 млн. руб. под залог всего имущества городского общественного управления. Выплаты — себе, заем — за счет города.

Впрочем...

Еще в мае 1917 года Совдеп опубликовал объявление: «Некоторыми бывшими и настоящими членами Совета взяты под отчет из кассы Совета суммы денег. Несмотря на неоднократные просьбы отчитаться в них, до сего времени отчетов не поступает. Настоящим предлагаем всем лицам, не представившим отчета, сделать это в пятидневный срок, в противном случае сочтем необходимым опубликовать их фамилии».

Фамилии, естественно, никогда опубликованы не были. Как говорится, «кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево».

В 1935-1937 гг. здание госучреждений было надстроено до пяти этажей. Долгое время в нем размещалась Высшая партшкола, сейчас здесь находится Архитектурно-художественная академия

Новосибирский «гербарий»

Новосибирску долгое время не везло с официальными символами — гербом и флагом. Город использовал то чужие гербы, то странные «гербовые картинки».

Новосибирские символы прошли через немалые пертурбации, прежде чем получить официальный статус.

Это просто удивительно, как столица Сибири из всех сил отпихивалась от геральдических исторических подтверждений своей столичности.

Сейчас ситуация, слава Богу, установилась, но и то — не до конца.

Герб у города должен был появиться уже давно — как минимум с декабря 1903 г., когда Новониколаевск был официально признан городом. Согласно императорской «Грамоте на права и выгоды городов Российской империи» от 1785 г., городу позволялось «иметь герб, утвержденный рукою императорского величества, и оный герб употреблять во всех городских делах». Так что право, вроде бы, было, — герба не было.

Собственно, новониколаевская общественность, так активно добивавшаяся городского статуса, такую «мелочь», как герб, похоже, просто из виду упустила.

А с появлением городского самоуправления пошли и бумаги, которые необходимо было соответственно заверять. Нужна была печать, а на печати — городской герб.

Вот ведь извечная российская бюрократия! Для себя — и то ничего сделать быстро и хорошо не могут.

Печать была заказана только в декабре 1904 г., получена в марте следующего года и применялась до января 1914 г., скрепляя официальные городские документы. А на печати той — загадки такие, о которых историки до сих пор спорят.

Во-первых, над гербовым щитом на печати возникло изображение императорской короны — что по правилам полагалось только городам губернским и уж никак не безуездным. Во-вторых, изображение томского герба (Новониколаевск относился к Томской губернии) претерпело странное изменение.

По документам 1804 года герб города Томска выглядел так: «В щите, имеющем зеленое поле, изображена белая лошадь, бегущая в правую сторону». В 1878 году гербовый щит Томска (как губернского центра) увенчала золотая пятибашенная корона и появились дубовые листья с ан-

Письмо томскому губернатору по поводу переименования поселка Александровского в Ново-Николаевский, 1898 год

реевской лентой. Но вот лошадь, по непонятным причинам, стала уже серебряной и скакала совсем в другую сторону.

Самое смешное, что, скорее всего, это была простая оплошность гравера, но именно в таком виде лошадь доскакала и до новониколаевской печати.

Версия о влиянии на демонстративный «левый» разворот членов Обской группы РСДРП историками даже не рассматривается.

В-третьих, само изображение нижней части гербового щита осталось загадкой. Было некое приземистое здание с двумя узкими арочными проемами и некий вензель, напоминавший латинскую «J».

Простор для версий историков творения неизвестного автора оставило обширный. То ли это шатер хана Кучума, скрывавшегося после разгрома в так называемом «Чертовом городище», как раз и находившимся на территории будущего города. Тогда это «J» неспроста, а личный знак Кучума.

По другой версии, горожане, так любившие храм Александра Невского, не могли его не увековечить в городском гербе. В таком случае то же «J» становится (почему-то) вензелем Александра III. Если, конечно, пытались изобразить храм — получилось как-то больше похожее на торговую лавку.

А что касается споров по поводу загадочного вензеля на городской печати, у меня своя теория. У резчика резец не туда выскочил, а работу сдавать надо было позарез. Интересно бы узнать фамилию того «рукодела», благодаря которому сегодня многие ходят в кандидатах и докторов наук «от истории». Но это — вряд ли возможно.

Имя автора первого странного городского герба и то — загадка. Несомненно, что это кто-то из активных членов городской Думы. И, вероятнее всего, разговор был при заказе печати примерно такой: «А сде-

Герб Сибири, XVII век

Рисунок герба Томска, высочайше утвержденного 12 марта 1804 года

Современный герб Новосибирска

лай мне, любезный, где-то вот эдак».

«Хулиганский» герб на императорское утверждение даже не подавался.

Печать с ним шлепалась на документы, пока, наконец, в Томске кто-то не обратил внимание на нее. Последовал окрик — припомнили все.

И издевательство над высочайше утвержденным томским гербом, и самочинное использование геральдического символа «императорская корона». Который, повторюсь, мог венчать гербы только городов губернских. А заштатному по статусу Новониколаевску соответствовала в геральдике «червлёная трехзубая башенная корона». В общем, с 1914 г. Новониколаевск, плюнув на авангардистские эксперименты с гербом, печать заменил, а «хулиганский» герб отправил «в небытие».

Вплоть до победы большевиков в декабре 1919 г. новониколаевская власть на всех законных основаниях использовала «правильный» томский герб — лошадку, скачущую вправо.

Собственно, разговоры о городском гербе на долгие годы стали неактуальными и даже где-то опасными. Ну какой тут еще «герб», когда у страны один на всех он уже есть и без всяких корон, и партия у нас одна, и вообще... Просто контрреволюция какая-то!

На рубеже 60-70-х годов оказалось, что эта «контрреволюция» называется «краеведением». Новый герб Новосибирска, утвержденный новосибирским горсоветом 23 декабря 1970 года, «потрафил» всем. И рука с факелом на нем была (из Сквера Героев), и «шестерня, колос и орбиты движущихся электронов» (из официального описания герба). Художник-гравёр В. Узбек, создав этот герб, сделал для города действительно большое дело. Горожане герб полюбили, его тысячами чеканили на значках ПО «Сувенир» (спасибо и бывшему директору Сергею Проничеву). Знач-

ки охотно раскупались, носились, дарились.

В 1972 г., во время первого приезда «дорогого Леонида Ильича» в Новосибирск, ему преподнесли подарок — плашку с гербом города. Генсек ознакомился и высказался, что, дескать, все понятно — мирный атом, хлеб промышленности. «А это фонтан у вас такой?» Новосибирцы онемели, но секретарь обкома КПСС Федор Горячев, собравшись с силами, объяснил, что такое для города «рука с факелом».

Генсек извинился, более того — посетил Сквер (фотографии, жаль, не сохранились). У Горячева после этого разговора выбилась седая прядь. Сейчас, наверное, это смешно...

Пришли другие времена — и городу потребовался новый герб. Собственно, городу требовалось в начале 1990-х годов очень многое — уголь, бензин, продукты, деньги... Ну и герб тоже нужен был. На одной из сессий горсовета полторы сотни депутатов в зале заспорили по принципиальному на тот момент вопросу — надо, чтобы у герба об-

рамление из ветвей было. А из каких? Дуб, тополь, лавр, ель — тут мнения решительно разделились.

Мэр и председатель горсовета Иван Индинок сидел в президиуме и разбирал бумаги по насущным проблемам города. Он, кажется, даже не слышал этих криков, пока на него впрямую не насели — а вот что думает мэр? Какие ветви на гербе должны быть — дубовые или тополиные? Иван Иванович оторвался от бензина, угля, пенсий и всего прочего, сказал: «Да пусть дубовые будут!» И, посмотрев в зал и думая явно о своем, добавил: «Дубов в Новосибирске много...»

В конце концов утвержденный герб уже стал для города родным.

И соболя со старинного герба Сибири, и лук со стрелами оттуда же, и стилизованное изображение «батьюшки-моста». Да только вот цвета на гербе странные.

Областному гербу повезло гораздо меньше.

Изображение двух соболей, держащих над стилизо-

Новосибирск, вид на ул. Сталина (нынешняя ул. Ленина)

ванной Обью каравай хлеба (который одновременно напоминает и пролет первого моста и купол Оперного театра), вызвало почему-то яростное неприятие.

На сессии облсовета высказывались даже в том смысле, что это «два хорька «крышуют» Новосибирскую область», соболей предлагали заменить на двух медведей. Депутат Сергей Кибирев пошел еще дальше — в перекрещенных стрелах он увидел то ли крест, поставленный на будущем Новосибирской области, то ли... букву «Х».

Зато внес депутат проект своего герба. В советские годы проводились детские конкурсы рисунков мелками на асфальте под девизом «В каждом рисунке — солнце!» Вот в такой же «наивной» манере был выполнен и этот проект — женщина с обнаженной грудью, кормящая ребенка на фоне часовни.

Тут, похоже, внутренне вздрогнули даже те, кто оттачивал остроумие по поводу «хорьков» и медведей. Стрелы, правда, с герба «снесли», но соболя уцелели.

Современная история «с соболями» поистине удивительная. Соболя и лук с перекрещенными стрелами — древний герб Сибири. Его изображение было и на крыльях государственного герба Российской империи.

А еще — на монетах, которые официально чеканились не где-нибудь, а на территории будущей Новосибирской области, на Сузунском монетном заводе с 1766 по 1781 годы. Монету чеканили только столицы — Москва и Санкт-Петербург. Ну, и еще у нас.

Причем, если на «федеральных» монетах был, естественно, изображен государственный герб — орел, то на «наших» — сибирский герб, надпись «Сибирская монета».

И только на обороте чеканилось изображение вензеля Екатерины Великой, по позволению которой появились у Сибири свои, «особливые», монеты. Так что все

Скульптурная композиция в центре города

предпосылки для претензий на исторические корни у новосибирской символики есть, равно как и возможность напомнить о столичном статусе. Ан нет — над соболями развелись как хотели.

В 1918 году Сибирский герб еще успел появиться на бумажных деньгах Временного правительства Сибири, свергнувшего в регионе Советскую власть. Появился ненадолго — до переворота адмирала Александра Колчака в декабре того же 1918-го. Прихватив лук и стрелы, сибирские соболя на десятилетия «ушли в подполье», чтобы потом, вынырнув из него, занять все-таки (хоть и «с боями») свое почетное и справедливое место на новосибирских гербах.

Другим новосибирским символам — флагам — повезло меньше. Особенно областному. Предполагалось скомпоновать его из традиционных «сибирских» цветов — белого, синего, зеленого. Но депутаты «левой» ориентации, что называется, «уперлись», и пришлось добавить на флаг еще и красный цвет.

Африканское государство Берег Слоновой Кости, наверное, обзавидовалось — у них и флаг такой же, и цвета те же, но вот синей полоски-Оби по центру нет. Зато те-

перь понятно, почему, скажем, программа «Сегодня в Новосибирске» ведет свои передачи на фоне изображения Африканского континента.

Ну, а для полного «винегрета» на флаг добавили и областной герб. Обычно в геральдике так пытаются не делать. Флаг и герб — разные символы, которые дополняют друг друга, а не подменяют. Но геральдика — геральдикой, а личные амбиции и фанаберии всегда будут сильнее.

С флагом Новосибирска история попроще, но тоже какая-то странная. Флаг разделен по диагонали из левого нижнего угла в правый верхний голубой волнистой линией, символизирующей Обь. Верхнее поле — зеленое, нижнее — белое.

Вот тут-то странности и начинаются. Даже непрофессионалу видно, что «тяжелый» зеленый цвет верхней части визуально «давит» на легкую белую. Возникает желание флаг перевернуть, чтобы он получил «устойчивость».

А он, собственно, в оригинале и был перевернут.

В середине XIX — начале XX века существовало движение сибирских областников. Душой его были ученые, исследователи Сибири и Азии Григорий Потанин и Николай Ядринцев.

Основные идеи были просты — разработка новых схем управления для Сибири, направления развития региона, прекращение отношения верховной власти к Сибири как к колонии. Они искали сторонников, создавали нелегальные общества (в том числе — «Общество независимости Сибири»), их арестовывали, сажали и ссылали. В Сибирь — куда же еще! Они вели здесь научную работу, организовывали многочисленные научные экспедиции, а главное — продолжали писать статьи, книги, выпускать газеты, в которых доказывали: «Сибирь дол-

жна быть автономной».

Правда, прослойка интеллигенции в Сибири, способных воспринять идеи «областников», была крайне невелика, но они понимали, что работают даже не на завтрашний день, а на перспективу.

После смерти Ядринцева (покончившего жизнь самоубийством) Потанин продолжил общее дело. Он-то и разработал бело-зеленый земельный Сибирский флаг. Только «потанинский» флаг был «правильным» — диагональ шла из верхнего левого угла в правый нижний, и «тяжелый» зеленый цвет (символизирующий сибирские леса) располагал-

План Новониколаевска, 1919 год

Площадь Сталина, 1938 год

ся внизу; белый (бескрайние сибирские снега) — наверху. После революции 1917 г. флаг этот поднимался на собраниях и митингах «областников». Цвета эти использовало и упоминавшееся выше Временное правительство Сибири. Повстанцы, при поддержке чехословацких легионеров захватившие 25 мая 1918 года в Новониколаевске Дом Революции и арестовавшие Совет, имели отличительные бело-зеленые ленточки. После колчаковского переворота «потанинскими» цветами почти не пользовались, хотя на шинелях у «сибирцев» были бело-зеленые шевроны.

Так почему «потанинский» флаг стал новосибирским в таком странном виде? Ответа нет. Хотя есть версия. Перевернутый флаг по канонам классической геральдики вывешивался в знак траура. Так, может, это и есть постоянный траур города по белым «сибирцам», у которых до сих пор — ни могил, ни мемориальных досок, ни памятников? Сомнительно, конечно, скорее всего — просто результат недоразумения.

...А соболей исторических, над которыми вволю позиздевались, искренне жалко. Это надо же — «хорьки»!

Флаги над городом

Флаг — один из символов власти. Флаги в Новониколаевске отменяли и запрещали друг друга, и даже волевали между собой. Сегодня в Новосибирске бывшие «противники» сосуществуют вполне мирно.

Февраль 1917 года в Новониколаевске ознаменовался, естественно, массовым появлением еще вчера запрещенных красных флагов. Пикантность заключалась в том, что бело-сине-красный флаг никто не запрещал и не отменял. Он никогда не имел «царского» статуса, считался национальным флагом России.

Правда на улицах, на митингах и собраниях тогда, бе-

Къ населенію города Новониколаевска!

Для усиленности дѣятеліи нашей доблестной арміи необходимо сохраненіе поднаго спокойствія и порядка въ тылу. Всякіе внутренніе неурядки доставляютъ лишнее торжество нашему врагу. Врагъ уже приближается къ полному истощенію и скорой гибели и въ нашихъ безпорядкахъ видить свое спасеніе.

Такъ будемъ же спокойны и тѣмъ поможемъ нашей доблестной арміи и не будемъ тѣшить врага.

Обязанность каждаго воздерживаться отъ всякихъ дѣятеліи, могущихъ нарушить правильное теченіе жизни.

Обычно безпорядки являются результатомъ недозволенныхъ уличныхъ сборищъ, почему таковыи отнюдь допускаться не будутъ.

Начальникъ Гарнизона
города Новониколаевска,
Генералъ-Маіоръ *Латорнъ.*

Новониколаевскій Полицеймейстеръ *Бухартовскій.*

2 марта 1917 г.
Городъ Новониколаевскъ,
Томской губерніи.

Новоникол. Город. тип.

Обращение к жителям города военных и полицейских чинов, 1917 год

СИБИРЯКИ!

Вы не хотите стать бѣженцами и мыкаться
по чужимъ угламъ?

Такъ защищайте свои углы, свои дома.

ПОСТУПАЙТЕ КЪ ДОБРОВОЛЬЦЫМЪ!

Агитационная листовка времен гражданской войны

зусловно, доминировал красный цвет — как «символ наступившей свободы». Впрочем, скоро у обоих флагов появился «счастливый соперник» — бело-зеленый «сибирский флаг». О нем нужно сказать особо.

«Бело-зелеными» были цвета движения сибирских областников. Основные идеи движения разрабатывали публицисты, исследователи Сибири Николай Ядринцев и Григорий Потанин в конце XIX века. Идеи были вполне обоснованны — прекращение колониальной политики Империи по отношению к Сибири, превращение Сибири в автономное образование.

Идеи, да еще и попытки создания нелегальных кружков для обсуждения сибирских проблем ни восторга, ни сочувствия у властей не получили. Лидеры областников прошли через аресты, ссылку и каторгу. Именно Потаниным был предложен вариант флага автономной Сибири. Прямоугольное полотнище, разделенное диагональю из верхнего левого угла к правому нижнему. Цвета символизировали, соответственно, сибирскую тайгу и снега Сибири.

Время «потанинского» флага наступило после Февральской революции 1917 года. Группы областников в Томске и Новониколаевске вышли на первые свободные демонстрации 1 мая 1917 года с бело-зелеными флагами. Он был еще в диковинку — на фоне красных полотнищ.

Однако к нему быстро привыкли. Созванная областниками Конференция общественных организаций Сибири 5 августа 1917 года единодушно утвердила бело-зеленый флаг в качестве «национального Сибирского флага».

Это решение подтвердил и собравшийся в декабре 1917 года чрезвычайный Сибирский областной съезд, провозгласив создание в Сибири автономной областной власти.

Мирное сосуществование флагов прекратилось после Октябрьской революции 1917 года. Единственным цветом официальных флагов в сибирских городах стал красный. Полностью это произошло после разгона Учредительного собрания и перехода власти в руки Совдепов.

В феврале 1918 года Сибирская областная Дума была разогнана. Впрочем, «одноцветье» в Сибири продлилось очень недолго. Часть думцев скрылась, сформировав Временное правительство автономной Сибири. Под идею восстановления автономной Сибири формируются подпольные офицерские дружины.

Все завершилось в конце мая 1918 года. Договорившись с Чехословацким легионом, «белое» (а точнее — «бело-зеленое») подполье свергло Совдепы по всей Сибири. В Новониколаевске подпольщики боевых дружин, атаковавшие местный Совдеп вместе с чехами, для отличия носили на рукавах бело-зеленые повязки.

Автономная Сибирь восстановила в качестве официального бело-зеленый флаг. Бело-зелеными были и нашивки на рукавах бойцов подразделений Сибирской армии. И кокарды, которые делали очень просто — обтягивая кокарды «старой» армии все той же бело-зеленой лентой. Однако при этом сибирское правительство особо подчеркивало, что вместе с Сибирским не возбраняется и использование трехцветного национального русского флага.

В газетах Новониколаевска со ссылкой на Сибирское правительство публиковались специальные сообщения, что никакого запрета на трехцветный флаг нет. Однако, несмотря на это, основными официальными цветами Сибири стали белый и зеленый.

Многие не понимали «автономию», приходилось разъяснять. Министр Сибирского правительства Иван Серебренников писал: «Необходимо уяснить, что автономия Сибири вовсе не означает собою полного политического отделения Сибири от России, т.е. образования отдельного независимого государства».

Основным лозунгом «сибирцев» стало: «Через автономную Сибирь — к возрождению России». Однако подозрения в «сепаратизме» оставались, причем у очень многих. В таких условиях, да еще и в условиях необходимости объединения всех антибольшевистских сил от Урала до Дальнего Востока, приходилось идти на радикальные меры. Было создано Всероссийское временное правительство, объявившее в ноябре 1918 года Верховным правителем России адмирала Александра Колчака.

Колчак, человек честный и искренний, в политике разбирался слабо. Он знал одну программу — восстановление единой и сильной России. К идеям «сибирско-

го автономизма» адмирал относился если не отрицательно, то крайне настороженно. Тем более что об автономии активно говорили не только областники, но и эсеры. Занимавшие тогда сильные позиции в выборных «сибирских» органах всех уровней. Бело-зеленый флаг был не то чтобы запрещен, нет. Но ему на смену активно внедрялся флаг бело-сине-красный.

Однако вот ведь какое забавное свойство памяти — спустя годы она охотно подменяет одни явления другими. Новосибирский писатель Борис Попов, бывший мальчишкой в годы гражданской войны, в одной из своих книжек, посвященных тому времени («Красный бант», Н., 1974 год) пишет: «По обеим сторонам дома на улице были расцвечены бело-зелеными колчаковскими флагами». «Колчаковским» «потанинский» сибирский флаг никогда не был.

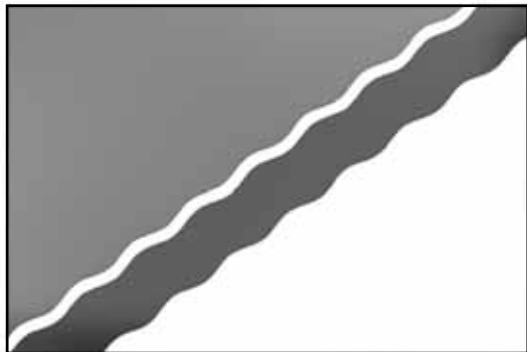
Надо, впрочем, отдать должное адмиралу. Когда встал вопрос о введении новых наград, 27 июня 1919 года он утвердил эскиз ордена «Освобождения Сибири». Его высшая степеня представляла собой носимый на широкой зелено-белой ленте через правое плечо прямой золотой крест, на который положен такой же формы крест меньшего размера, сделанный из малахита. В центре креста дата «1918». К кресту I степени полагалась также восьмилучевая серебряная позолоченная звезда, на каждом из лучей которой было по пять хризолитов.

Однако Гражданская война в Сибири уже катилась к концу. И вскоре единым официальным цветом на ее территории снова стал красный. Спорившие между собой бело-зеленый сибирский и бело-сине-красный национальный флаг надолго оказались «в подполье».

И если трехцветный еще время от времени мелькал в фильмах о Гражданской войне, то бело-зеленый, казалось, пропал навсегда.

Но нет. Прошли годы, и бело-сине-красный снова стал государственным флагом страны. Не пропал и бело-зеленый — флаг Сибири сегодня стал флагом Новосибирска. Правда, с небольшим добавлением, которое его несколько не портит.

По диагонали добавилась голубая перевязь с белыми волнами, символизирующая реку Обь, на которой стоит город. Сегодня оба флага мирно соседствуют на флаштокке над зданием мэрии и городского Совета Новосибирска, ничуть не споря друг с другом. А красные стяги проплывают над головами участников демонстраций. Тоже, кстати, вполне мирно.

Флаг г. Новосибирска